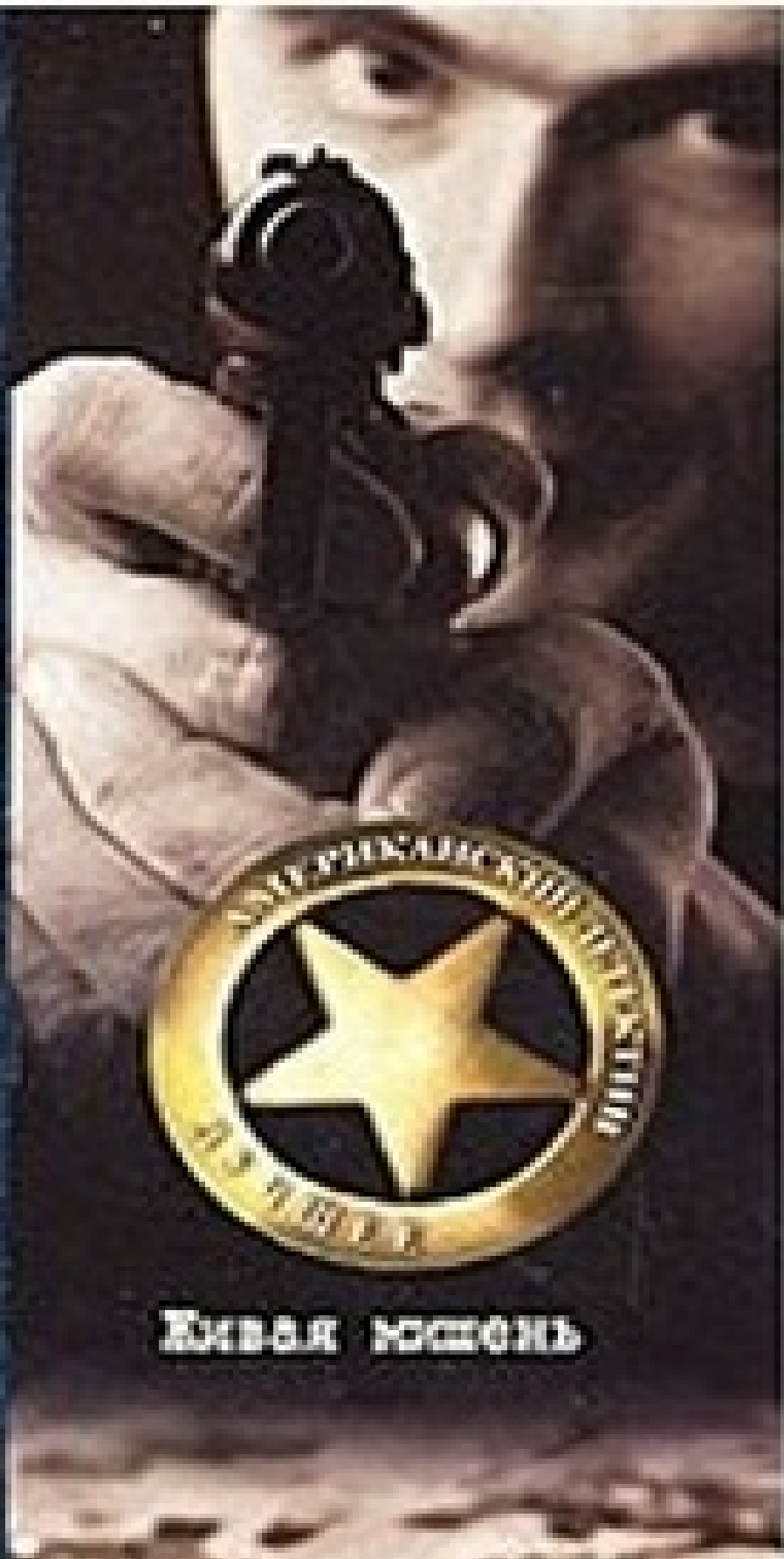

РОСС МАКДОНАЛД

Живая легенда

- [Росс Макдональд](#)
- [Живая мишень](#)
- [Американский детектив: лучшее](#)

•

- [АННОТАЦИЯ](#)

•

•

- [Росс Макдональд](#)
- [Живая мишень](#)

•

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

•

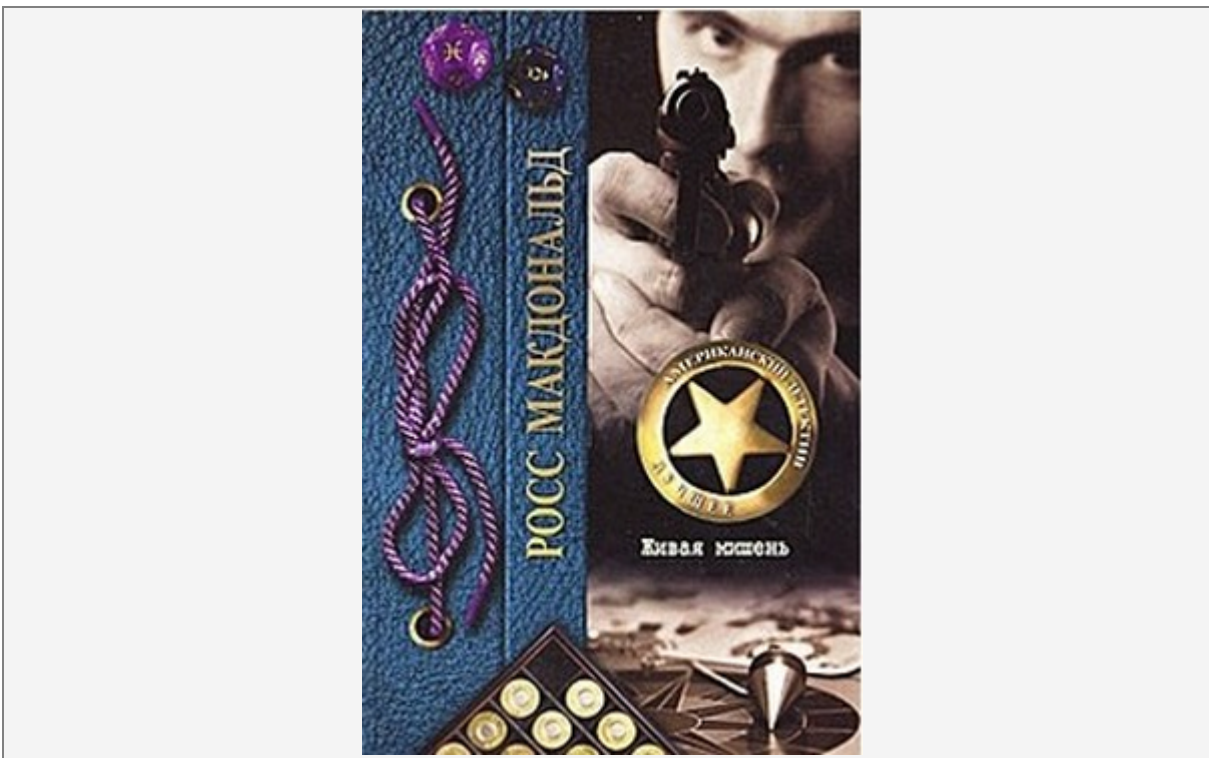
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
-

Росс Макдональд

Живая мишень

Американский детектив: лучшее

Название: Живая мишень

Автор: Росс Макдональд

Год издания: 2011

Издательство: АСТ, Астрель, Полиграфиздат

ISBN: 978-5-17-073557-0, 978-5-271-36662-8, 978-5-4215-2343-7

Страниц: 320

Формат: fb2

Серия: Американский детектив: лучшее

АННОТАЦИЯ

"Живая мишень" - возможно, самый необычный роман Росса Макдональда о приключениях частного детектива Лу Арчера.

Эксцентричный калифорнийский магнат Ральф Сэмпсон, помешанный на языческих верованиях, астрологии, алкоголе, джазе и красивых старлетках, бесследно исчезает. Арчеру поручено найти его, но при этом любой ценой избежать скандала.

Дело обещает быть занятным и не слишком сложным, однако очень быстро превращается в опасное расследование похищений, краж, шантажа и убийств.

Росс Макдональд

Живая мишень

Глава 1

Такси медленно свернуло с государственного шоссе 101 и направилось к морю. Дорога делала петлю вокруг коричневого холма и спускалась в каньон, заросший карликовыми дубами.

— Кабрильо-Кэньон, — объявил водитель.

Вокруг не было никаких домов.

— А что, люди здесь живут в пещерах?

— Отнюдь! Дома внизу, около моря.

Вскоре я почувствовал запах моря. Мы еще раз повернули и въехали в зону прибрежной прохлады. Плакат возле дороги гласил: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ. ПРОЕЗД КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕН!»

Дубовые поросли уступили место шеренгам пальм и кипарисовым изгородям. Между деревьями мелькали лужайки, крыши из красной черепицы и позеленевшей меди. Мимо нас промчался «роллс-ройс» с красоткой за рулем. Он пронесся словно порыв ветра, рождая ощущение нереальности. Голубоватый туман в каньоне напоминал легкий дымок, и сквозь него море выглядело искусственным твердым клином в пасти каньона, ярко-голубым и отшлифованным, словно драгоценный камень. Частные владения: прочность красок гарантирована, материал не садится. Никогда еще Тихий океан не казался мне таким маленьким. Мы поехали дальше в проезд между тисами, стоящими, как часовые, затем некоторое время кружили в лабиринте частных дорог пока, наконец, не оказались над морем, простирающимся далеко к Гавайям. Внизу, на скальном обрыве, стоял дом, обращенный тыльной стороной к каньону. Его крылья сходились под прямым углом вершиной к морю, подобно громадному белому наконечнику стрелы. Сквозь кустарник я заметил белый теннисный корт и голубовато-зеленую поверхность бассейна. Водитель свернул на подъездную дорогу и остановился у гаражей.

— Вот тут и живут пещерные люди. Будете ждать прихода слуг?

— Я не гордый.

— Вас подождать?

— Пожалуй, да.

Грузная женщина в синем рабочем платье появилась на служебном крыльце и стала наблюдать, как я вылезая из такси.

— Мистер Арчер?

— Да. Миссис Сэмпсон?

— Нет, миссис Кромберг. Я экономка.

Улыбка скользнула по ее лицу.

— Можете отпустить такси. Когда вы освободитесь, Феликс отвезет вас в город.

Расплатившись с водителем, я достал из багажника свою сумку и, держа ее в руке, в нерешительности остановился. Моя работа могла закончиться через час, а могла и через месяц.

— Я отнесу вашу сумку в кладовую, — произнесла экономка. — Думаю, что она вам не понадобится.

Она провела меня через сверкающую хромом кухню, затем через холл — холодный и чем-то напоминающий монастырь. Мы вошли в лифт, поднявший нас на второй этаж.

— Все современные удобства, — заметил я.

— Лифт пришлось установить, когда у миссис Сэмпсон отказали ноги. Это обошлось в 7500 долларов.

Если это было сказано с тем, чтобы заставить меня замолчать, цель была достигнута. Экономка постучала в дверь, расположенную в холле напротив лифта. Никто не ответил. Постучавшись снова, она открыла дверь в просторную светлую комнату, которая слишком мало походила на женскую обитель.

Над массивной кроватью висела картина, изображавшая часы, карту и женскую шляпу, брошенную на туалетный столик. Время, пространство и секс. Это было похоже на Конолли.

Постель была смята.

— Миссис Сэмпсон! — окликнула экономка.

— Я загораю. В чем дело? — раздался ледяной женский голос.

— Приехал мистер Арчер, — вы послали ему телеграмму.

— Попросите его войти и принесите кофе.

— Идите через балконную дверь, — подсказала мне экономка и вышла из комнаты.

Когда я вышел на балкон, миссис Сэмпсон взглянула на меня поверх книги. Она полулежала в шезлонге, спиной к утреннему солнцу, прикрываясь полотенцем. Позади нее стояло инвалидное

кресло на колесиках, однако на калеку женщина не походила. Она была очень худая и загорелая, так что тело казалось бронзовым. Выгоревшие на солнце волосы прикрывали небольшую голову кудрявой плотной шапкой и были похожи на взбитый крем. Ее возраст было столь же трудно определить, как и возраст фигурки, вырезанной из красного дерева. Положив книгу на колени, она протянула мне руку.

— Я слышала о вас. Когда Милисент Дрю разводилась с Клайдом, вы ей очень помогли, как она сказала. Правда, чем именно, она не говорила.

— Это длинная история, — признался я, — и к тому же — грязная.

— Милисент и Клайд омерзительны, не правда ли? Удивительно невоспитанные люди! Я давно подозревала, что он не любит женщин.

— Я предпочитаю не давать оценок своим клиентам, — проронил я, одарив ее мальчишеской улыбкой, правда, изрядно истрепанной.

— Вы вообще не говорите о них?

— Я не говорю о них даже со своими клиентами.

Ее голос был чист и свеж, но в нем чувствовалась какая-то болезненность, печаль, прорывавшаяся сквозь кажущуюся беззаботность. Я заглянул ей в глаза. Это были глаза встревоженного и больного существа, прячущегося в прекрасном смуглом теле. Она опустила веки.

— Присаживайтесь, мистер Арчер. Вы, наверное, удивились, когда я пригласила вас. Или это уже стало для вас привычным?

— Хотя я и удивился, но о причине догадываюсь. Я ведь специализируюсь на разводах. Я шакал, понимаете?

— Вы клеветеете на себя, мистер Арчер. И вы рассуждаете совсем не как детектив, не правда ли? Хорошо, что вы упомянули о разводах: хочу сразу же пояснить, что я не собираюсь разводиться. Я намереваюсь и далее жить в супружестве. Понимаете, я надеюсь пережить своего мужа.

Я молчал, ожидая продолжения. Приглядевшись к ней повнимательнее, я обнаружил, что ее спина выглядела немного грубоватой и как бы иссушенной. Солнце освещало ее медные ноги и затылок. Ногти на ее руках и ногах были покрашены одинаковым кровавым лаком.

— Я надеюсь на это не потому, что у меня крепче здоровье. Вы, вероятно, знаете, что у меня отказали ноги. Но я моложе мужа на двадцать лет и собираюсь пережить его.

В голосе миссис Сэмпсон слышалась горечь. Заметив это, она постаралась ее скрыть.

— Тут как в печке, не правда ли? Несправедливо, что мужчины вынуждены париться в пиджаках. Пожалуйста, можете снять его.

— Ничего, благодарю.

— Вы слишком щепетильны.

— У меня под мышкой кобура, и вообще я не привык ходить без пиджака. В телеграмме вы упомянули Элберта Грейвса.

— Это он порекомендовал мне вас. Он один из юристов Ральфа. После завтрака вы можете договориться с ним относительно гонорара, мистер Арчер.

— Он уже не окружной прокурор?

— Нет, со времен войны.

— В сороковом — сорок первом я выполнял некоторые его поручения. С тех пор мы не виделись.

— Он говорил мне. Он рассказывал, что у вас талант разыскивать людей.

Она улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Ее улыбка казалась хищной и пугающей на загорелом лице.

— Вы действительно это умеете, мистер Арчер?

— Служба розыска делает это лучше меня. А что, пропал ваш муж?

— Что-то в этом роде. Куда-то уехал, то ли один, то ли с компанией. Он страшно разозлится, если я обращусь в полицию.

— Понимаю. Вы хотите, чтобы я нашел его и выяснил, в какой он компании? А что еще?

— Только сообщите мне, где он и с кем. Остальным я займусь сама.

— Когда он уехал?

— Вчера днем.

— Куда?

— В Лос-Анджелес. Он был в Лас-Вегасе, там неподалеку у нас коттедж, а оттуда вчера днем он улетел с Аланом. Алан наш пилот. Ральф улизнул от него в аэропорту в неизвестном направлении.

— Почему он это сделал?

— Вероятно, потому, что был пьян.

Она презрительно скривила губы.

— Алан сказал, что Ральф пил.

— Вы полагаете, что он отправился кутить? И часто это с ним бывает?

— Не часто, но основательно. Он не владеет собой, когда напьется.

— А как насчет секса?

— Это как у всех мужчин, но меня секс мало волнует. Хуже другое: он перестает соображать в денежных делах. Несколько месяцев назад, например, он так надрался, что подарил гору.

— Гору?

— Да, гору вместе с охотничьей виллой в придачу.

— Женщине?

— Если бы! Он подарил ее мужчине, но это не то, о чем вы подумали. Какому-то святоше с длинной седой бородой из Лос-Анджелеса.

— Из ваших слов можно заключить, что он не от мира сего.

— Ральф? Да он бы взбесился, скажи вы ему это в лицо! Он ведь очень вспыльчив. Знаете, когда он трезв — это получеловек, полукрокодил и наполовину медвежий капкан с деревяшкой вместо сердца. А под градусом он размякает: алкоголь делает его совершенно бесхарактерным — во всяком случае, так было в последние годы. Немного выпьет и мечтает опять превратиться в младенца. Старается найти похожих на отца и мать, чтобы ему сморкали нос и вытирали слезы, да наплепали, если он нашалит. Что, жестоко звучит? Я просто стараюсь быть объективной.

— Так, — произнес я. — Значит, вы хотите, чтобы я нашел его прежде, чем он подарит кому-нибудь очередную гору?

«Живым или мертвым», — подумал я, хотя никогда в жизни не был психоаналитиком.

— А если он окажется с женщиной, то это меня, естественно, заинтересует, и я захочу узнать о ней все. Сама я не могу этого сделать.

— Вы подозреваете какую-нибудь конкретную женщину?

— Ральф не очень откровенен со мной. Он более близок с Мирандой, а я не в состоянии следить за ним. Вот почему я и

обратилась к вам.

— Сказано прямо, — проронил я.

— А я привыкла говорить прямо.

Глава 2

В раскрытой двери балкона появился слуга-филиппинец в белой куртке.

— Ваш кофе, миссис Сэмпсон.

Он поставил серебряный кофейник на низкий столик возле шезлонга. Слуга был молод и проворен, черные волосы на его голове лоснились, словно смазанные маслом.

— Спасибо, Феликс.

По всей видимости, она была вежлива со слугами, а может, просто хотела произвести на меня впечатление.

— Не хотите ли кофе, мистер Арчер?

— Нет, благодарю.

— Может быть, что-нибудь выпьете?

— До завтрака я не пью. Я детектив нового образца.

Она улыбнулась и отпила кофе. Поднявшись, я прошел к концу балкона, обращенного к морю. Под балконом широкие зеленые террасы ступенями спускались к краю крутого обрыва, за которым был виден берег моря. На верхней террасе располагался бассейн — овал зеленой воды, обрамленный голубым кафелем. В нем юноша и девушка играли в пятнашки, разрезая, как тюлени, воду.

Девушка преследовала молодого человека, а тот позволил ей догнать себя. За исключением этой пары, все здесь казалось застывшим на ярком солнце. Двигались лишь вода да руки девушки. Она обхватила его сзади и мягко, точно арфистка пробегала пальчиками по его ребрам, пощипывала волосы у него на груди. Ее лицо было скрыто от меня его спиной, выражение лица юноши я мог хорошо рассмотреть: оно было гордым и напряженным, точно изваянным из бронзы.

Он отвел руки девушки и отдалился. Теперь открылось ее лицо, оно выдавало ранимость и незащитность. Руки повисли, она села на край бассейна и принялась болтать в воде ногами.

Загорелый юноша прыгнул в бассейн с трамплина, сделав полтора оборота. Она даже не взглянула на него. Капли воды падали с кончиков волос и скатывались по ее груди.

— Мистер Арчер! — окликнула меня миссис Сэмпсон. — Вы еще не завтракали?

— Нет.

— Тогда завтрак на троих в патио, Феликс. Я поем здесь, наверху, как обычно.

Феликс слегка поклонился и повернулся, собираясь уйти, но она окликнула его.

— Феликс, принеси фотографию мистера Сэмпсона из моей спальни. Вам ведь нужно будет знать, как он выглядит, не так ли, мистер Арчер?

Лицо мужчины на глянцевом снимке было обрюзгшим, с жесткими складками у рта: его обрамляли редкие седые волосы. Толстый нос словно старался выразить самоуверенность, но ассоциировался просто с упрямством. Улыбка, сморщившая опухшие веки и обвислые щеки, выглядела деланной и вымученной. Такие улыбки я видел на похоронах — на фальшивом лице смерти.

— Не бог весть что, но моя собственность, — заявила миссис Сэмпсон.

Феликс накрыл завтрак в патио — треугольном внутреннем дворике, выложенном красной плиткой, между домом и склоном горы. Этот склон над кирпичной оградой, был покрыт травяным ковром, по которому стелилась голубовато-зеленой волной лобелия. Когда Феликс привел меня, смуглый молодой человек был уже здесь. Он отбросил свою гордость и раздражение, переделся в легкий светлый костюм и, казалось, чувствовал себя непринужденно. Он был очень высокий — метр девяносто или чуть выше — так что я перед ним почувствовал себя недомерком. Его пожатие было крепким.

— Меня зовут Алан Тэггерт. Я вожу самолет Сэмпсона.

— Лью Арчер, — представился я.

Он покрутил стакан в левой руке.

— Что будете пить?

— Молоко.

— Кроме шуток? Я думал, что вы детектив.

— Я имел в виду перебродившее кобылье молоко.

— А я — джин. Привык к нему в Порт-Норесби.

— Вы много летали?

— Выполнил пятьдесят пять заданий и налетал пару тысяч часов.

— Где?

— В основном в Каролинах. У меня был П-38.

Он произнес это с ноткой грусти, точно имя любимой девушки.

Вскоре вошла и девушка. На ней было длинное узкое платье. Ее темно-рыжие волосы уже высохли и развевались вокруг головы, а дерзкие зеленые глаза ярко блестели и казались немного странными на смуглом от загара лице — как светлые глаза у индеанки.

Тэггерт представил ее. Это была дочь Сэмпсона, Миранда. Она пригласила нас за круглый стол под полотняным тентом, державшимся на металлической ножке. Девушка была высокая и двигалась с неловкой грацией. Похоже, она была из тех, кто медленно развивается, но многое обещает: половая зрелость в пятнадцать, любовные приключения или замужество в двадцать-двадцать один год. Несколько лет романтики переходного периода, и превращение в женщину. Потом, в двадцать восемь-тридцать лет, поразительно эффектная женщина. Сейчас ей было немного за двадцать, чуть больше, чтобы быть дочерью миссис Сэмпсон.

— Моя мачеха, — заявила она, словно читая мои мысли, — моя мачеха любит крайности.

— Вы имеете в виду меня, мисс Сэмпсон? Я очень умеренный человек, можете не сомневаться.

— Не обязательно вас. Все, что она предпринимает, это крайности. Другие тоже падают с лошадей, но это не кончается параличом ног, как у Элен. Думаю, тут дело в психике. Она уже не сногшибательная красавица, какой была раньше. Вот она и решила больше не участвовать в соревнованиях. Падение с лошади позволило ей это сделать. Насколько я понимаю, она упала нарочно.

Тэггерт усмехнулся.

— Оставь это, Миранда. Ты просто начиталась книг.

Девушка надменно взглянула на него.

— Тебя в этом никак нельзя упрекнуть!

— Есть ли какое-нибудь психологическое объяснение моего присутствия здесь? — поинтересовался я.

— Я не знаю точно, зачем вы здесь. Чтобы выследить Ральфа или что-нибудь в этом роде?

— Угадали, что-то в этом роде.

— Я полагаю, она собирается в чем-то уличить его. Согласитесь, приглашать детектива, когда муж не ночевал дома — это крайность.

— Я очень сдержан, если это вас волнует.

— Меня ничего не волнует, — с расстановкой сказала она. — Я только делаю психологические зарисовки.

Слуга-филиппинец неслышно двигался по дворику. Его неизменная улыбка походила на маску, под которой скрывалась его суть, изредка выглядывавшая из глубины его черных глаз. Мне казалось, что он улавливает все, что я говорю, считает мои вдохи и выдохи и даже может уловить биение моего сердца.

Почувствовав неловкость, Тэггерт переменял тему разговора.

— До сих пор я никогда не встречал детективов.

— Я оставлю вам свой автограф, только подпишусь буквой «Х».

— Серьезно, хотя я и очень люблю детективные романы. Одно время я даже хотел стать детективом! — воскликнул он и добавил: — Пока не стал пилотом. Полагаю, большинство людей мечтают об этом.

— Думаю, большинство не обрадовалось осуществлению своей мечты.

— Почему? Вам не нравится ваша работа?

— Она дает мне средства к существованию. Скажите, вы были с мистером Сэмпсоном, когда он исчез?

— Да.

— Как он был одет?

— На нем был спортивный костюм. Пиджак из твида, коричневый шерстяной свитер, широкие коричневые брюки и грубые башмаки. Он был без шляпы.

— А когда это произошло?

— Вчера днем, приблизительно в половине четвертого, когда мы приземлились в Бербенке. Техникам пришлось переставить чей-то самолет, чтобы я смог поставить свой на место. Я всегда делаю это сам: наш самолет снабжен специальными приспособлениями, и нам не хотелось бы, чтобы их украли. А мистер Сэмпсон пошел звонить в отель, чтобы за нами прислали машину.

— В какой отель?

— В «Валерио».

— Это недалеко от Уилшира?

— У Ральфа там домик, — пояснила Миранда. — Ему нравится это место своей тишиной.

— Когда я добрался до главного входа, — продолжал Алан Тэггерт, — мистера Сэмпсона там уже не было. Я не придавал этому значения. Правда, он был уже изрядно выпивши, но это с ним случалось и раньше, так что он вполне мог обойтись без меня. Правда, я немного разозлился — за то, что он не подождал меня хотя бы пять минут. Такси до отеля стоило три доллара, а денег у меня не было.

Он взглянул на Миранду, желая убедиться, что не сказал ничего лишнего. Ее, казалось, все это только забавляло.

— Как бы там ни было, — продолжал Алан, — я добирался до отеля на автобусе. На трех автобусах, примерно по полчаса на каждом. Но в отеле он не появлялся. Я прождал почти до темноты, а затем отогнал самолет обратно.

— Выходит, он не был в «Валерио»?

— Не был.

— А как насчет багажа?

— Он не взял с собой вещей.

— Значит, он не собирался там ночевать?

— Это ничего не значит, — вмешалась Миранда. — У Ральфа в домике есть все, что нужно.

— Так, может, он сейчас там?

— Нет, Элен звонит туда каждый час.

— Он сообщал что-нибудь о своих планах? — обратился я к Алану.

— Он хотел переночевать в «Валерио».

— Как долго он пробыл один, пока вы ставили самолет?

— Минут пятнадцать-двадцать.

— Значит, машина из отеля должна была довольно скоро приехать. Возможно, он вообще не звонил в отель.

— Он мог встретить кого-нибудь в аэропорту, — предположила Миранда.

— У него много друзей в Лос-Анджелесе?

— В основном деловые знакомые. Ральф не очень общителен.

— Вы не могли бы сообщить мне их имена?

— Вам лучше обратиться к Элберту Грэйвсу. Я позвоню ему в контору и предупрежу, что вы приедете. Феликс отвезет вас. Затем, я

думаю, вы отправитесь в Лос-Анджелес.

— Пожалуй, с этого и следует начинать.

— Вы можете полететь туда с Аланом.

Миранда встала, с превосходством хозяйки взглянула на Алана.

— Вы ничего не намечали на этот вечер, Алан?

— Ничего. Я буду рад — это спасет меня от скуки.

Миранда скрылась в доме, очаровательная в своем негодовании.

— Ее стоило бы приручить, — заметил я.

Алан встал, закрыв от меня солнце.

— Что вы хотите этим сказать?

Чопорность выпускника университета сочеталась в нем с юношеской заносчивостью.

— Ей нужен высокий мужчина. Из вас вышла бы хорошая пара.

— Конечно, конечно, — покачал он головой. — Относительно нас с Мирандой многие делали такие скоропалительные выводы.

— Включая и Миранду?

— Давайте лучше переменим тему. Вас это не касается, и этого проклятого идола тоже.

Он имел в виду Феликса, который стоял в проеме кухонной двери. Тот моментально исчез.

— Этот ублюдок действует мне на нервы, — произнес Алан. — Он все время здесь крутится и подслушивает.

— Может, он просто любопытный.

Алан фыркнул.

— Он одна из тех неудач, которые преследуют меня здесь. Я ем вместе с хозяевами за одним столом, но когда речь заходит о долларах, то я слуга. Паршивый летающий шофер.

«Только не для Миранды», — подумал я, но промолчал.

— У вас, наверное, легкая работа, не правда ли? Ведь Сэмпсон не часто летает.

— Полеты мне не в тягость. Я люблю летать. Но я совсем не желаю быть телохранителем старого чудака.

— Разве он нуждается в телохранителе?

— Он бывает дьявольски болтлив. Я не хотел говорить при Миранде, но на прошлой неделе можно было подумать, что он старается упиться до смерти. Более полутора литров в день. Когда он напивается, его одолевает мания величия, а меня тошнит от его пьяной

болтовни. Он становится сентиментальным, хочет усыновить меня и купить мне аэролинию.

Алан продолжил изменившимся голосом, хриплым и заплетающимся — смешной пародией на голос старого пьяницы:

— Алан, мальчик, я присмотрю за тобой. Ты получишь свою авиалинию.

— Или гору?

— Но я не тешу себя надеждами относительно аэролинии. Он мог бы это сделать, но он не бросит и дайма на ветер. Даже десяти центов.

— Прямо псих, — заметил я. — Отчего он такой?

— Точно не знаю. Эта сука, живущая там, наверху, кого угодно сведет с ума. Кроме того, во время войны он потерял сына. И тут появился я. Ему не был нужен постоянный пилот, но Боб Сэмпсон тоже был летчиком. Его сбили под Сакасимой. Миранда думает, что у старика от этого не все дома.

— Какие у него отношения с Мирандой?

— Хорошие, но в последнее время они постоянно ссорились. Сэмпсон хочет заставить ее выйти замуж.

— За кого?

— За Элберта Грэйвса, — невозмутимо ответил Алан.

Глава 3

Шоссе привело нас в Санта-Терезу, в нижнюю часть города, что находится вблизи моря. Добрых полторы мили мы ехали среди трущоб: теснящиеся лачуги и бараки, грязные тропинки вместо тротуаров. В пыли копошились черные и коричневые дети. Невдалеке от главной улицы располагалось несколько туристских мотелей с неоновыми рекламными щитами. Тут же были красные дома чилийцев и ряд захудалых таверн, в которых собирались подозрительные личности. Половину прохожих составляли индейцы с сафьяновыми лицами. После каньона Кабрильо я чувствовал себя как на другой планете. «Кадиллак» казался космическим кораблем, скользящим по земле.

Феликс свернул на главную улицу, идущую от моря. Она меняла свой облик по мере того, как мы поднимались. Из магазинов калифорнийских испанцев выходили мужчины в цветных рубашках и полосатых льняных костюмах и женщины в широких брюках или мини-платьях, открывающих женские прелести. Никто не обращал внимания на горы, нависшие над городом.

Алан сидел молча, его красивое лицо ничего не выражало.

— Как вам это нравится? — обратился он ко мне.

— Как мне это должно нравиться? А как вам?

— По части денег мне тут ничего не светит. Люди, как слоны, приходят сюда умирать. Но тем не менее они продолжают свое существование и называют это жизнью.

— Посмотрели бы вы на этот город до войны. Сейчас он похож на улей, а до войны здесь жили только богатые старые леди. Они стригли купоны и при этом, боясь расстаться с центом, срезали жалование помощникам садовников.

— Я не думал, что вы знаете этот грязный город.

— Я несколько лет работал тут с Бертом Грэйвсом, когда он еще был окружным прокурором.

Феликс остановил машину перед желтой лепной аркой, за которой был расположен двор делового здания. Опустив стеклянную перегородку, он сообщил:

— Офис мистера Грэйвса на втором этаже. Можете подняться туда на лифте.

— Я подожду вас здесь, — сказал Алан.

Контора Грэйвса представляла собой разительный контраст с тем грязным помещением здания суда, где он прежде готовился к своим процессам. Приемная была отделана светло-зеленой тканью и белым деревом. Блондинка-секретарша с холодными зелеными глазами довершала оформление.

— У вас назначена встреча, сэр?

— Передайте мистеру Грэйвсу, что пришел Лью Арчер.

— Мистер Грэйвс сейчас занят.

— Ничего, я подожду.

Я уселся в роскошное кресло и стал размышлять о Сэмпсоне. Белые пальчики секретарши танцевали на клавишах машинки. Меня не покидало чувство беспокойства и ощущение какой-то нереальности происходящего: я искал человека, которого даже не мог себе представить. Нефтяной магнат вяжется с каким-то святым и напивается чуть ли не до смерти. Я достал из кармана фото и снова стал вглядываться в него.

Внезапно дверь кабинета открылась и оттуда выплыла старая улыбающаяся дама. Ее шляпа имела такой вид, словно она подобрала ее на пляже. На ней было пурпурное шелковое платье, а наручные часы были украшены бриллиантами.

Грэйвс проводил ее до двери. По дороге она щебетала о том, какой он умный и как он ей помог. Он делал вид, будто слушает ее. Заметив меня, Грэйвс подмигнул. Дама скрылась, и он обратился ко мне:

— Рад тебя видеть, Лью!

Он не похлопал меня по спине, как прежде, но его пожатие было все таким же крепким, хотя годы изменили его. У висков Берта появились залысины, а небольшие серые глаза выглядывали из сетки морщинок. Неприятно было сознавать, что я всего на пять лет моложе его. Но Грэйвс прошел трудный путь и от этого состарился раньше времени.

Я сказал, что счастлив его видеть, и это было правдой.

— Мы не виделись лет шесть-семь, — заметил Берт.

— Не меньше. Ты уже не прокурор?

— Нет. Выдохся.

— Женился?

— Нет еще. Инфляция, — усмехнулся он. — А как Сю?

— Спроси ее адвоката. Ей не подошло то общество, в котором я вращался.

— Очень жаль, Лью.

— Ничего страшного.

Я переменил тему разговора.

— У тебя много дел?

— После войны маловато. В нашем городе это неблагодарная работа, Лью.

— И выгодные у тебя дела?

Я окинул взглядом приемную. Белокурая секретарша выдавила из себя улыбку, выражавшую нечто неопределенное.

— Это всего лишь вывеска. Я просто прилежный юрист. Вынужден беседовать со старыми дамами.

Берт криво усмехнулся и пригласил:

— Входи, Лью.

Его кабинет был обставлен массивной мебелью.

— Как насчет политики? — поинтересовался я. — Ты, кажется, собирався стать губернатором, помнишь?

— В Калифорнии моя партия вылетела в трубу. Кстати, я урвал свой кусок от политики. Два года я был комендантом одного городка в Баварии.

— Значит, политический авантюрист? А я был в разведке. Ну, а что слышно о Ральфе Сэмпсоне?

— Ты говорил с миссис Сэмпсон?

— Да, говорил. Это было любопытно, но я не совсем уловил, в чем заключается моя работа. А ты?

— Конечно, уловил. Именно я и посоветовал ей начать действовать.

— Почему?

— Потому что Сэмпсону, может быть, нужна помощь. Владелец пяти миллионов долларов не должен так рисковать. Он алкоголик, Лью. Когда погиб его сын, то стал еще хуже. Иногда мне кажется, что он сходит с ума. Она рассказывала тебе о типе, которому Сэмпсон подарил охотничьи уголья?

— Да, упомянула об этом «святом».

— Клод кажется безобидным, но кто-нибудь другой может оказаться совсем не таким. Не мне рассказывать тебе о Лос-Анджелесе. В этом городе старому алкоголику находиться одному небезопасно.

— Вот именно, можешь мне не рассказывать. Но миссис Сэмпсон считает, что он просто развлекается.

— Это я внушил ей, иначе она не стала бы тратить деньги, чтобы защитить его.

— Зато ты станешь.

— Ее деньги. А я всего лишь его юрист. Конечно, старикашка мне очень нравится.

«А еще больше перспектива стать его зятем», — подумал я.

— Сколько с нее можно взять?

— Сколько запросишь. Полсотни в день и расходы.

— Назначим семьдесят пять. Что-то мне не нравится в этом деле.

— Шестьдесят пять, — засмеялся он. — Я должен защищать интересы клиента.

— Не буду спорить. Еще неизвестно, есть ли тут вообще какое-нибудь дело. Может быть, Сэмпсон гостит у своих друзей.

— Я обдумывал такую возможность. Но у него тут мало друзей. Я дам тебе список его знакомых, но не стоит тратить на них время, разве что в самом крайнем случае. Его настоящие друзья в Техасе. Там он начал делать свои деньги.

— Я вижу, у тебя вполне серьезный подход. А почему бы тебе не сделать следующий шаг и не обратиться в полицию?

— Хочешь отвертеться от работы?

— Хочу.

— Этого нельзя делать, Лью. Если полиция найдет его по моему сигналу, он в ту же минуту меня выгонит. Кроме того, он может быть и с женщиной. В прошлом году я нашел его в одном из заведений Сан-Франциско.

— А что ты там делал?

— Искал его.

— Это дело все больше и больше пахнет разводом, — заметил я. — Но миссис Сэмпсон утверждает, что это не так. Либо я просто не понимаю дела, либо не понимаю ее.

— Странно было бы ожидать чего-то другого. Я знаю ее четыре года и тоже не понимаю ее. Я раскусил лишь в общих чертах. Если у тебя всплывет что-нибудь щекотливое, дай знать. Ею руководит несколько мотивов: в основном алчность и тщеславие. Можешь на это рассчитывать, когда будешь иметь с ней дело. И она не хочет развода. Она предпочитает подождать и унаследовать все его деньги или половину их. Миранда получит другую половину.

— Эти мотивы руководили ею всегда?

— С тех пор, как я ее знаю, да. Она пыталась сделать карьеру еще до того, как я с ней познакомился: танцы, раздевание, дизайн одежды. Талантов никаких. Одно время она была любовницей Сэмпсона и в конце концов вернулась к нему, и вышла за него замуж, используя его как последний вариант. Это произошло шесть лет назад.

— А что случилось с ее ногами?

— Она упала с лошади, которую пыталась объездить, и ударилась головой о камень. С тех пор она не может ходить.

— Миранда полагает, что она просто не хочет ходить.

— Ты разговаривал с Мирандой? — лицо Берта просияло. — Не правда ли, удивительная девочка?

— Безусловно, — сказал я, вставая, а потом добавил: — Поздравляю тебя, Берт.

Он покраснел и ничего не ответил. Никогда раньше я не видел, чтобы Грэйвс краснел и смущался. В лифте, по пути вниз, он спросил:

— Она что-нибудь говорила обо мне?

— Ни слова. Это витало в воздухе.

— Она удивительная девочка, — повторил Берт.

В свои сорок лет он пьянел от любви.

Грэйвс пришел в себя, как только мы подошли к машине. На заднем сиденье вместе с Аланом сидела Миранда.

— Я поехала вслед за вами, — сообщила она. — Решила слетать вместе с вами в Лос-Анджелес. Хэлло, Берт!

— Хэлло, Миранда!

Берт впился в нее взглядом, она смотрела на Алана, а тот устремил свой взор куда-то вдаль. Образовался незримый треугольник и явно не равносторонний.

Глава 4

Ветер дул с побережья. Мы поднялись в воздух, пролетели над аэропортом и стали подниматься по направлению к излому гор на юге. Санта-Тереза похожая на увеличенную цветную карту местности у подножия гор. Яхты в гавани — на белые хлопья мыла в корыте с подсиненной водой. Воздух был необычайно чист и прозрачен. Вершины гор отчетливо вырисовывались, напоминая фигуры, сделанные из папье-маше. Поднявшись над ними, мы увидели гряду мрачных гор, простирающихся до горизонта. Самолет медленно накренился, поворачивая к морю. Это была четырехместная машина, оборудованная для ночных полетов. Я сидел на заднем кресле, Миранда — спереди, справа от Алана. Она смотрела на его правую руку, лежащую на штурвале. Алан, казалось, гордился тем, что ведет самолет уверенно и спокойно.

Попад в воздушную яму, мы провалились на несколько десятков метров. Миранда левой рукой схватилась за колено Алана. Он не отстранил ее руку. То, что было очевидным для меня, наверняка было очевидным и для Элберта Грэйвса: Миранда душой и телом принадлежала Алану, стоило тому проявить желание, чтобы овладеть ею. Грэйвс зря терял время и ставил себя в положение, лучшее, чем у мужа-рогоносца, ну а если по правде — просто в дурацкое.

Хорошо зная его, я понимал, что Миранда олицетворяла собой все его мечты: у нее были деньги, молодость, красота. Он страстно желал ее. Всю свою жизнь он вбивал себе в голову разные вещи и, надо сказать, достигал своего.

Элберт был сыном фермера из Огайо. Когда ему было четырнадцать или пятнадцать лет, отец потерял ферму и вскоре умер. Шесть лет Берт содержал мать, монтируя покрышки на шинном заводе. Когда мать умерла, он с отличием закончил колледж, затем, когда ему еще не было тридцати, получил степень в чикагском университете. Год проработал в Детройтской юридической корпорации, затем решил двинуться на Запад. Он выбрал Санта-Терезу, так как никогда не видел гор и не купался в море. Его отец всю жизнь мечтал, уйдя на покой, перебраться в Калифорнию. Берт

унаследовал его мечту о Среднем Западе, которая включала в себя и дочь техасского нефтяного магната.

Однако мечта оставалась неосуществимой. Он слишком много работал и у него не оставалось времени на женщин. Был он помощником прокурора округа, потом окружным прокурором. Берт готовил свои процессы с необычайной тщательностью, словно закладывал основные принципы всего общества. Я это знал, потому что помогал ему. Верховный суд штата считал работу Берта в суде образцом юриспруденции. И вот в сорок лет Грэйвс решил пробить головной стенку. Но, может быть, ему удастся взобраться на стену, или она рухнет сама.

Тэггерт дернул ногой. Самолет сделал вираж и снова выровнялся. Миранда убрала руку.

У Алана от злости немного покраснели уши. Он потянул на себя рычаг, и самолет стал набирать высоту. Казалось, Алан стремился вверх вместе с самолетом, чтобы оставив Миранду позади, лететь одному в бескрайнем небе. Температура за бортом упала до минус пяти градусов. С высоты в два с половиной километра я увидел Каталину. Через несколько минут мы повернули влево, к белому пятну Лос-Анджелеса.

Я крикнул в микрофон:

— Вы не могли бы посадить самолет в Бербенке? Я хотел бы порасспросить там людей.

— Как раз это я и собираюсь сделать.

Долина встретила нас летней жарой. Жара была повсюду. Мельчайшая пыль забила мне в нос и высушила горло. Сухость во рту оставалась у меня целых полдня, даже когда я вернулся в город.

Диспетчер такси в аэропорту был в красной рубашке со стального цвета повязкой на рукавах. Желтая фуражка почти вертикально сидела на его затылке. От жары и постоянной брани его красное лицо сделалось сердитым и невозмутимым. Он вспомнил Сэмпсона, увидев его фото.

— Да, он появлялся здесь вчера. Я заметил его, потому что он был под мухой. Не вдрызг, иначе я вызвал бы полицию. Просто выпил немного лишнего.

— Понятно, — буркнул я. — С ним кто-нибудь был?

— Я никого не заметил.

Женщина с двумя лисами на плечах, которые, казалось, сдохли от жары, прошла за оградительную решетку.

— Я должна немедленно попасть в город!

— Сожалею, мадам. Вам придется немного подождать.

— А я вам говорю — это срочно!

— Вам придется подождать, — монотонно пробурчал диспетчер. — У нас сейчас нет машин, понимаете?

Он снова повернулся ко мне:

— Что-нибудь еще, приятель? Ваш друг попал в переделку или что-нибудь в этом роде?

— Не знаю, на чем он отсюда уехал?

— В черном лимузине. Я обратил внимание, потому что на нем не было никаких знаков. Вероятно, он был из какого-нибудь отеля.

— В нем был пассажир?

— Только водитель.

— Вы его знаете?

— Я знаю несколько шоферов из отеля, но они постоянно меняются. Этот был низкого роста, как мне показалось, и немного бледноватый.

— Вы не запомнили номера машины?

— Я всегда держу глаза открытыми, но я не гений.

— Благодарю, — я дал ему доллар и сообщил: — Я тоже не гений.

Я поднялся в бар, где Алан и Миранда сидели словно два незнакомых человека, столкнувшихся по воле случая.

— Я звонил в «Валерио», — сказал Алан. — Лимузин скоро будет здесь.

Когда он приехал, я увидел за рулем невысокого бледного мужчину в блестящем сером костюме, похожем на судейский, и в полотняной кепке. Диспетчер доложил мне, что это не тот, что отвозил Сэмпсона.

Я сел спереди рядом с водителем. Он повернулся ко мне с нервной поспешностью. Бледное лицо, впалая грудь и выпуклые глаза.

— Да, сэр, — вежливо и подобострастно промолвил он.

— Мы едем в «Валерио». Ты работал вчера?

— Да, сэр, днем.

Он включил передачу.

— Кто-нибудь работал кроме тебя в это время?

— Нет, сэр. Есть еще один парень, но он дежурит ночью. Он не приходит на работу до шести вечера.

— У тебя был вызов в аэропорт Бербенк вчера днем?

— Нет, сэр.

В его глазах вспыхнуло беспокойство.

— По-моему, нет, — прибавил он.

— Но ты не уверен?

— Нет, сэр, уверен. Я сюда не ездил.

— Ты знаешь Ральфа Сэмпсона?

— В «Валерио»? Да, сэр. Конечно, знаю, сэр.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Я не видел его уже несколько недель.

— Понятно. Кто передает тебе вызов?

— Оператор с пульта. Я надеюсь, что ничего не случилось, сэр?

Мистер Сэмпсон — ваш друг?

— Нет, я только его служащий.

Остаток пути шофер молчал, жалея о зря произнесенных «сэр». Выходя, я протянул ему доллар, чем сильно смутил его. Миранда оплатила проезд.

— Мне бы хотелось осмотреть домик, — обратился я к ней в вестибюле отеля. — Но прежде я хочу потолковать с телефонистками.

— Я возьму ключ и подожду вас, — произнесла она.

Дежурной телефонисткой оказалась старая дева, которая мечтает о мужчинах ночью и ненавидит днем.

— Да, — промямлила она.

— Вчера днем вы получили из аэропорта вызов на машину?

— Мы не отвечаем на подобные вопросы.

— Это скорее утверждение, а не вопрос.

— Я очень занята.

Ее голос звучал как звон монет, а маленькие глазки стали жесткими и блестящими. Я положил доллар на стол рядом с ее локтем. Она так посмотрела на него, словно он был заразным.

— Я позову управляющего!

— Хорошо. Я служащий мистера Сэмпсона.

— Мистера Ральфа Сэмпсона? — вздрогнув, быстро спросила она.

— Совершенно верно.

— Именно он и звонил вчера.

— Это я знаю, а что было потом?

— Он почти сразу отменил вызов, я даже не успела передать его шоферу. У него изменились планы?

— Очевидно. Вы уверены, что оба раза звонил он?

— О, да. Я хорошо знаю мистера Сэмпсона. Он уже четыре года приезжает в наш отель.

Для того чтобы заразный доллар не испачкал стол, она спрятала его в дешевую пластмассовую сумочку. Затем она повернулась к пульта, на котором загорелись три красные лампочки.

Миранда встала, когда я вернулся в вестибюль. Здесь было тихо, роскошная обстановка, толстые ковры, глубокие кресла, мальчики-рассыльные в лиловой форме. Миранда двигалась подобно ожившей в музее нимфе.

— Ральф не был тут около месяца. Я спрашивала помощника управляющего.

— Он дал вам ключ?

— Конечно. Алан пошел открывать замок.

Я последовал за девушкой по коридору, закончившемуся железной дверью. Территорию позади главного здания пересекали небольшие аллеи, по обеим сторонам которых среди лужаек и цветников стояли домики. Они занимали целый квартал, обнесенный высокой каменной оградой, похожей на тюремную. Однако заключенные могли позволить себе жить здесь полнокровной жизнью. В их распоряжении были теннисные корты, бассейн, бар и ночной клуб. Единственное, в чем нуждались обитатели, это в туго набитых бумажниках или в чековых книжках.

Домик Сэмпсона был одним из самых больших, как и прилегающий к нему участок. Его дверь была открыта, и мы прошли в холл с неудобными на вид испанскими креслами. Потом мы проследовали в большую комнату с высоким потолком, обитым дубовыми балками. На диване перед потухшим камином склонился над телефонным справочником Алан Тэггерт.

— Хотел позвонить приятелю, — с улыбкой взглянул он на Миранду. — Мне ведь все равно придется болтаться здесь.

— Я думала, что ты побудешь со мной, — произнесла девушка неестественно высоким голосом.

— Вот как?

Я осмотрел комнату. Она была обставлена добротной мебелью, но, подобно большинству номеров в отелях, лишена индивидуальности.

— Где ваш отец держит свои личные вещи?

— Думаю, в своей комнате. У него тут мало вещей — всего несколько комплектов белья.

Миранда показала мне дверь спальни, находящейся на другой стороне холла, и включила свет.

— Боже, что он здесь сотворил!

Комната была двенадцатигранной, без окон, освещенная скрытым красным светом. Стены от пола до потолка были задрапированы красной материей. В центре комнаты находилась большая кровать и массивное кресло. Окна были закрыты такой же темно-красной тканью. Завершало интерьер круглое зеркало на потолке, повторяющее всю комнату, только вверх ногами. Мое сознание погрузилось в красный туман, и я нашел подходящее определение: бордель в непозволительном стиле, в который я случайно попал в Мехико.

— Не удивляюсь, что он пил, если ему приходилось спать здесь, — заметил я.

— Она не была такой, он ее переделал, — сообщила Миранда.

Я обошел комнату. Каждая из двенадцати панелей была украшена золотым знаком Зодиака — Стрелец, Телец, Близнецы и девять остальных.

— Ваш отец увлекается астрологией? — поинтересовался я.

— Да, — почему-то смутилась она. — Я пыталась с ним спорить, но это ничуть не помогло. Он сильно изменился после смерти Боба. Однако я не думала, что он пойдет так далеко.

— Он выбрал себе астролога? Их теперь полным-полно.

— Не знаю.

За занавеской я обнаружил дверь в гардероб. Он был заполнен рубашками, брюками и костюмами, начиная от костюмов для гольфа и кончая вечерними. Я тщательно обследовал карманы. Во внутреннем кармане одного из пиджаков я нашел бумажник. В нем было много двадцатидолларовых банкнот и одна фотография.

Я поднес ее к лампочке. На меня смотрело лицо прорицательницы с немного рассеянными грустными темными глазами и полным

усталым ртом. Лицо обрамляли пышные волосы, спадавшие на высокий воротник черного платья. На обратной стороне женской рукой было написано:

«Ральфу от Фэй с благословением»

Где-то я уже видел это фото, точнее, это лицо. Мне запомнились эти меланхоличные глаза и ничего больше. Бумажник я положил обратно в карман, а фото оставил себе.

— Смотрите, — сказала Миранда, когда я вернулся в комнату.

Она лежала на кровати, ее юбка задралась выше колен. Окутанное красным светом ее тело, казалось, горело. Она закрыла глаза.

— На какие мысли наводит вас эта комната? — спросила девушка.

Ее волосы были похожи на пылающий факел, обращенное вверх лицо было замкнуто и безжизненно.

Я подошел к девушке и положил руку на ее плечо. Красный свет пронизал мою руку, напомнив, что у меня есть скелет.

— Откройте глаза, — попросил я.

— Вы видели это? Правда? Жертва на языческом алтаре. Похоже на Саламбо.

— Вы слишком много читаете, — заметил я.

Моя рука покоилась на ее плечике, ощущая загорелое тело. Миранда повернулась и притянула меня к себе. Мое лицо обожгли ее горячие губы.

— Что здесь происходит? — спросил Алан, стоя в дверях. Красный свет придавал его лицу страстное выражение, но он улыбался своей обычной полуулыбкой. Похоже, происходящее его забавляло.

Я встал и поправил пиджак. Мне это совсем не понравилось. Я уже давно не прикасался к столь юному и свежему существу, каким была эта девушка. Она заставила бежать по моим жилам кровь со скоростью молодого рысака.

— Что у тебя такое твердое в кармане пиджака? — громко спросила она.

— Кобура.

Я вытащил снимок темноволосой женщины и показал им.

— Вы видели ее когда-нибудь? Она подписалась «Фэй».

— Я не видел, — заявил Алан.

— Я тоже, — промолвила Миранда.

В ее глазах была торжествующая улыбка, адресованная Алану, точно она выиграла сражение.

Она использовала меня, чтобы вызвать у него ревность, и это меня разозлило. Красная комната тоже раздражала меня. Она напоминала больной мозг изнутри, череп без глазниц, через которые можно выглянуть наружу; в ней было одно только перевернутое изображение.

Я вышел.

Глава 5

Я нажал кнопку звонка, и в ту же секунду приятный женский голос прожурчал в динамике:

— Кто там?

— Лью Арчер. Моррис дома?

— Да. Поднимайтесь наверх, — раздался зуммер, и двери в вестибюле открылись. Она ждала, пока я поднимался по лестнице — полная, увядшая блондинка, счастливая в своем супружестве.

— Давненько мы не виделись.

Я вздрогнул от неожиданности, но она не заметила этого.

— Моррис все утро работал. Сейчас он завтракает.

Я взглянул на часы. Было половина четвертого. Ночной репортер Моррис Крамм работал с семи часов вечера до пяти утра.

Его жена провела меня через спальню, гостиную, заваленную книгами и газетами, с неубранной постелью. Моррис сидел за кухонным столом в купальном халате, глядя на глазунью, которая стояла перед ним. Он был брюнетом невысокого роста с темными пронизательными глазами за темными очками. За этими глазами скрывался мозг, содержащий картотеку на всех жителей Лос-Анджелеса.

— Доброе утро, Лью, — произнес он, не вставая.

Я сел напротив него.

— Уже давно день.

— Для меня еще утро. Время — понятие относительное. В каком полушарии моего мозга ты собираешься покопаться?

Он сделал акцент на последнем слове, а жена как бы подтвердила это, налив мне чашечку кофе. Она уже почти убедила меня в том, что я недавно проснулся и видел во сне Сэмсона. Я бы не возражал, если бы Сэмсон действительно мне приснился.

Я показал Моррису фотографию.

— Тебе знакома эта физиономия? У меня такое впечатление, что я где-то ее видел. Может, это киноактриса. У нее богемный вид.

Он внимательно изучил снимок.

— Авантюристка на пенсии, но фото примерно десятилетней давности. Это Фэй Эстабрук.

— Ты знаешь ее?

Он ткнул вилкой в яичницу и стал внимательно наблюдать, как желток растекается по тарелке.

— Видел. В свое время она была кинозвездой.

— Чем она зарабатывает себе на жизнь?

— Ничем особенно. Живет тихо, раз или два была замужем.

Моррис превозмог отвращение и принялся за яичницу.

— Сейчас она замужем?

— Понятия не имею. Не думаю, что ее последний опыт оказался удачным. Она немного подрабатывает на второстепенных ролях. Сим Кунц берет ее в свои фильмы. Он был ее режиссером в прежние времена.

— Она, случайно не астролог?

— Вполне возможно.

Он сердито проткнул вилкой желток другого яйца, смущенный тем, что не может ответить на мой вопрос.

— Я уже давно ею не интересовался, Лью. Она теперь не такая уж важная персона. Но у нее, должно быть, еще какой-то источник доходов. Она ведет себя довольно шумно. Я видел ее как-то у Чейзена.

— Одну, конечно?

Моррис сморщился, жуя подобно верблюду одной стороной рта.

— Ты шарить уже в обоих полушариях. Я что-нибудь получу за износ извилин?

— Непременно. Меня еще не ограничивают в расходах.

Миссис Крамм, склонившись надо мной, налила еще чашечку кофе.

— Я не раз встречал ее с типом, похожим на английского эмигранта.

— Его приметы!

— Блондин, суетливый, глаза голубые или серые. Среднего роста, крепкий, мускулистый. Хорошо одет, красивый — если тебе нравятся церковные певчие.

— Что-нибудь еще можешь сказать о ней?

Я не мог показать Моррису фото Сэмпсона или упомянуть его имя. Моррис был репортером, и за всякие скандальные и пикантные

истории ему отлично платили.

— Однажды она ужинала с толстяком туристского вида, карманы которого набиты деньгами. Он так надрался, что его пришлось вести к двери. Это было несколько месяцев назад. С тех пор я его не видел.

— А ты не знаешь, где она живет?

— Где-то за городом. Это уже вне сферы моей компетенции. За точность не ручаюсь.

— Еще один вопрос. Кунц еще снимает?

— Делает свою программу для телевидения. Может быть, Фэй там. Говорят, будто они что-то снимают.

Я дал ему банкноту. Он поцеловал ее и сделал вид, будто хочет ею прикурить. Жена тут же отобрала у него бумажку.

Когда я уходил, они гонялись друг за другом по кухне, смеясь, как сумасшедшие.

Такси ждало меня у подъезда. Приехав домой, я стал изучать телефонный справочник Лос-Анджелеса и его окрестностей. Фэй Эстабрук в нем не значилась. Потом я позвонил на телестудию и попросил Фэй Эстабрук. Дежурная не знала, там ли она, и пошла выяснять. Это означало, что Фэй снималась на телестудии, и все ее успехи в кино были определено в прошлом. Наконец дежурная сообщила:

— Мисс Эстабрук здесь, но сейчас занята. Ей что-нибудь передать?

— Я приеду. В каком она павильоне?

— В третьем.

— У режиссера Саймона Кунца?

— Да, но вам нужен пропуск, вы знаете об этом?

— У меня есть, — солгал я.

Перед уходом из дома я совершил ошибку: снял кобуру с пистолетом и повесил в стенной шкаф. В жару носить эту сбрую было неприятно, к тому же я не собирался пользоваться оружием. В шкафу лежала сумка со старыми клюшками для гольфа. Я захватил ее с собой в гараж и бросил на заднее сидение.

Отштукатуренные фасады киногородка напоминали пожелтевшие бумажные воротнички. Здания телестудии выглядели новее остальных строений. Они казались чужеродными телами среди захудалых баров и

грязных ресторанов, стоявших на бульваре. Сделанные на скорую руку, как будто не предполагалось, что они долго будут жить.

Я поставил машину за углом в жилом квартале и потащил сумку с ключками к главному входу в студию. У входа в контору, где распределялись роли, человек десять-двенадцать сидели на стульях в ожидании своей участи, стараясь выглядеть преуспевающими и довольными. Девушка в скромном, но изящном черном платье, причесанная на прямой пробор, снимала и надевала перчатки. У женщины с мрачным лицом сидела и хныкала на коленях девочка в розовом шелковом платье. Здесь был обычный ассортимент безработных актеров — толстых, худых, бородатых, бритых, в смокингах и сомбреро. Больные алкоголики и дряхлые старики сидели в бесполезном ожидании, сохраняя достоинство.

Миновав эту великолепную компанию, я двинулся дальше через холл к двери. За ней сидел мужчина средних лет с подбородком, похожим на толстый край окорока. На нем была голубая форма вахтера, черная фуражка с козырьком и черная кобура на бедре. Я остановился перед ним, прижав к себе сумку с ключками, будто предмет большой ценности. Охранник приоткрыл глаза и хотел было остановить меня. Прежде чем он успел спросить меня о чем-нибудь, что могло бы вызвать у него подозрения, я произнес:

— Это нужно мистеру Кунцу. Немедленно.

Охранники в более солидных заведениях требуют паспорт и визы и делают многое другое, кроме разве что личного обыска на предмет обнаружения ручных гранат. Здесь же они не так строги, поэтому у меня был шанс пройти.

Он отворил дверь и пропустил меня. Выйдя на раскаленную добела аллею, похожую на вход в лабиринт, я заблудился среди безликих зданий. Затем я свернул на грязную улицу и подошел к двум художникам, которые разрисовывали фасад салуна с вращающейся дверью и пустотой внутри.

— Поверни направо, потом первый поворот налево. Увидишь поперек улицы вывеску нью-йоркского заведения.

Я свернул направо, прошел по Лондон-стрит и вскоре оказался перед фасадом гостиницы «Континенталь». Фальшивые фасады, казавшиеся такими естественными издалека, вблизи были так безобразны, что заставили меня усомниться в реальности

происходящего. Мне захотелось бросить сумку, зайти в отель и промочить там глотку вместе с другими посетителями. Но других посетителей не оказалось. Мне следовало бы взять с собой что-нибудь полегче, например ракетки для бадминтона.

Наконец я добрался до третьего павильона, над которым горела красная лампочка, звуконепроницаемая дверь была закрыта. Я поставил сумку к стенке и стал ждать. Спустя некоторое время лампочка погасла, дверь открылась, и оттуда выпорхнула стайка девушек из кордебалета в костюмах белок. Придержав дверь, я пропустил последнюю из них, а затем вошел. Интерьер съемочной площадки представлял собой театр с красными плюшевыми занавесками, с такими же красными сидениями, расположенными против оркестра и в ложах, и с позолоченными декорациями в стиле рококо. Оркестровая яма зияла пустотой, как и сцена, лишь в первых рядах стояла группа людей. Молодой человек в рубашке с засученными рукавами налаживал прожектор. Затем он получил команду и прожектор осветил голову женщины, сидящей в середине первого ряда. Я прошел по боковому проходу и, прежде чем погас свет, узнал Фэй.

Снова зажегся свет, зазвенел звонок и наступила полная тишина. Ее нарушил низкий женский голос:

— Разве он не великолепен?

Фэй повернулась к мужчине с седыми усами и мягко пожала ему руку. Тот улыбнулся и кивнул.

— Стоп!

Невысокий мужчина с лысой головой и усталым лицом, прекрасно одетый, появился из-за камеры и приблизился к Фэй Эстабрук.

— Послушай, Фэй: ты его мать. Он здесь, на сцене, поет для тебя. Это его первый настоящий шанс, то, о чем ты мечтала, на что надеялась многие годы.

Его эмоциональная речь была так убедительна, что я невольно взглянул на сцену: она была совершенно пуста.

— Разве он не великолепен? — с напряжением в голосе повторила женщина.

— Так, уже лучше, лучше. Но помни, что этот вопрос риторический. Ударение на слове «великолепен».

— Разве он не великолепен! — воскликнула Фэй.

— Больше эмоций, больше сердца, дорогая Фэй. Продемонстрируй любовь матери к сыну, так великолепно поющему на этой сцене. Попытайся еще раз.

— Разве он не великолепен! — неестественно взвыла она.

— Нет! Так не годится. Свою интеллигентность держи при себе. Нужна простота, теплая любящая простота. Понимаешь, дорогая Фэй.

У нее был сердитый и нездоровый вид. Все, начиная с помощника режиссера и кончая бутафором, выжидающе смотрели на нее.

— Разве он не великолепен! — прохрипела она.

— Лучше, гораздо лучше, — заметил маленький человечек, дав знак включить свет и камеру.

— Разве он не великолепен! — снова повторила Фэй.

Седоусый мужчина улыбнулся, кивнул. Потом взял ее за руку и они улыбнулись друг другу.

— Стоп!

Улыбка сменилась усталостью на лице. Свет погас. Маленький режиссер объявил перерыв.

— Ты свободна, Фэй, можешь идти. Завтра к восьми. Постарайся хорошенько выспаться, дорогая, — как-то недоброжелательно добавил он.

Она ничего не ответила. Сцена стала заполняться новой группой актеров. Фэй поднялась и пошла по центральному проходу. Я поспешил вслед за ней.

Она шла медленно, двигалась словно наобум, без всякой цели. Безвкусная одежда — черная шляпка с траурной вуалью и прямое черное платье — делала ее крупную красивую фигуру нескладной: она походила на унылый призрак, бродящий по аллее.

Когда она скрылась за углом отеля, я подхватил сумку с клюшками и пошел за ней. Я снова разволновался и почувствовал себя мальчиком-прислужником на площадке для игры в гольф, у которого нет надежды стать настоящим игроком.

Фэй присоединилась к небольшой группке женщин всех возрастов и форм, направляющихся к главному выходу. Однако, не дойдя до него, они свернули с аллеи. Я последовал за ними и увидел, что они скрылись в павильоне для переодевания.

Я прошел мимо охранника через ворота и вышел на улицу. Он запомнил меня и мою сумку.

— Не понадобилось?

— Нет, он вместо гольфа решил поиграть в бадминтон.

Глава 6

Я ждал, когда она выйдет, включив двигатель машины. Фэй вышла и направилась в другую сторону. Она переделалась в хорошо сшитый костюм темного цвета и маленькую шляпку, одетую набекрень. Фигура у нее была стройная, и сзади она выглядела лет на десять моложе.

Пройдя полквартала, она остановилась возле черного «седана», открыла дверцу и села за руль. Я двинулся в путь, влился в поток машин, предоставив ей обогнать меня. Я не боялся, что она заметит мою машину: в округе Лос-Анджелеса было полно голубых открытых машин, а движение на бульваре было интенсивным.

Она ехала довольно быстро. Я вынужден был развить скорость до 110 км в час, чтобы не выпустить ее из виду. Я не думаю, что Фэй старалась оторваться от меня — она делала это просто ради удовольствия. Так мы выехали за город. На длинной петле последнего спуска я потерял ее. Затем на прямом участке я вновь догнал ее за минуту до того, как она свернула вправо. Я направился вслед за ней на дорогу под названием Будлу-лейн, которая вилась по склону между живыми изгородями. Метров через сто она свернула в проезд к дому. Я тут же затормозил и поставил машину под высокий эвкалипт.

Через живую японскую изгородь, росшую вдоль тротуара, мне было видно, что она поднялась по ступенькам белого дома и скрылась внутри. Дом был двухэтажный, с гаражом, чуть врытым в склон горы. Он стоял посреди деревьев поодаль от дороги. Для женщины ее круга он был слишком красивым и дорогим. Вскоре мне надоело любоваться запертой дверью дома. Сняв пиджак и галстук, я положил их на спинку сиденья и засучил рукава. В ящичке с инструментом у меня находилась масленка. Взяв ее, я направился по дорожке к открытой двери гаража.

Гараж был огромен. В него свободно можно было поставить несколько машин и даже грузовик. Станным было то, что тут на самом деле иногда бывал грузовик: на бетонном полу остались следы широких шин и большие пятна от подтекающего масла.

Небольшое окно в стене гаража выходило прямо во двор. Там, спиной ко мне, сидел широкоплечий мужчина в алой шелковой

рубашке. Его короткие волосы по виду были гуще и темнее, чем у Ральфа Сэмпсона. Я встал на цыпочки и прижался лицом к тонкому стеклу.

Даже сквозь стекло сцена была живописная, как на картине. Широкая мужская спина в рубашке, бутылка с пивом, тарелка с солеными орешками на земле позади него и апельсиновое дерево над его головой с недозревшими плодами.

Мужчина наклонился и протянул огромную лапу к тарелке с орехами. Пальцы скользнули мимо тарелки и уткнулись в землю. Затем он повернул голову, и я увидел его профиль. Это был не Ральф Сэмпсон. Лицо мужчины было словно высечено из камня скульптором-примитивистом. На нем была написана обычная история человека двадцатого века: слишком много борьбы, слишком много звериного мужества и слишком мало извилин в мозгу.

Я вернулся к отпечаткам шин и, опустившись на колени, стал изучать их. Позади меня по дорожке раздались шаги, но я услышал их слишком поздно и не успел ничего предпринять.

Мужчина в алой рубашке появился в дверях гаража и спросил:

— Что ты тут вынюхиваешь? Нечего тебе здесь делать.

Взяв масленку, я выпустил струю масла на стену.

— Не загораживайте свет, пожалуйста, — произнес я.

— Чего тебе? — тяжело спросил он.

Его верхняя губа была толстая, как у слона. Он был с меня ростом, не широк к плечам, но впечатление производил. Я стал нервничать, словно разговаривал со свирепым бешеным бульдогом, охранявшим хозяйское имущество. Я поднялся.

— Да, — проронил я, — вы, братец, обзавелись ими.

Мне не понравилось, как он двинулся ко мне.

— О чем ты толкуешь? Чем мы обзавелись? Ничем мы не обзаводились! А вот ты обзавелся неприятностями, притащив сюда свой вонючий зад!

Он подошел так близко, что я уже ощущал его дыхание: пиво, соленые орешки, гнилые зубы.

— Передайте миссис Голдсмит, что они наверняка у нее завелись.

— Термиты?

Он остановился. Я мог бы сбить его с ног, но вывести надолго из строя было трудновато.

— Маленькие насекомые, которые все пожирают.

Я опять плеснул масло на стену и добавил:

— Маленькие паразиты.

— Что у вас в этой жестянке?

— В этой жестянке?

— Да.

Кажется я наладил отношения.

— Это убивает, если не разом, то потихоньку, этих термитов. Они жрут это и мрут. Передайте миссис Голдсмит, что все будет в порядке. Скоро они исчезнут.

— Не знаю я никакой миссис Голдсмит.

— А хозяйка дома? Она звонила в управление и вызывала инспектора.

— В управление? — подозрительно скривился он.

— Управление по борьбе с термитами в Южной Калифорнии.

— А! Но здесь нет никакой Голдсмит.

— Разве это не Эвкалипт-лейн?

— Нет, это Будлу-лейн. Ты ошибся адресом, приятель.

— Ужасно! А я-то думал, что попал на Эвкалипт-лейн.

— Нет, Будлу-лейн.

Он широко улыбнулся над моей нелепой ошибкой.

— Тогда я пошел. Миссис Голдсмит будет ждать меня.

— Да, только погоди минутку.

Он быстро выбросил левую руку вперед и схватил меня за воротник. Правую он сжал в кулак.

— Больше здесь не появляйся! Тебе тут нечего делать.

Лицо его налилось кровью от злости, глаза стали дикими и засверкали. Из искривленных уголков рта потекла струйка слюны. Этот тип был гораздо опаснее бешеного бульдога, и его поведение было трудно предугадать.

— Смотри, — поднял я масленку, — эта штука ослепит тебя.

Я брызнул маслом ему в глаза, и он взвыл, будто его ошпарили кипятком. Я рванулся в сторону. Его правый кулак скользнул по моему уху и обжег его. Воротник моей рубашки оторвался, оставшись в его руке. Правой рукой он прикрыл глаза, залитые маслом, и застонал, как ребенок, испугавшись слепоты.

Когда я был уже на полпути к машине, то услышал, как позади меня открылась дверь. Чтобы не показывать свое лицо, я не стал оглядываться. Обогнув угол изгороди, я начал удаляться от машины и пробежал целый квартал.

Когда я вернулся, на дороге никого не было. Двери гаража уже были закрыты, но машина Фэй все еще стояла на проезде к дому. Белый дом среди деревьев выглядел мирно и безобидно в свете ранних сумерек.

Почти совсем стемнело, когда из дома вышла женщина в пятнистом платье. Пока «бьюик» разворачивался, я поехал к началу дороги и там стал ждать его. Обратный путь в Голливуд она проделала не так быстро, как днем. Я не упустил ее из виду.

На углу Голливуда и Вэйна она свернула на частную стоянку, поставила там машину. Я остановился и стал наблюдать, как она войдет к Свифту. Потом я отправился домой и сменил рубашку. Пистолет в шкафу искушал меня, но я не надел его. Я вынул его из кобуры и положил в машину в вещевой ящик.

Глава 7

Задний зал в ресторане Свифта был отделен панелями из мореного дуба, которые отражали матовый свет начищенных бронзовых люстр. По обеим сторонам зала располагались кабины с кожаными подушками на сиденьях. Остальное пространство было заставлено столиками. Все кабины и большинство столиков были заняты прекрасно одетыми посетителями, которые ели или ожидали, когда их обслужат. Большинство женщин были изящны, очевидно, они соблюдали диету для сохранения фигуры. Мужчины обладали мужественным голливудским взглядом, который трудно передать словами. В их громкой речи и размашистых жестах ощущалась настойчивая беззастенчивость, словно Господь Бог охранял их по контракту на миллион долларов.

Фэй Эстабрук сидела в кабине в глубине зала, напротив нее виднелся локоть ее партнера в голубой фланели. Все остальное было скрыто перегородкой.

Я подошел к бару и заказал пиво.

Бармен ответил, что после шести у них пива не бывает. Тогда я попросил эль, дав ему доллар, я гордо заявил, что сдачи не надо. Но сдачи не причиталось. Он отошел.

Я взглянул перед собой в зеркало, висевшее за баром, и увидел в нем лицо Фэй. Она быстро шевелила губами. Мужчина тотчас же встал. Он принадлежал к тому типу, который предпочитают компании молодых женщин, элегантные и молодящиеся, они неизвестно как делают доллары. Это был тот самый постаревший церковный певчий, которого описывал Крамм. Голубой пиджак облегал его фигуру, а белый шарф на шее оттенял серебристые волосы.

Он пожал руку рыжеволосому мужчине, остановившемуся возле их кабины. Когда тот повернулся ко мне, я узнал его: это был писатель Рассел Хант.

Седовласый попрощался с Фэй и направился к выходу. Я наблюдал за ним в зеркало. Он шел, глядя перед собой, как будто вокруг никого не было. И в самом деле, до него никому не было дела. Никто не поднял руки и не улыбнулся ему. Когда он вышел, несколько

голов повернулось, несколько бровей приподнялось — и все. Фэй осталась в кабине одна.

Я отнес свой стакан к столику Рассела Ханта. Он сидел в компании с толстяком, у которого был безобразный круглый нос с вздернутым кончиком и маленькие пронизательные глаза агента.

— Как дела, Рассел?

— Хэлло, Лью.

Он не был мне рад. Я зарабатывал три сотни в неделю, когда была работа, а значит, я был нищим в его глазах. Он получал пятнадцать сотен.

Бывший репортер из Чикаго, он послал свою первую новеллу в «Метро», а вторую так и не написал. Из счастливого юноши Хант превратился в мерзкого старикашку с вечной мигренью, которому не мог помочь даже плавательный бассейн, так как он боялся воды. Я помог ему избавиться от второй жены, но третья оказалась не лучше.

— Присаживайся, — пригласил он, заметив, что я не ухожу. — Выпей. От этого проходит мигрень. Я пью не из желания развеселиться, а для того чтобы утихла мигрень.

— Учтите, — пробурчал мужчина с глазами агента, — если вы выдающийся художник, то можете присесть. В противном случае, я не стану тратить на вас время.

— Тимоти — мой агент, — сообщил Рассел. — Я курица, которая несет ему золотые яйца. Посмотри, как чуткие пальцы играют ножом на мясе, а глаза задумчиво смотрят на мое горло. Я чувствую — не к добру это.

— Он чувствует, — буркнул Тимоти. — Вы что-нибудь создаете?

Я сел за столик и заявил:

— Я человек действия. Сыщик.

— Лью — детектив, — пояснил Рассел. — Он разыскивает человеческие грехи и выставляет их напоказ всему свету.

— Каким образом вы так низко пали? — развеселился Тимоти.

Мне эта болтовня не нравилась, но я пришел за информацией, а не просто так. Заметив выражение моего лица, он повернулся к стоящему неподалеку официанту.

— Кому это ты пожимал руку? — обратился я к Расселу.

— Красавчик с шарфом? Фэй говорила, что его зовут Трой. Одно время он был ее мужем, пока не стал импотентом.

— Чем он занимается?

— Точно не знаю. Я встречал его в разных местах, в Палм-Спрингсе, Лас-Вегасе, Тиа-Хуане.

— В Лас-Вегасе?

— По-моему, да. Фэй говорила, будто он импортер, но если это так, то я — дядя обезьяны.

Эта шутка понравилась ему, и он продолжал болтать, потом внезапно замолчал... Лицо его стало тусклым и жалким.

— Еще выпивку! — потребовал он, обращаясь к официанту. — Двойной скотч.

Официантом был высокий старик с глазами-кнопками.

— Я должен выполнить заказ этого джентльмена.

— Он не хочет обслуживать меня!

Рассел вскинул руки комедийным жестом отчаяния. Официант хотел что-то ответить, но заговорил Тимоти:

— Я не хочу жареную картошку. Принесите картофельное пюре.

— У нас нет картофельного пюре.

— Но вы можете его приготовить, — возразил Тимоти, и его вздернутые ноздри раздулись.

— Минут через тридцать-сорок, сэр.

— О, боже! — воскликнул Тимоти. — Что за наказание! Давай пойдем к Чейзену, Рассел. Я хочу картофельное пюре.

Официант стоял и смотрел на него. Взглянув на кабину, я заметил, что Фэй все еще там.

— Меня больше не пускают к Чейзену, — заявил Рассел. — Я написал сценарий, в котором герои — злодеи-нацисты, и теперь считают, что я — агент коммунистов.

— Кончай! — сказал я. — Ты знаком с Фэй Эстабрук?

— Немного. Я помог ей несколько лет назад.

— Представь ей меня.

— Зачем?

— Я давно мечтал с ней познакомиться.

— Не понимаю тебя. Она слишком стара для любовных утех.

Я объяснил на понятном для него языке:

— У меня к ней сентиментальное уважение, родившееся в безвозвратные дни.

— Представь его, если ему так хочется, — произнес Тимоти. — Сыщики раздражают меня. Кроме того, я хочу спокойно есть свое картофельное пюре.

Рассел с трудом поднялся.

— Спокойной ночи, — попрощался я с Тимоти. — Продолжай скандалить с официантом, пока не схлопочешь по своей жирной шее.

Захватив свою выпивку, я направился за Расселом к Фэй.

— Не говори ей, чем я занимаюсь, — шепнул я ему на ухо.

— Кто я такой, чтобы раскрывать твоё грязное ремесло? В узком кругу — это другое дело. Я люблю поболтать о твоих грязных делишках в узком кругу.

Фэй Эстабрук вопросительно взглянула на нас.

— Это Лью Арчер. Агент коммунистов. Он твой давний обожатель, моя дорогая.

— Как трогательно, — проговорила она голосом, который растратила на ролях матерей. — Присаживайтесь.

— Благодарю вас.

Я сел напротив нее в низкое кресло.

— Извините меня, — промолвил Рассел, — но я должен присмотреть за Тимоти. Он ведет клановую войну с официантом. Завтра вечером его очередь присматривать за мной. Всего хорошего.

Он удалился.

— Как чудесно, когда о тебе иногда вспоминают, — произнесла Фэй. — Большинство моих друзей уже давно забыли меня.

Ее пьяная сентиментальность, наполовину деланная, наполовину искренняя, была мне после болтовни Рассела как бальзам на душу. Я подхватил ее прозрачный намек:

— Так проходит мирская слава. Однако вы продолжаете играть?

— Стараюсь не опускать руки. Тем не менее жизнь покидает город. Мы очень старались, делая фильмы, действительно старались. В зените славы я получала три тысячи в неделю, но мы вкалывали не ради денег.

— Фильм — это цель.

Я немного перефразировал цитату.

— Фильм был целью, теперь это уже не так. Город потерял свою искренность, в нем не осталось жизни, во мне тоже.

Вылив в бокал остатки вина, она залпом выпила. Я тоже прикончил свой бокал.

— Вы все правильно делаете, — я скользнул взглядом по ее пышным формам, наполовину скрытым за длинным платьем.

Формы были исключительно хороши для ее возраста — все было подтянуто, грудь высокая. Они были живые. В них чувствовалась женская сила, достоинство и кошачья гордость.

— Вы мне нравитесь, Арчер. Вы симпатичный. Скажите, когда вы родились?

— Вы имеете в виду год?

— Дату.

— Третьего июня.

— В самом деле? Не думала, что вы Близнец. У Близнецов нет сердца. У них две души и они живут двойной жизнью. Вы бессердечны, Арчер?

Она наклонилась ко мне. Ее глаза были широко раскрыты и устремлены вдаль. Я не мог понять, кому она морочила голову — себе или мне.

— Я дружу со всеми, — заявил я, — каждый может положиться на меня в любом деле. Меня обожают дети и собаки.

— Вы циник, — хмуро заметила она. — Полагаю, вы можете быть добросердечным, но только в воздухе или в воде.

— Мы с вами можем составить прекрасную воздушно-морскую команду спасателей.

Улыбнувшись, она укоризненно спросила:

— Вы не верите в звезды?

— А вы?

— Конечно, верю — в чисто научный подход. Просто нельзя отрицать очевидного. Например, я — Рак, и сразу видно, что я отношусь к этому типу. Я чванлива и чувственна, и одарена воображением. Я не могу жить без любви. Те, кого я люблю, могут обвести меня вокруг пальца, но порой я могу быть и упрямой. В замужестве, подобно другим Ракам, я была несчастлива. Вы женаты, Арчер?

— Сейчас нет.

— Значит, были. Вы женитесь снова. Близнецы всегда так поступают. И обычно они выбирают женщину старше себя. Вам это

известно?

— Нет.

Ее настойчивые рассуждения немного выбили меня из колеи. Она стремилась овладеть и темой разговора, и мной.

— Ваши доводы очень убедительны, — заметил я.

— То, что я говорю, — правда.

— По всей видимости, вы занимаетесь этим профессионально. Это может приносить доход человеку с приятной внешностью и убедительной речью.

Ее полупьяные глаза превратились в две темные узкие щелки. Она испытывающе посмотрела на меня, затем, приняв тактическое решение, окинула взглядом окружающий мир. Глазки превратились в темные лужицы невинности.

— О, нет, — возразила она, — я никогда не занималась этим профессионально. Это мой талант, дар. Он часто встречается у Раков, я чувствую себя обязанной использовать его. Но вовсе не ради денег — только ради друзей.

— К счастью, вы материально независимы.

Бокал на тонкой ножке выскользнул из ее рук и вдребезги разбился.

— Вы — типичный Близнец, — проговорила она. — Любите факты.

Я ощутил легкий приступ сомнения, но сразу же прогнал его прочь.

— Я не хотел показаться слишком любопытным.

— О, я понимаю вас.

Она неожиданно поднялась, и я ощутил тяжесть нависшего надо мной тела.

— Давайте уйдем отсюда, Арчер. У меня опять падают из рук вещи. Двойной скотч оказался слишком крепким для меня. Давайте пойдем куда-нибудь, где можно поговорить.

— Почему бы и нет?

Положив на стол банкноту, она вышла с тяжеловесным достоинством. Я направился за ней, довольный первым успехом, с ощущением паука, которого вот-вот сожрет паучиха. Что если она начнет приставать ко мне с нескромными предложениями?

Рассел Хант сидел за своим столиком, положив голову на руки. Тимоти гавкал на официанта, как терьер, загнавший в угол старую крысу. Метрдотель терпеливо объяснял, что картофельное пюре будет готово через пятнадцать минут.

Глава 8

В голливудском баре «Рузвельт» Фэй стала жаловаться на духоту и заявила, что чувствует себя тут старой и несчастной. Я сказал, что это ерунда, но мы все же перешли в «Зебра Рум». Здесь она стала пить неразбавленное ирландское виски. Потом захныкала, что ей тут не нравится, что мужчины за соседним столиком якобы пристально рассматривают ее. Я предложил ей прогуляться, и мы направились на улицу. По ее желанию я оставил машину возле «Амбассадора». Я имею в виду ее машину. Моя же осталась около «Свифта».

В «Амбассадоре» она поссорилась с барменом, обвинив его в том, что, когда она отворачивается, он смеется над ней. Я повез ее в бар на Хэнтон-Парке, где, как всегда, имелись свободные места. Повсюду, где появлялась Фэй, находились люди, узнававшие ее, но никто не вставал и не подходил к ней. Даже официанты не обращали на нее внимания. Фэй постепенно забывали.

В баре было пусто, лишь небольшая компания сидела в конце зала. Фэй была бледная, как смерть, но старалась держаться прямо, время от времени пытаюсь разговаривать, пить, а возможно, даже и думать.

Я старался направить разговор на «Валерию», надеясь, что она сама произнесет это название. Еще немного выпивки, и я рискну это сделать. Я пил вместе с ней, но так, чтобы не опьянеть. Разговор был бессмысленный, а она этого не замечала. Я ждал, когда она дойдет до кондиции, то есть начнет говорить все, что придет ей в голову.

Я взглянул на себя в зеркало и восторга не испытал. Лицо осунулось и казалось хищным. Нос был слишком острым и тонким, а уши слишком плотно прилегали к голове.

Фэй склонилась над стойкой, подперев ладонями подбородок, и что-то рассматривала в пустом бокале. Ее гордость, выпрямлявшая фигуру и контролировавшая выражение ее старого лица, куда-то испарилась. Актриса сгорбилась, ощущая горький осадок прошедшей мимо жизни и монотонно бормоча:

— Он никогда не заботился о себе, но у него было тело борца и голова индейского вождя. Отличный парень, он был индейцем.

Милый, тихий, спокойный, молчаливый. При этом очень страстный и настоящий однолюб — больше таких я не встречала. Он заболел туберкулезом и летом умер. Это сломило меня. С тех пор я никак не могу прийти в себя. Он был единственным, кого я любила!

— Как, вы сказали, его звали?

— Билл.

Фэй лукаво посмотрела на меня.

— Но я не говорила этого. Он был моим управляющим. У меня был большой загородный дом в долине. Год мы провели вместе, а потом он умер. Это было тридцать шесть лет назад, и у меня такое чувство, что лучше бы я умерла вместе с ним.

Она подняла сухие глаза и встретила мой взгляд. Мне захотелось как-то ответить на ее меланхолический взор, но я не знал, как это сделать. Тогда я улыбнулся, чтобы подбодрить себя. В конце концов, я же такой добрый малый. Меня мог каждый нанять за пятьдесят долларов в день.

В углах моих глаз и возле ноздрей собрались морщинки, но улыбки не получилось. Я увидел лишь гримасу голодного койота. Я повидал слишком много баров и захудалых отелей, богатых любовников, уютных гнездышек любви и разврата, слишком много залов суда и тюрем, вскрытия трупов и полицейских участков. Если я сам находил свое лицо странным, то каким же оно могло показаться другим? Я поймал себя на мысли о том, как оценила бы его Миранда Сэмпсон?

— К черту трехдневные вечеринки, — на что-то разозлилась Фэй, — к черту лошадей, изумруды и яхты. Один хороший друг лучше всего этого, а у меня нет настоящего друга. Сим Кунц говорил, что был моим другом, еще он сказал мне, что я снимаюсь в последней картине. Я прожила свою жизнь уже двадцать пять лет назад и сейчас никому не нужна. Ты же не захочешь связываться со мной, Арчер?

Она была права на сто процентов, но тем не менее интерес к ней выходил далеко за рамки моей работы. Она прошла слишком долгий путь вниз с вершины славы и знала, что такое страдание. В ее речах звучали фальшивые слезы и прочие атрибуты, которым она научилась на сцене. Это было вульгарно и немного приятно и говорило о том, что ее детство прошло на окраине Чикаго или какого-то другого города.

Фэй допила свой бокал и встала.

— Отвези меня домой, Арчер.

Поспешно соскочив с табурета, я взял ее за руку.

— Вам нельзя ехать домой в таком виде. Нужно еще что-нибудь выпить, чтобы прийти в себя.

— Ты хороший...

Я почувствовал в ее словах иронию.

— Только я не могу здесь оставаться. Это морг. Скажите, ради бога, — крикнула она бармену, — куда подевались все забавники?

— А вы разве не забавница, мадам?

Во избежание очередного скандала, я потащил ее вверх по лестнице на улицу. Беззвездное небо над крышами домов казалось низким и тусклым. Я ощущал дрожь ее руки.

— На соседней улице есть хороший бар, — предложил я.

— «Валерио».

— Кажется, да.

— Ладно. Еще немного выпью, а потом направлюсь домой.

Я открыл дверцу ее машины и помог ей сесть. Она тяжело навалилась грудью на мое плечо.

Официантка в баре назвала Фэй по имени и проводила нас в свободную кабину. Бармен, симпатичный молодой грек, подошел к ней, чтобы поздороваться и спросить о мистере Сэмпсоне.

— Он еще в Неваде, — ответила Фэй.

Я наблюдал за ее лицом, и она перехватила мой взгляд.

— Это мой близкий друг, — объяснила она. — Мы заходим сюда, когда он бывает в городе.

Короткая дорога и дружелюбная встреча привели ее в норму: Фэй почти развеселилась. Может быть, я сделал ошибку, привезя ее сюда.

— Замечательный старик, — произнес бармен. — Нам его сильно не хватает.

— Ральф — удивительный, удивительный человек, — пробормотала Фэй. — Милый друг.

Бармен принял заказ и удалился.

— Вы и ему составляли гороскоп? — спросил я. — Этому вашему другу?

— Как ты догадался? Он — Козерог. Милый друг, но весьма преуспевающий тип. Хотя и у него были в жизни трагедии. Его

единственный сын погиб на войне. Понимаешь, солнце Ральфа было в квадрате Урана. Трудно объяснить, что это означает для Козерога.

— Понимаю. А что это может означать для Козерога?

— Да многое. У Ральфа богатый духовный мир. Уран против него, но остальные планеты с ним. Это придает ему мужества. — Она придвинулась ко мне и доверительно сообщила: — Я могла бы показать тебе комнату, которую переделала для него. Это тут, неподалеку, в одном из домиков, но нам не позволят туда войти.

— А где он сейчас находится? Здесь?

— Нет, он в Неваде. У него там уютный домик в пустыне.

— Вы когда-нибудь бывали там?

— Ты задаешь слишком много вопросов, — она улыбнулась и, кривляясь в кокетстве, спросила: — Ты будешь ревновать?

— Но ты жаловалась мне, что у тебя нет друзей.

— В самом деле? Значит, я забыла про Ральфа.

Бармен принес выпивку. Я поднес бокал к губам и стал смотреть в конец зала. Дверь отворилась, и в нее вошли Миранда и Алан Тэггерт.

— Извините, — сказал я Фэй.

Когда я поднялся, Миранда, заметив меня, двинулась навстречу. Я приложил палец к губам и жестом направил ее обратно. Она открыла рот от удивления и попятилась.

Алан соображал быстрее. Он взял ее за руку и вытолкнул за дверь. Последовав за ними, я оглянулся. Фэй сидела, опустив глаза. Я закрыл за собой дверь.

Миранда накинулась на меня:

— Я не понимаю вас. Вы, кажется, искали Ральфа.

— Я устанавливаю связи. Пожалуйста, уйдите.

Миранда готова была расплакаться.

— Но я хотела вас найти.

Возмутившись ее бестолковостью, я обратился к Алану:

— Пожалуйста, уведите ее, пока она не испортила мне всю работу.

Если сможете, уезжайте из города.

За три часа общения с Фэй мое терпение было на пределе.

— Но вам звонила миссис Сэмпсон, — сообщил Алан.

Слуга-филиппинец стоял поблизости, слушая наш разговор.

Я отвел их за угол и быстро спросил:

— Насчет чего?

— Она получила известие от Ральфа.
Глаза Миранды горели янтарным огнем, как у горной лани.

— Пришло письмо. Ральф просит, чтобы она выслала ему денег.
Вернее, не выслала, а держала их наготове.

— Сколько?

— Сто тысяч долларов.

— Повторите еще раз.

— Он хочет обратить в деньги ценные бумаги на сто тысяч долларов.

— И у нее есть столько?

— У нее нет, но она может раздобыть. Элберт Грэйвс обладает правами представителя Ральфа.

— Что он собирается делать с деньгами?

— Он написал, что даст знать или пришлет за ними посыльного.

— Вы уверены, что он сам написал это письмо?

— Элен сказала, что почерк его.

— Он написал, где находится?

— Нет, но на конверте стоит штемпель Санта-Марии. Может быть, он сегодня был там.

— Не обязательно. Чего хочет от меня миссис Сэмпсон?

— Она не сказала. Я полагаю, она нуждается в вашем совете.

— Хорошо, если так. Передайте ей, чтобы она приготовила деньги, но никому их не отдавала, пока не получит доказательств, что ваш отец жив.

— Вы думаете, что он мертв?

Миранда теребила пальчиками воротничок платья.

— Я не могу гадать в таких случаях, — буркнул я и обратился к Алану. — Вы сможете сегодня улететь с Мирандой?

— Я только что звонил в Санта-Терезу. Аэропорт закрыт, но утром, возможно, откроется.

— Тогда позвоните миссис Сэмпсон. Вполне возможно, что я напал на след и пойду по нему дальше. Грэйвсу следует связаться с полицией и с ФБР.

— С ФБР? — прошептала Миранда.

— Да. Похищение людей находится в их ведении.

Глава 9

Когда я вернулся в бар, молодой мексиканец напротив рояля склонился над гитарой. Дрожащим голосом он пел испанскую песню о бое быков. Фэй уставилась на него и, казалось, не заметила, что я вернулся.

Песня кончилась, и она громко зааплодировала, затем поманила парня в нашу кабину.

— Очаровательно.

— Очень приятно, — поклонился тот.

Она протянула ему доллар. Он улыбнулся и пошел продолжать пение.

— Это любимая песня Ральфа, — мечтательно произнесла Фэй. — Доминго славно поет ее. В его жилах течет настоящая испанская кровь.

— Кстати, о твоём друге Ральфе.

— Что?

— Он не стал бы возражать против того, что ты находишься в моем обществе?

— Не будь дураком! Вам надо непременно встретиться. Я уверена, что он тебе понравится.

— Чем он занимается?

— Он более или менее свободен. У него есть средства.

— Почему ты не выйдешь за него замуж?

Она хрипло рассмеялась.

— Разве я не сказала тебе, что у меня есть муж? Но это не должно тебя беспокоить. Это чисто деловой союз.

— Я не знал, что ты занимаешься бизнесом.

— С чего ты взял, что я занимаюсь бизнесом?

Она снова засмеялась, но более настороженно, и сразу переменяла тему разговора.

— Как прекрасно, что ты так подумал обо мне и Ральфе, но мы оба связаны брачными узами с другими людьми. Впрочем, основа нашей дружбы совсем иная. Понимаешь, она духовная!

Она уже совсем трезво взглянула на меня, и я поднял брови.

— За дружбу на другой основе!

Пока Фэй пила, я знаком подозвал бармена. Последний бокал доконал Фэй. Ее лицо стало безучастным, глаза были как стеклянные. Она смотрела, не мигая. Нижняя челюсть отвисла, а багровые губы резко контрастировали с бледно розовым языком. Она с трудом закрыла рот и прошептала:

— Мне хорошо.

— Сейчас отвезу тебя домой.

— Ты хороший...

Я помог ей подняться. Официантка придержала дверь, соблезнующе улыбнулась Фэй и быстро взглянула на меня. Фэй попыталась выпрямиться, но у нее ничего не получилось. Так, спотыкаясь, мы добрались до ее машины.

Засунуть ее в машину оказалось не из легких. Она уткнулась головой в угол между дверцей и спинкой сидения. Я завел двигатель, и мы отправились в Пасифик-Палисадс.

Дорогой она пришла в себя.

— Поедем домой, — тупо пробормотала Фэй. — Ты знаешь, где я живу?

— Ты говорила.

— Утром мне надо приниматься за нудную работу. Чепуха, я не заплачу, если он выбросит меня на улицу. У меня есть другое занятие.

— Ты деловая женщина, — поощрил я ее.

— Ты хороший, Арчер. Позаботился о старой ведьме. Наверное, я тебе разонравлюсь, если сообщу, как зарабатываю деньги.

— Можешь на меня положиться.

— Но я тебе не скажу.

Фэй рассмеялась развязно и грустно. Мне показалось, что в ее смехе прозвучала насмешка, но, может быть, я и ошибался.

— Такой хороший парень...

«Еще бы, — подумал я. — Настоящий американец, всегда готовый протянуть руку помощи леди, упавшей мордой в грязь».

Леди вновь умолкла и больше уже не возникала. Это была довольно длительная поездка по полуночному городу. В пятнистом платье на заднем сиденье она была похожа на спящее животное — леопарда или дикую кошку, отяжелевшее от старости. На самом деле она была не так стара, самое большое лет пятидесяти, но это были

насыщенные годы, отмеченные тяжелыми воспоминаниями. Она многое рассказала о себе, но не то, что я хотел узнать, и я слишком устал, чтобы продолжать эту историю. Одну вещь я выяснил наверняка: она была неподходящей компаньонкой для Сэмпсона или другого неосторожного мужчины. Ее партнеры были опасными людьми. И если с Сэмпсоном что-то случилось, она должна знать это сейчас или узнает позже.

Когда я остановил машину возле ее дома, она сразу очнулась.

— Поставь машину на подъездной дорожке. Хорошо, голубчик?

Я поставил машину и помог ей подняться по лестнице. Она дала мне ключ.

— Входи. Я сейчас подумаю, что мне выпить.

— Ты считаешь, что это можно? А твой муж?

Смешок застрял в ее горле.

— Мы не живем уже четыре года.

Я последовал за ней в прихожую. Она была заполнена темнотой, запахами мускуса и алкоголя, наполовину животными, наполовину человеческими ароматами. Я ощутил под ногами покрытый лаком пол и не удивился бы, если бы Фэй упала. Но она передвигалась в своем доме с уверенностью слепого. Наконец, мы очутились в комнате, которая ничем не напоминала сумасшедшую красную спальню Сэмпсона, которую она ему устроила. Напротив, комната была большой и веселой. Даже когда за венецианскими стеклами чернела ночь. Солидная комната с репродукциями на стенках, со встроенными книжными полками, с проигрывателем и шкафчиком для пластинок, с камином из глазированного кирпича, с массивным диваном, изогнувшимся перед ним. Необычным был лишь рисунок на обивке дивана и кресло под лампой: изумрудно-зеленые тропические растения под белым пустынным небом. Рисунок менялся, пока я смотрел на него. Я с удовольствием уселся на диван.

Фэй, покачиваясь, стояла у небольшого бара у камина.

— Что будешь пить?

— Виски с содовой.

Она принесла мне бокал, половину расплескав по дороге и оставив пятна на ковре. Затем уселась рядом со мной, погрузившись в мягкое сидение. Ее голова склонилась мне на плечо и уютно

примостилась на нем. Я разглядел ее редкие серо-стальные пряди, оставленные парикмахером, чтобы волосы не выглядели крашеными.

— Никак не придумаю, что бы мне еще выпить, — захныкала она. — Держи меня, а то я упаду.

Я обнял ее одной рукой за плечи, почти такие же широкие, как и мои. Фэй навалилась на меня своими мощными грудями. Я почувствовал, как постепенно замедляется ее дыхание.

— Не пытайся сделать со мной что-нибудь, дружок, а то я могу умереть от избытка чувств. Как-нибудь в другой раз. Сейчас я не в форме...

Голос ее был кротким и похожим на девичий, но вместе с тем каким-то неясным, расплывчатым, как и огоньки былой юности в ее глазах. Наконец, они закрылись и на веках было заметно слабое биение пульса. Спящая она вызывала жалость.

Чтобы удостовериться, что она спит, я осторожно приподнял ее веко. Мраморное глазное яблоко глядело своей белизной в никуда. Я высвободил свою руку, и она откинулась на спину. Ее груди перевалились набок, чулки сползли. Она захрапела.

Я прошел в соседнюю комнату, прикрыл за собой дверь и зажег свет. Он осветил стол красного дерева с искусственными цветами посередине, китайскую горку с одной стороны, встроенный буфет — с другой, шесть массивных стульев вдоль стены. Я потушил свет и заглянул на кухню. Она оказалась чистой и отлично оборудованной.

На мгновение мне подумалось, что я ошибся в этой женщине. Кроме профессиональных астрологов, существует масса любителей. Ее дом был похож на тысячи других домов в Лос-Анджелесе, он был вполне обычным, заинтриговавшим меня только из-за огромного гаража и «бульдога», охранявшего его.

Стены ванной комнаты были выложены голубым кафелем, сама ванная была прямоугольная и тоже голубая. Шкафчик над раковиной ломился от тоников, различных пудр и кремов. На полу стояли корзины для белья. Одежда в корзине была женская. Зубная щетка тоже была только одна, здесь же лежала бритва, но никакого крема для бритья или других следов пребывания мужчины мне обнаружить не удалось.

Из ванны я проследовал в спальню. Она была выполнена в сентиментальных розовых тонах. На ночном столике лежала книга по

астрологии. В шкафу находились женские платья: их было громадное количество. В ящике лежало нижнее белье и ночные рубашки, отделанные голубыми и черными кружевами. Они были прелестны и прозрачны. Такие рубашки к лицу молодым девушкам.

Я заглянул в средний ящик и под грудой чулок обнаружил нечто странное: там лежали пачки денег, перетянутые резинками. Банкноты были достоинством в один, пять и десять долларов. Большинство из них были старыми и помятыми. Похоже, что всего там было порядка десяти тысяч.

Присев на корточки, я задумался. Ящик в спальне — мало подходящее место для хранения денег. Однако он был предпочтительнее банка для человека, желающего скрыть свои доходы.

Внезапный звонок телефона пронзил тишину дома, я вскочил от неожиданности. Правда, сперва я задвинул ящик, а потом уже пошел в холл к телефону. Из комнаты, где спала Фэй, не доносилось ни звука. Прикрыв трубку галстуком, я проговорил измененным голосом:

— Хэлло.

— Мистер Трой? — раздался женский голос.

— Да.

— Фэй дома? — проговорила она скороговоркой. — Это Бетти.

— Нет.

— Слушайте, мистер Трой. Примерно час назад Фэй напилась в «Валерио». Она была там с мужчиной, который, наверное, шпик. Он сказал, что отвезет ее домой. Лучше, чтобы его там не было, когда придет грузовик. Вы же знаете, какова Фэй, когда напьется.

— Да, — промычал я и рискнул: — Где ты сейчас?

— В «Пиано», конечно.

— Ральф Сэмсон там?

Женщина икнула от удивления и на какое-то время замолчала. Я слышал разговор на другом конце линии и звяканье посуды. Женщина повысила голос.

— Почему вы меня об этом спрашиваете? В последнее время я его не видела.

— Где он?

— Я не знаю. Кто это говорит? Мистер Трой?

— Да.

Я положил трубку. Позади меня со стороны входной двери послышался слабый звук. Я застыл, держа руку на телефоне. Хрустальная ручка двери медленно поворачивалась. Наконец, дверь открылась и в ней появился мужчина в светлом пальто. Его серебристая голова была без шляпы. Войдя, он захлопнул за собой дверь. Его правая рука покоилась в кармане пальто, который оттопыривался в мою сторону.

Я посмотрел на него и спросил:

— Кто вы такой?

— Знаю, что невежливо отвечать вопросом на вопрос, — проговорил он с английским акцентом: — Но кто вы такой?

— Если это ограбление...

Предмет в его кармане зашевелился, и мужчина стал более уверенным в себе.

— Я задал вам простой вопрос, дружище. И жду ответа.

— Моя фамилия Арчер. Вы моете волосы синькой? Моя тетушка говорила, что это очень эффективно.

Выражение его лица не изменилось. Он дал понять, что с ним шутки плохи, выразившись более определенно:

— Не люблю ненужного насилия. Пожалуйста, не вынуждайте меня к этому. — Я смотрел на него сверху вниз и видел, как сквозь старательно зачесанные волосы проглядывает лысина.

— Вы напугали меня до смерти, — отозвался я, но от пистолета, лежащего в его кармане, веяло холодом, словно от миниатюрного холодильника большой мощности. Его глаза превратились в ледышки.

— Чем вы зарабатываете на жизнь, мистер Арчер?

— Я страховой агент. А мое хобби — служить мишенью для бандитов и жуликов.

Я потянулся за лежащим в пиджаке бумажником, чтобы показать ему свою визитную карточку.

— Страхование всех видов.

— Нет. Лучше держите руки на виду, а язычок за зубами.

— С удовольствием. Не ждите, что я вас застрахую. Вы слишком рискуете, расхаживая с пистолетом по Лос-Анджелесу.

Мои слова влетали ему в одно ухо, а вылетали из другого.

— Что вы тут делаете, мистер Арчер?

— Я доставил Фэй домой.

— Вы ее приятель?

— Точно. А вы?

— Здесь я задаю вопросы. Что вы собираетесь делать дальше?

— Я только что собирался вызвать такси и поехать домой.

— Это самое лучшее, что вы сейчас сможете сделать.

Я снял трубку и позвонил в парк. Подойдя ко мне, он ловко ощупал меня в поисках оружия. Я был рад, что оставил пистолет в машине, но у меня было брезгливое чувство, когда он меня обыскивал. У него были руки гермафродита.

Отступив назад, он показал мне свое оружие — никелированный пистолет 38-го калибра. Я взвесил шансы, смогу ли я сбить его с ног и отобрать оружие.

Его тело напряглось, а дуло пистолета, похожее на черный зрачок смерти, уставилось на меня.

— Не стоит, — предупредил он меня, — я быстро стреляю, мистер Арчер. У вас нет шансов. Теперь повернитесь кругом.

Я повернулся, и он ткнул мне дулом в спину выше почек.

— Идите в спальню.

Он провел меня через освещенную спальню и поставил лицом к двери. Я услышал его быстрые шаги по комнате и звуки выдвигаемых и задвигаемых ящиков. Пистолет снова уткнулся мне в спину.

— Что вы тут делаете?

— Я сюда не заходил. Это Фэй зажгла свет.

— Где она сейчас?

— В гостиной.

Он провел меня в комнату, где крепко спала Фэй, скрытая за спинкой дивана. Ее рот был открыт, но она уже не храпела. Одна рука свесилась на пол. Он посмотрел на нее с презрением.

— Она не могла так напиться дома.

— Мы путешествовали по кабакам.

Он испытующе взглянул на меня.

— Понятно. Ну, и чем же заинтересовал вас этот мешок навоза?

— Вы говорите так о женщине, которую я люблю.

— Я говорю так о своей жене.

Его ноздри слегка вздрогнули, показав, что его лицо способно менять выражение.

— В самом деле?

— Я не ревнив, мистер Арчер, но обязан вас предупредить, чтобы вы держались подальше от нее. У нас свой круг знакомых. И вы совсем не вписываетесь в него. Фэй весьма терпима, но про себя я этого не скажу. А некоторые из ее знакомых вовсе не отличаются этим качеством.

— Они так же болтливы, как и вы?

Он показал свои мелкие ровные зубки хорька и немного переменял позу. Его туловище выпрямилось, голова поднялась блеснув на свету. Под маской старика в нем скрывался порочный юноша, проворный и нетерпеливый. Он покрутил вокруг пальца пистолет, который стал похож на пропеллер, и направил его мне в сердце.

— Они по-прежнему выражают свои чувства. Я ясно выражаюсь?

— Вполне.

По моей спине стекали струйки пота.

На улице загудела машина. Он подошел к двери, придерживая ее открытой для меня. Снаружи было теплее.

Глава 10

— Хорошо, что меня осенило позвонить диспетчеру, — сказал водитель. — Не придется возвращаться пустым обратно в Малибу. Четверо каких-то типов заказали поездку на вечеринку у побережья. Но им не до воды.

В салоне еще сохранился запах оранжереи.

— Вы бы только послушали о чем болтали эти бабехи.

Он затормозил на красный свет у Сансета.

— Вы возвращаетесь в город?

— Подождите минутку.

Водитель остановил машину.

— Вам знакомо заведение под названием «Пиано»?

— «Дикое Пиано»? — уточнил он. — Это в западном Голливуде.

Какой-то питейный притон.

— Кто его хозяин?

— Не знаю, — ответил водитель и с готовностью спросил. — Хотите поехать туда?

— Почему бы и нет? Спать еще рано.

«Дикое Пиано» расположилось на плохо освещенной улице, среди старых приземистых домов, теснящих друг друга. На нем не было вывески, не было манящего фасада. Над входом изогнулась арка. Выше нависал узкий балкон, обнесенный железными перилами. За ним окна, закрытые плотно шторами.

Из-под арки появился негр-швейцар и открыл дверцу такси. Расплатившись с водителем, я направился за ним. В тусклом свете, падавшем от двери, я разглядел, что ворс его голубой униформы стерся до основания. На обитой кожей двери возле ручки красовалось черное пятно от прикосновения потных рук.

Дверь отворилась, и я увидел прямо перед собой длинную узкую комнату, похожую на туннель.

Другой негр в одежде официанта, с салфеткой в руке, кинулся ко мне. Его черные губы растянулись в улыбке. Стены помещения были разрисованы одноцветными синими обнаженными фигурками в соблазнительных позах. Два ряда столиков, накрытых белыми

скатертями, были разделены проходом посередине. В дальнем конце комнаты на невысокой эстраде играла на рояле женщина.

Я отдал шляпу девице, уютно устроившейся в гардеробе, и заказал столик неподалеку от эстрады. Официант заскользил впереди меня по проходу. Салфетка в его руках развевалась, словно факел: он старался показать, что дела здесь процветают. Напрасно. Две трети столиков пустовали, за остальными сидели парочки. Мужчины были преимущественно из тех, кто, покинув более приличные заведения, не желает отправляться домой. Большинство их спутниц выглядели уже получившими плату или готовыми ее принять. Две или три блондинки, которых я видел в кордебалете, сидели с невинными улыбками, застывшими на лицах, будто они могли остановить ход времени. Были тут и пожилые дамы.

За соседним столиком со скучающим желтым лицом сидела девушка-мексиканка. Она взглянула на меня и отвернулась.

— Скотч или бурбон, сэр? — обратился ко мне официант.

— Бурбон и содовую.

— Хорошо, сэр. У меня имеются сэндвичи.

Тут я вспомнил, что голоден.

— Принесите с сыром.

— Хорошо, сэр.

Я смотрел на рояль, удивляясь точности своего попадания. Женщина, назвавшаяся Бетти, сказала, что будет за роялем. Его хрипы едва пробивались сквозь смех посетителей меланхолической мелодией. Пальцы пианистки бегали по клавишам с торопливой обреченностью: создавалось впечатление, что рояль играл сам, а женщина как будто старалась не отстать от него. Ее худые обнаженные плечи напряженно вздрагивали. Волосы стекали на плечи подобно смоле, подчеркивая их ослепительную белизну. Лицо пианистки было безучастным.

— Хэлло, мой милый, угости меня.

Мексиканка стояла возле моего столика. Я посмотрел на нее, и она села.

У нее была сутулая фигура с узкой талией. Ее платье с низким вырезом напоминало одежду дикарки. Она пыталась улыбаться, но ее каменное лицо, видимо, не было приучено к подобным упражнениям.

— Я возьму тебе пару бокалов.

Она понимала: это значит — будь веселой и только.

— Ты забавный парень. Мне нравятся весельчаки.

Голос у нее был гортанный и напряженный, что вполне соответствовало ее напряженному лицу.

— Я тебе не по душе, но я угощу тебя.

Она презрительно взглянула, выразив так свое удовольствие. У нее были большие и печальные глаза. Она стояла, поглаживая мою руку.

— Я люблю тебя, красавчик. Расскажи мне что-нибудь веселенькое и смешное.

Мы не нравились друг другу. Она наклонилась вперед, чтобы обнажить свои прелести. У нее были небольшие тугие груди с маленькими сосками.

— Я очень голодна, — надувшись, произнесла она, продолжая поглаживать мою руку.

Появившийся официант нарушил затянувшееся молчание. Он поставил на стол тарелку с сэндвичами, стакан с водой, бокал виски на доньшке и стакан с чем-то, что он, видимо, на свое усмотрение захватил для девушки.

— Шесть долларов, сэр.

— Прошу прощения?

— Два доллара за выпивку, два доллара за сэндвичи, сэр.

Я приподнял верхний кусок хлеба и взглянул на ломтик сыра.

Он был очень тонкий, как лист сусального золота и почти такой же дорогой. Я положил на стол десять долларов и оставил сдачу на столе. Моя простодушная компаньонка выпила свой фруктовый сок, глядя на четыре доллара, и вновь принялась за массаж моей руки.

— У тебя очень страстная рука, только дело в том, что я жду Бетти.

— Бетти?

Она презрительно взглянула на пианистку.

— Но Бетти — артистка. Она не станет... — неприличный жест завершил ее фразу.

— Мне нужна только Бетти.

Губы девушки разомкнулись, и между ними показался красный кончик языка, словно она собиралась плюнуть. Я подозвал официанта

и заказал вино для пианистки. Мексиканка исчезла, очевидно, недовольная моей импотентной рукой.

Официант поставил бокал на рояль, кивнув в мою сторону. Она быстро взглянула на меня. У нее было овальное лицо, такое маленькое, что казалось сжатым, глаза неопределенного цвета и невыразительные. Бетти даже не попыталась улыбнуться. Я поднял бокал, приглашая ее присоединиться. Она покачала головой и склонилась над клавишами.

Я наблюдал за ее пальцами. Они продолжали свой стремительный бег. Затем мелодия изменилась.левой рукой она грохала по басам, правой наигрывала блюз. Неожиданно она запела. У нее был резкий, немного сипловатый голос, но получилось довольно трогательно:

Мозг у меня в желудке,
Сердце мое во рту,
Хочу пойти на север —
Ноги идут на юг.
Доктор, ах, доктор, доктор.
Душу мою разъедает хандра.
Доктор, облегчи мне боль,
Душу мою поедом ест хандра.

Бетти исполняла песню с декадентской сентиментальностью. Но мне она не понравилась. Тем не менее ее исполнение заслуживало лучшей аудитории, чем этот прокуренный зал. Когда она закончила, я захлопал в ладоши и заказал для нее еще одну выпивку.

Держа бокал в руке, она подсела к моему столику. Бетти была невысокой и имела безупречную фигуру. Ей было где-то между двадцатью и тридцатью.

— Вам нравится моя музыка, — заключила она и, наклонив голову, взглянула на меня исподлобья — уловка женщины, знающей цену своим глазам.

— Вам бы играть на Пятьдесят второй улице.

— Не думайте, что я там не выступала. Но вы, верно, там давно не были? По улицам ходят веселые парни.

— Их не так много. По всему видно, что то место стало похоже на церковь. Что за причина?

— Сигарета есть?

Я дал ей закурить. Она глубоко затянулась. У нее было лицо недовольного ребенка. Крылья носа, как у наркоманов, были бескровными и походили на снег.

— Я помню вас, — нагло соврал я. — Вы перенесли тяжелый удар, Бетти. Кстати, меня зовут Лью. Мне бы хотелось узнать ваше полное имя.

— Бетти Фрейли.

Она произнесла свое имя с оттенком сожаления, точно обводя его в траурную рамку. Похоже, оно очень много значило для нее. У Бетти был усталый вид.

— Да, мне нанесли двойной удар. Два года в камере и без рояля. И еще твердили, что делают это ради меня. Им нужен был громкий процесс, а мое имя было тогда известно. И если я теперь протяну ноги, то это будет не без их помощи. Два года без рояля!

— Вы прекрасно играете. Никогда не подумаешь, что у вас два года не было практики.

— Правда? Послушали бы вы меня в Чикаго, когда я была в расцвете славы. Я подвешивала рояль вверх ногами и играла. Может вы слышали мои записи?

— Кто их не слышал?!

— Вам они понравились?

— Поразительно! Они сводят меня с ума!

Но такая музыка была не в моем вкусе, и я, вероятно, употребил не то слово или перехвалил ее.

Недовольство отразилось сначала на ее губах, потом перешло на глаза и голос.

— Я вам не верю. Назовите хоть одну мою вещь.

— Это было так давно...

— Вам нравился мой «Джин-Милл-блюз»?

— Еще бы, — с облегчением воскликнул я. — Вы исполняли его лучше, чем Салливан.

— Вы лгун, Лью! Я никогда не записывала этот блюз. Зачем вы тянете меня за язык?

— Я люблю музыку.

— Ну, да! А мне кажется, что вам медведь на ухо наступил.

Бетти в упор посмотрела на меня. Ее мерцающие глаза приняли жесткое выражение и засверкали.

— Знаете, вы очень похожи на легавого. Типичный легавый. Особенно глаза, которые так и сверлят человека.

— Полегче, Бетти, вы плохой психолог. Я не люблю делать больно, но я действительно легавый.

— Борьба с наркотиками? — Бетти побледнела от страха.

— Ничего подобного, я частный детектив, и мне от вас ничего не нужно. Мне просто понравилась ваша музыка.

— Вы лжете!

От злости, ненависти и страха, охвативших ее, она заговорила шепотом. Ее голос сухо зашелестел.

— Вы тот, кто взял трубку у Фэй и выдал себя за Троя. Кто же вы такой на самом деле?

— Меня интересует человек по фамилии Сэмпсон. Не уверяйте меня, что вы ничего не слышали о нем.

— Но я действительно ничего не слышала о Сэмпсоне.

— Хочу заметить, что по телефону вы мне сказали иначе.

— Ну, хорошо, я встречала его здесь. Разве это о чем-то говорит? Он просто мой знакомый. Зачем вы пришли ко мне?

Бетти склонилась ко мне, притягиваемая ненавистью, словно магнитом.

— Убирайтесь отсюда и больше не появляйтесь!

— Я останусь.

— Ах, так!

Она махнула рукой официанту, и тот мгновенно оказался рядом.

— Позови Падлера. Этот сопляк — легавый.

Голубовато-черное лицо негра непроизвольно вздрогнуло, когда он взглянул на меня.

— Спокойно! — предупредил я его.

Бетти стремительно встала и направилась к двери, расположенной за роялем.

— Падлер! — громко позвала она.

Все головы в зале вскинулись. Дверь распахнулась, и из нее вышел мужчина в алой шелковой рубашке. Его маленькие глазки рыскали по сторонам, выискивая причину вызова. Бетти указала на меня пальцем.

— Выстави его отсюда и проучи. Он выслеживал меня и пытался что-то разнюхать.

Я мог успеть убежать, но мне расхотелось. Три поражения за день — это уже слишком. Шагнув ему навстречу, я сделал удар, но он легко уклонил голову в сторону. Я предпринял еще одну попытку, намереваясь врезать с другой стороны. Мужчина отвел удар движением предплечья и тяжело двинулся на меня.

Его темные свинячьи глазки забегали, и я был рад, что пока он не сумел ударить меня. Его первый удар пришелся мне в зубы, и я потерял равновесие. Следующий удар угодил мне по шее за ухом. Я споткнулся об угол эстрады и упал напротив рояля. Сознание помутилось, в ушах глухо зашумело, после чего все погрузилось во тьму.

Я отключился...

Глава 11

Я ощутил себя ничтожным маленьким человечком, беспомощно упирающимся спиной во что-то твердое. Что-то не менее твердое било меня по лицу, сперва в одну челюсть, затем в другую. Моя голова при этом каждый раз ударялась тоже во что-то твердое, что находилось позади меня. Эту роковую последовательность ударов кто-то повторял с монотонной размеренностью.

Затем в аллее появилась высокая тень, она постояла мгновение на одной ноге, словно аист, потом неуклюже заковыляла к нам. Падлер был поглощен своим делом и ничего не замечал. Тень за его спиной выпрямилась, одна рука с каким-то предметом поднялась высоко в воздух над его головой. Потом она упала, и затылок Падлера издал звук колющегося ореха. Как подкошенный, он упал возле меня. Я не мог заглянуть ему в глаза, так как у него выкатились белки.

Алан Тэггерт надел башмак и присел рядом со мной.

— Вам лучше отсюда побыстрее смотаться. Я не слишком сильно ударил его?

— Дайте знать, когда будете бить крепче. Я хочу присутствовать при этом.

Губы мои распухли, ноги почти не повиновались. Я с трудом поднялся, едва ступая на них. Все же я пнул Падлера, лежавшего на тротуаре.

Тэггерт взял меня под руку и повел в конец аллеи. На углу стояло такси с раскрытой дверцей. Перед входом в «Дикое Пиано» никого не было. Впихнув меня в такси, Алан сел рядом.

— Ну, куда мы поедем, — обратился он ко мне.

Моя голова была пустая и лишь в ее глубинах поднималась волна гнева.

— Домой в постель еще рано. К «Свифту», на Голливудский бульвар.

— Там закрыто, — предупредил водитель.

— Я оставил там машину.

Через некоторое время язык стал повиноваться мне с большей охотой.

— Откуда вы появились? — спросил я Алана.

— Ниоткуда.

— Бросьте трепаться, я не в духе! — огрызнулся я.

— Извините, — уже серьезней сказал он. — Я искал Сэмпсона.

Он как-то водил меня в это заведение, и я решил порасспросить о нем там.

— Именно это я и пытался сделать. Видите, какой мне дали ответ?

— Как вы там очутились?

У меня не было ни малейшего желания объяснять что-либо.

— Я влетел туда, потом вылетел обратно.

— Я видел, как вы вылетели, — усмехнулся Алан.

— Я шел на своих ногах?

— Более или менее. Вам помогали. Я задержал такси и стал наблюдать за вами. Когда этот тип поволок вас в аллею, мне пришлось вмешаться.

— Извините, я даже не поблагодарил вас.

— Не беспокойтесь, — Алан наклонился ко мне и прошептал: — Вы серьезно полагаете, что Сэмпсона похитили?

— Сейчас я плохо соображаю. У меня была такая идея, когда я еще способен был мыслить.

— Кто бы мог похитить его?

— Есть женщина по фамилии Эстабрук и мужчина по фамилии Трой. Вы встречали их когда-нибудь?

— Нет, но я слышал об этой даме. Она была с Сэмпсоном в Неваде несколько месяцев назад.

— В качестве кого?

Мое избитое лицо стало отекать.

— Точно я не знаю. Они поехали туда на машине. Самолет не прошел техосмотр, и я остался с ним в Лос-Анджелесе. Я так и не видел ее, но Сэмпсон говорил мне о ней. Насколько я понял, они сидели на солнышке и толковали о религии. Мне в тот раз подумалось, что она вроде того святоши Клода, которому Сэмпсон подарил гору.

— Что же вы не сказали мне об этом раньше? Ведь именно ее фото я вам показывал.

— Я не знаю ее в лицо.

— Теперь это уже неважно. Я проехал с ней много миль. Это с ней я был в «Валерио».

— Серьезно? — удивился Алан. — И она знает, где Сэмпсон?

— Возможно, знает, но не говорит. Сейчас я намереваюсь нанести ей еще один визит, и мне потребуется помощь. С ней живет один опасный тип.

— Хорошо, — согласился Алан. — Я готов.

— Моя реакция еще замедленная, поэтому я попрошу вас вести машину.

На повороте Алан держался ближе к обочине, и нам удалось благополучно добраться до дома Фэй Эстабрук. Ее дом был погружен во мрак. «Бьюика» на подъездной дороге не было, а гараж пустовал. Я постучал в дверь рукояткой пистолета, но ответа не последовало.

— Она, вероятно, что-то заподозрила, — предположил Алан. — Давайте взломаем дверь.

Но закрытая дверь оказалась слишком прочной для наших плеч. Мы обошли дом. Во дворе я споткнулся о гладкий, круглый предмет, который оказался пивной бутылкой.

— Осторожней, старина, — буркнул Алан.

Он, видимо, был весьма доволен собой. С юношеским задором он навалился на украшенную деревянной резьбой дверь. Когда мы поднажали вдвоем, она затрещала, и мы вошли внутрь. Из кухни мы попали в темный холл.

— У тебя есть оружие? — спросил я.

— Нет.

— Но пользоваться ты им умеешь?

— Естественно. Я предпочитаю автоматическое.

Алан явно пижонил. Я передал ему свой пистолет.

— Получайте.

Подойдя ко входной двери, я отодвинул засов и слегка приоткрыл ее.

— Если кто-нибудь появится, дай мне знать. Сам не высовывайся.

Алан с важностью занял позицию, словно встал на караул у Букингемского дворца. Я обошел спальню, столовую, кухню, ванную, зажигая и гася свет. Все комнаты выглядели так же, как и ранее, лишь в спальне что-то изменилось.

В среднем ящике не осталось ничего, кроме чулок и надорванного конверта, вскрытого и пустого. Скомканный, он валялся в углу ящика за чулками. Конверт был адресован миссис Эстабрук на адрес, где мы

сейчас находились. На обороте кто-то нацарапал карандашом слова и цифры:

Средний доход 1500. Средний расход (макс.) 550. Точно 500.

Средний остаток 1500.

Май — $150 \times 31 = 46500$. Меньше, чем на 6600 (выяснить).

$40000:2 = 20000$.

Это было похоже на прикидку доходов от преуспевающего бизнеса. Одно я знал твердо: в «Диком Пиано» такие деньги не заработаешь.

Я снова перевернул конверт. На нем был штампель Санта-Марии недельной давности. Пока я это переваривал, снаружи послышалось рычание двигателя.

Выключив свет, я вышел в холл. Луч света скользнул по фасаду дома, заглянув в открытую дверь, за которой стоял Алан.

— Арчер! — хрипло шепнул он.

Затем он совершил смелый и глупый поступок. Он шагнул на крыльцо в полосу яркого света и начал стрелять из пистолета.

— Стой!!! — крикнул я и замолк, потому что было поздно: пуля ударилась о металл и завизжала, отлетев рикошетом. Ответных выстрелов не последовало.

Я оттолкнул Алана и сбежал вниз по ступенькам. Грузовик с крытым верхом быстро набирал скорость. Я помчался через лужайку и догнал его прежде, чем он выехал на шоссе. Правое окошко кабины было открыто. Я просунул в него руку и вскочил на подножку. Ко мне повернулось худое, мертвенно-бледное лицо, на котором вспыхнули испуганные глаза. Грузовик внезапно остановился, будто налетел на каменную стену. Потеряв равновесие, я упал на шоссе. Грузовик дал задний ход, затем с громким скрежетом переключилась скорость, и машина рванула в мою сторону. Яркий свет фар на мгновение ошеломил меня. Я рванулся в сторону, перекатившись к обочине. Грузовик тяжело переехал по тому месту, где я только что лежал, и помчался, набирая скорость. Номерной знак, если даже таковой имелся, освещен не был. Задняя дверь была закрыта.

Когда я подбежал к своей машине, Алан уже завел мотор. Я вытолкнул его с водительского места и помчался вслед за грузовиком. Он уже скрылся из вида, и когда мы выехали на Сансет, то не знали, в какую сторону он поехал.

Я повернулся к Алану, который с несчастным видом сидел с пистолетом в руке.

— Я же тебя предупреждал, что надо только позвать меня, а не стрелять. Неужели это было так трудно запомнить?

— Я боялся, что машина уедет. Я целился в голову водителя.

— Он пытался меня задавить. Ему не удалось бы удрать, если бы кое-кто не поспешил со стрельбой.

— Мне очень жаль, — сокрушенно ответил Алан. — Я считал себя более метким стрелком.

Он протянул мне пистолет рукояткой вперед.

— Ладно, оставим это, — проронил я, поворачивая налево, к городу.

— Ты хорошо разглядел грузовик?

— Вроде бы армейский, предназначенный для перевозки людей. По-моему, черного цвета, да?

— Синего. А как выглядел водитель?

— Я не разглядел его как следует. На нем была фуражка с козырьком — это все, что мне удалось разглядеть.

— Ты не обратил внимания на передний номер?

— Мне кажется, что его не было.

— Это еще хуже. Весьма вероятно, что в этом грузовике мог находиться Сэмпсон или когда-то находился в нем.

— В самом деле? По-видимому, нам следует обратиться в полицию?

— Думаю, следует. Но прежде нам нужно поговорить с миссис Сэмпсон. Вы звонили ей?

— Я не смог ей дозвониться. Она уже приняла снотворное. Ведь она не может спать без него.

— Тогда я должен увидеть ее утром.

— Вы полетите с нами?

— Нет, я поеду на машине, но сначала мне хотелось бы сделать здесь одно дело.

— Какое именно?

— Небольшое частное дело, — твердо ответил я. — Возможно, когда-нибудь я расскажу вам о нем.

— А... — обиженно протянул Алан и замолчал.

Мне не хотелось с ним разговаривать. Уже светало. Темные облака постепенно светлели. Ночное движение замерло, но уже стали появляться служебные грузовики. Я высматривал среди них армейский грузовик с крытым верхом, но такого среди них не было.

Высадив Алана у «Валерио», я отправился домой. На пороге меня поджидал литр молока. Я взял его и отнес на кухню. Часы на стене показывали двадцать минут четвертого. Я нашел в морозильнике коробочку мороженых устриц и сварил их. Моя жена не любила устриц. Теперь же я мог сидеть у себя на кухне и в любое время дня и ночи есть их в свое удовольствие.

Наконец, я разделся и нырнул в постель, стараясь не глядеть в сторону пустой двухспальной кровати в другой комнате. Кстати, это тоже неплохо, что не надо никому объяснять, где ты провел ночь.

Глава 12

Только в десять утра я отправился в город. Питер Колтон сидел у себя в кабинете за полированным столом. Он был полковником во время моей службы в разведке. Когда я вошел, он поднял глаза от папки с полицейскими рапортами и тут же опустил их в знак того, что он мне не рад. Теперь он был старшим следователем окружной прокуратуры — крупный мужчина средних лет с аккуратно подстриженными светлыми волосами и фиолетовым носом, похожим на нос быстроходного катера. Его кабинет напоминал прокурорский куб с единственным окном в стальной раме. Я почувствовал себя неудобно в кресле с жестким каркасом, стоявшем возле стенки.

После непродолжительной паузы он повернул свой нос в мою сторону.

— Что случилось с той частью твоего тела, которую, за неимением лучшего определения, я буду называть твоим лицом?

— Я ударился о дверь.

— И ты хочешь, чтобы я арестовал эту хулиганскую дверь?

Его рот искривился в улыбке, и он прибавил:

— Ты должен учиться сам выигрывать свои сражения, малыш, если в них, конечно, нет ничего по моей части.

— Есть жареный каштан и три пластинки жевательной резинки, — обиженно пробормотал я.

— Ты намереваешься подкупить представителя власти, вернее закона, всего тремя пластинками жвачки? Ты понимаешь, что сейчас атомный век, малыш? В трех пластинках скрыто достаточно энергии, чтобы разорвать нас всех на клочки.

— Оставим эту философию. У меня есть сведения о «Диком Пиано».

— Ты полагаешь, что мне больше нечем заниматься, как бегать по кабакам? Или мне уже пора переменить свой кабинет на жалкую комнатенку частного детектива? Хорошо, валяй. Ты опять хочешь получить что-нибудь задарма?

— Кое-что я тебе подкину. Это может оказаться самым крупным делом в твоей карьере.

— И, конечно, ты хотел бы что-то взамен.

— Так, пустячок, — признался я.

— Ладно, давай послушаем твою историю в двадцать пять слов.

— Твое время уже перестало быть ценным?

— Уже шесть, — заявил он, подпирая нос большим пальцем.

— Два дня назад муж моей клиентки выехал из аэропорта Бербенк в черном лимузине в неизвестном направлении. С тех пор его никто не видел.

— Двадцать восемь.

— Заткнись! Вчера она получила письмо, написанное его рукой, с просьбой приготовить сто тысяч наличными.

— Ни у кого нет такой суммы наличными.

— У них есть. Тебе это о чем-то говорит?

Питер достал из верхнего левого ящика стола листы, отпечатанные на стеклографе, и быстро просмотрел их.

— Похищение? — рассеянно спросил он.

— Похоже на то, если только не подвел мой нюх. А что есть в сводках об угонах машин?

— За последние семьдесят два часа не было украдено ни одной машины. Два дня назад говоришь? В какое время?

Я сообщил ему подробности.

— Твоя клиентка ничего не напутала?

— Она очень рассудительна.

— Но, может быть, не по отношению к мужу. Скажи мне ее имя.

— Потерпи минутку. Прежде я хочу оговорить две вещи. Первое — это не для прессы. Кроме того, я хочу, чтобы ее муж вернулся живой, а не в свинцовом гробу.

— Это слишком важно, чтобы скрывать, Лью.

Колтон встал и принялся расхаживать по кабинету.

— Ты будешь действовать по официальным каналам, а я этого не могу. Но тем временем ты мог бы кое-что уже сделать.

— Для тебя?

— Для себя. Начинай с проверки агентов по прокату автомашин. Затем «Дикое Пиано»...

— Достаточно. Я подожду официального заявления, если такое будет.

— Разве я когда-нибудь подсовывал тебе фальшивую карту?

— Множество, но не стоит об этом. Может быть, ты немного преувеличиваешь.

— Зачем бы я стал это делать?

— Это дешевый и легкий способ получить то, что тебе нужно.

Его глаза превратились в узкие щелки.

— В округе чертова уйма прокатных контор.

— Я сделал бы это сам, но мне необходимо уехать из города. Эти люди живут в Санта-Терезе.

— Кто они?

— Могу я на тебя положиться?

— Отчасти. Настолько, насколько это возможно.

— Сэмпсон... Исчез Ральф Сэмпсон.

— Я слышал о нем и помню, что ты говорил мне о каких-то деньгах.

— Вся беда в том, что у меня нет уверенности, что именно с ним произошло. Нам остается лишь ждать.

Он подошел к окну и, повернувшись вполоборота, спросил:

— Ты что-то говорил о «Диком Пиано»?

— Это было до того, как ты сказал, что я действую дешевым и слишком доступным способом.

— Не уверяй меня, что я задел твои самые нежные чувства.

— Ты просто разочаровал меня. Я принес тебе выгодное дело, а ты проморгал его.

— Я работаю не на себя, Лью, — он резко повернулся ко мне. — Дуайт Трой был там?

— Кто он такой?

— Маленький ядовитый тип. Заправила в «Диком Пиано».

— Я думал, что есть закон против подобных заведений и таких людей. Извини меня за невежество.

— Ладно. Ты видел его?

— Если это седой англичанин, то да.

Колтон утвердительно кивнул.

— У меня было свидание с ним. Он держал меня на мушке, а я ждал. Обезоруживать его не входило в мои планы.

Колтон недовольно пожал плечами.

— Мы пытаемся к нему подобраться уже четыре года. Это очень шустрый, скользкий тип. Он так увлекся рэкетом, что чуть не попался,

и теперь занялся еще чем-то. Он здорово заработал в тридцатые годы на контрабанде спиртным в Калифорнии. С тех пор у него были подъемы и падения. Одно время он владел игорным притоном в Неваде, пока синдикат не выкинул его. После этого он стал меньше наживаться, как я слышал. Теперь мы ждем, когда он влипнет.

— Пока вы ждете, могли бы закрыть «Дикое Пиано», — заметил я с грустной иронией.

— Мы прикрываем его каждые полгода, — недовольно пояснил Колтон. — Перед последней облавой оно называлось «Фальшивым бриллиантом». У них наверху находилось помещение для мазохистов, систематические истязания женщин и так далее. Мы положили этому конец.

— Кто там заправлял тогда?

— Некая Эстабрук. И чем это кончилось? Против нее даже не возбудили дела, — Колтон фыркнул. — Я никак не мог повлиять.

— Ты знаешь, где живет Трой?

— Нет, я хотел спросить это у тебя.

— Я почти ничего о нем не знаю. Однако он и Сэмпсон были в одной компании. Неплохо было бы установить наблюдение в «Диком Пиано».

— Если мы найдем кого-нибудь, — он неожиданно подошел ко мне и положил руку на плечо. — Если ты еще раз встретишься с Троем, не пытайся отобрать у него пушку. Многие уже пытались, и где они сейчас?

— Но не я.

— Да, не ты. Те, кто пытались, уже мертвы.

Глава 13

Два часа я мчался от Лос-Анджелеса до Санта-Терезы со скоростью девяносто миль в час.

Когда я подъезжал к дому Сэмпсонов, солнце, миновав зенит, спускалось к морю.

Феликс проводил меня в гостиную, которая была такой огромной, что массивная мебель в ней терялась. Стена, обращенная к морю была вся стеклянная. Миссис Сэмпсон, напоминавшая большую куклу, сидела в мягком кресле возле гигантского окна. На ней было шелковое платье лимонного цвета. Ее бронзовые загорелые ноги покоились на низкой подставке. Ни один волосок не выбивался из ее прически. Кресло-каталка находилось возле двери.

Неподвижная и молчаливая, она являла собой живописную картину, которая вскоре стала казаться мне смешной. Молчание длилось с минуту.

— Очень мило, — не выдержал я. — Вы хотели видеть меня?

— Могли бы прийти и раньше, — раздраженно заметила она.

— Я не виноват. Мне пришлось изрядно потрудиться по вашему делу: я просил передать вам свои оценки. Вы одобряете?

— Отчасти. Подойдите поближе, мистер Арчер, и присаживайтесь. Не бойтесь меня.

Она указала на кресло возле себя. Я подошел и сел.

— Берт Грэйвс собирает деньги.

— Он был в полиции?

— Еще нет. Я хотела посоветоваться с вами, но сначала почитайте письмо.

Она взяла со стоящего рядом столика конверт и протянула его мне. Я вынул из кармана пустой конверт, найденный в ящике Фэй Эстабрук, и сравнил их. Совпадали лишь штемпели — Санта-Мария. Письмо Сэмпсона было адресовано жене и зарегистрировано на почте в половине пятого.

— Когда вы его получили?

— Примерно в девять часов. Как вы видите, это срочное письмо. Читайте же!

Письмо было написано синими каракулями на листе гладкой белой бумаги:

«Дорогая Элен! Мне случайно подвернулось одно дельце, поэтому срочно нужны деньги. Некоторая сумма находится в банке. Элберт Грэйвс может получить их и достать остальные. Мне нужно сто тысяч, желательно банкнотами не крупнее пятидесяти долларов. Не разрешайте банку помечать их или записывать номера, так как это сугубо конфиденциальное и очень важное дело. Положи деньги в мой сейф, пока я снова не свяжусь с тобой или не пришлю кого-нибудь с письмом. Дело очень важное, и ты, кроме Грэйвса, никому о нем не говори. В противном случае, я много на нем потеряю, быть может, даже окажусь по ту сторону закона. Держи все в полном секрете. Я закончу дело в течение недели, и мы скоро увидимся.

Не грусти, моя дорогая. Ральф»

— Тщательно сработано, но не убедительно, — произнес я. — Причина, которая мешает ему обратиться в банк, явно придумана. А что думает об этом Грэйвс?

— Он тоже это заметил. Берт полагает, что это обман. Я тоже так считаю.

— Вы абсолютно уверены, что это почерк вашего мужа?

— В этом нет сомнений. Вы заметили, как аккуратно, но неправильно написано слово «очень»? Это его любимое слово, и он его всегда неправильно пишет и даже неправильно произносит. Ральф не очень-то образованный человек.

— Вопрос в том, жив ли он еще?

Она недовольно посмотрела на меня своими спокойными голубыми глазами.

— Вы действительно считаете, что все это так серьезно, мистер Арчер?

— Обычно ведь он устраивает свои дела иначе, не так ли?

— Понятия не имею. Практически он отошел от дел сразу же, как только мы поженились. Во время войны он купил и продал несколько ранчо, но не посвящал меня в подробности.

— Была ли у него еще какая-нибудь нелегальная сделка?

— Я просто не знаю. Вообще-то, он способен на все. Это одна из причин, которая связывает мне руки.

— А каковы другие причины?

— Я не доверяю ему, — тихо прошептала она. — У меня нет возможности разузнать, что он собирается делать. С такими деньгами он может отправиться в кругосветное путешествие. А, может, он собирается оставить меня. Не знаю.

— Я тоже точно не знаю. Однако следует предположить, что ваш муж оказался жертвой бандитов. Он написал это письмо под диктовку, с пистолетом у виска. Если бы это было связано с бизнесом, он не стал бы писать вам, а сразу же обратился к Грэйвсу. У того имеются все юридические права. Но похитители предпочитают иметь дело с женами жертв. Это облегчает им задачу.

— Что же мне теперь делать? — спросила она дрожащим голосом.

— Следовать инструкции, содержащейся в письме. Но мы должны ознакомить с ним полицию. Не для того, чтобы это получило огласку, просто полицию необходимо поставить в известность. Видите ли, миссис Сэмпсон, обычно похитители избавляются от жертвы после того, как получают деньги. Убивают и прячут. Его нужно найти до того, как это случится, и мне одному с этим не справиться.

— Вы, кажется, уверены, что его похитили? Вы что-нибудь уже узнали?

— Кое-что. Есть данные, что ваш муж был связан с дурной компанией.

— Это мне известно.

Ее лицо на мгновение вышло из-под контроля и выразило торжество.

— Он обожал прикидываться примерным семьянином и хорошим отцом, но меня трудно провести.

— С очень плохой компанией, — мрачно повторил я. — С самой плохой во всем Лос-Анджелесе. Хуже быть не может.

— Его всегда тянуло к дурным людям.

Она вдруг смолкла и подняла глаза на дверь позади меня. Там стояла Миранда в сером габардиновом костюме, подчеркивающим ее высокий рост. С медными волосами, уложенными на затылке, она

казалась старшей сестрой вчерашней Миранды. Ее глаза горели гневом, а слова лились безудержным потоком.

— Как ты смеешь так говорить о моем отце! Он, может быть, убит, а ты стараешься очернить его!

— Разве это все, о чем я забочусь, дорогая?

Смуглое лицо опять стало непроницаемым. Подвижными были лишь тусклые глаза и аккуратно очерченные губы.

— Не смей называть меня так!

Миранда решительно приблизилась ко мне. Даже в гневе ее тело обладало кошачьей грацией. Она показывала свои когти.

— Все, о чем ты действительно заботишься, так это о себе. Если я когда-нибудь в жизни и видела самовлюбленного человека, так это только тебя, Элен, с твоим тщеславием, твоим мнимым превосходством, твоими завитками, парикмахером. Ты все делаешь только для своего удовольствия, только для себя! Можешь любить себя сколько угодно, но не жди от кого-нибудь ответной любви!

— Уж, конечно, не от тебя, — холодно процедила миссис Сэмпсон. — Эта мысль вызывает у меня отвращение. Но о ком заботишься ты, моя дорогая? Вероятно, в данный момент об Алане Тэггерте? Предполагаю, что прошлую ночь ты провела с ним, Миранда.

— Я этого не делала! Ты лжешь!

Девушка встала перед мачехой, спиной ко мне. Я был смущен, но оставался на месте. Мне не раз доводилось видеть и слышать словесные кошачьи схватки, заканчивающиеся рукоприкладством.

— Так Алан опять тебя надул? Когда он собирается на тебе жениться?

— Никогда! Я не намерена выходить за него замуж.

Голос девушки сорвался. Она была слишком юной и ранимой, и слишком уязвимой для таких сцен.

— Тебе легко смеяться надо мной. Ты никогда ни о ком не заботилась. Ты холодна, как рыба, вот что. Мой отец не уехал бы бог знает куда, если бы ты хоть немножко любила его. Ты заставила его переехать сюда и бросить всех друзей, а теперь ты выжила его из дома.

— Чепуха! — миссис Сэмпсон тоже показала свой нрав. — Я хочу, чтобы ты обдумала это, Миранда. Ты ненавидишь меня с самого

начала и все делаешь мне назло, независимо от того, права я или нет. Твой брат относился ко мне гораздо лучше.

— Оставь Боба в покое! Я знаю, что ты держала его в руках, но это не делает тебе чести. Этим ты тешила свое тщеславие, не правда ли? Заставила пасынка плясать под свою дудку.

— Достаточно, — прохрипела Элен. — Убирайся вон, мерзкая девчонка!

Миранда не сдвинулась с места, но замолчала. Я отвернулся и стал смотреть в окно. Мое внимание неожиданно привлекло какое-то движение за белой пеной прибоя. Небольшой черный диск шлепнулся на поверхность воды, перескочил с одной волны на другую и исчез из поля зрения. Секундой позже появился другой. Источник скачущих дисков находился на берегу и был скрыт от моего взора крутым обрывом. Шесть или семь дисков поскакали по воде и исчезли. Затем все прекратилось. Я нехотя повернулся к объятый молчанием комнате.

Миранда все еще стояла перед креслом мачехи, но поза ее изменилась, тело обмякло, одну руку она почти миролюбиво протянула мачехе.

— Я прошу прощения, Элен.

Я не видела лица Миранды, но физиономия миссис Сэмпсон оставалась непроницаемой.

— Ты обидела меня. Я не прощаю тебя.

— Ты тоже сделала мне больно, — всхлипнув, возразила девушка. — Ты не должна была говорить так про Алана.

— А ты не вешайся на него. Нет, я на самом деле не это имела в виду, и ты это знаешь, но я думаю, что тебе следует выйти за него замуж. Ты ведь этого хочешь, не так ли?

— Хочу. Но ты ведь знаешь, и причем отлично знаешь, как отнесется к этому отец. Не говори ему про Алана.

— Ты заботишься об Алане, — почти развеселилась миссис Сэмпсон, — а я забочусь о твоём отце.

— В самом деле?

— Даю слово. А теперь, пожалуйста, уйди, Миранда. Я ужасно устала.

Затем она взглянула на меня.

— Все это может быть очень интересно для мистера Арчера.

— Прошу прощения, я любовался видом из окна.

— Останься, если хочешь, дорогая. Я собираюсь к себе.

Она позвонила в серебряный колокольчик, стоявший возле нее на столике. Его звон прозвучал, словно удар грома. Миранда довершила картину. Она уселась в дальнем углу комнаты и отвернулась.

— Извините нас за эту сцену, — произнесла миссис Сэмпсон. — И, пожалуйста, не осуждайте нас за это. Я решила поступить, как вы сказали.

— Надо ли мне звонить в полицию?

— Это сделает Берт. Он знает всех в городе. Сейчас сюда он прибудет.

Миссис Кромберг вошла в комнату и покатила по ковру каталку. Без особых усилий она подняла на руки миссис Сэмпсон и пересадила ее туда. Затем, молча, покинула комнату. Вскоре где-то в глубине дома заворчал электромотор.

Глава 14

Я уселся возле Миранды в углу комнаты. Она смущенно взглянула на меня.

— Вы, наверное, думаете, что мы ужасные люди, так как ссоримся при посторонних.

— У вас, вероятно, для этого были основания.

— Не уверена. Элен временами бывает очень доброй, но она всегда меня ненавидела. Ее любимцем был Боб. Это мой брат.

— Он погиб на войне?

— Да. Он был всем, а я ничем. Сильный, выдержанный, и все у него получалось, за что ни брался. Ему посмертно воздали воинские почести. Элен благотворила землю, по которой он ступал. Я бы не удивилась, если бы он стал ее любовником. Но мы все, конечно, любили его. Наша семья была совершенно другой до того, как мы переехали сюда, то есть до его гибели. Отец расклеился, у Элен появился этот мнимый паралич, а у меня ум за разум зашел. Я не слишком разболталась?

Поворот ее головки очаровал меня своим изяществом. Ее нежные губки дрожали, глаза светились.

— Вовсе нет.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Я никому об этом не рассказывала, понимаете? Я думала, что буду счастлива, имея деньги отца. Я была высокомерной молодой сучкой и, может быть, осталась ею. Мы не дружим со здешними людьми, у нас нет тут друзей, но я не должна была упрекать Элен, хотя именно она настояла на нашем переезде сюда. Моей ошибкой было то, что я забросила учебу.

— В Рэдклифе. Училась я неплохо, у меня были друзья в Бостоне. В прошлом году старики уговорили меня не слушаться друзей и не возвращаться в колледж. Потом я об этом пожалела, но была слишком высокомерной и гордой, чтобы исправить свою ошибку. Я надеялась, что смогу жить с отцом, да и он старался хорошо ко мне относиться, но из этого ничего не вышло. Он не мог оставаться наедине с Элен. В доме постоянно чувствовалась напряженность. А теперь с ним что-то случилось.

— Мы найдем его, — успокоил я ее. — Но у вас есть и другие друзья, Алан и Берт, например.

— Алану нет до меня дела. Одно время я думала... нет, не хочу говорить о нем. И Берт Грэйвс мне не друг. Он хочет на мне жениться, но это совсем иное дело. Нельзя свободно чувствовать себя с человеком, который хочет на тебе жениться.

— По всему видно, что он любит вас.

— Я знаю, что любит.

Миранда вздернула круглый гордый подбородок.

— Именно поэтому я не могу свободно чувствовать себя с ним. Поэтому он и надоел мне.

— Вы страшно требовательны, Миранда.

— Ну и наболтала же я здесь.

— В жизни никогда не получается все так, как хочется, сколько ни прилагай усилия. Вы романтик и эгоистка. Когда-нибудь вы шлепнитесь на землю так, что можете сломать себе шею. Но я надеюсь, что вы изменитесь.

— Я уже сказала вам, что была высокомерной сучкой, — произнесла она более легко и весело. — Будут дополнения к диагнозу?

— Не будьте самонадеянны со мной. Вы однажды уже пытались.

Она широко раскрыла глаза в притворной застенчивости.

— Это вы про вчерашний поцелуй?

— Не стану вас уверять, что мне это не понравилось. Понравилось, но я разозлился. Я не привык, чтобы меня использовали в своих целях.

— И какие же это преступные цели?

— Не преступные. Просто уловки студентки-второкурсницы. Могли бы придумать способ получше, чтобы завлечь Тэггерта.

— Оставим его в покое, — отрезала она, но затем смягчилась. — Это очень рассердило вас?

— Страшно! Примерно вот так!

Я обнял ее за плечи и поцеловал в губы. Ее рот был приоткрыт, тело было холодное и твердое. Она не сопротивлялась, но и не ответила.

Я заглянул в ее дикие зеленые глаза. Они были искренни и прямодушны, но вместе с тем какие-то мрачно-глубокие. Я поразился тому, что скрывалось в этой глубине.

— Я вознагражден.

Она рассмеялась.

— По крайней мере, ваши губы. На них помада.

Я вытер рот носовым платком.

— Сколько вам лет?

— Двадцать. Достаточно для ваших преступных целей. Вы считаете, что я веду себя, как ребенок?

— Вы — женщина.

Я медленно обвел взглядом ее тело, округлые груди, бедра, мягкие волосы и прямые стройные ноги, пока она не стала проявлять неудовольствие.

— А это налагает определенные обязательства, — добавил я.

— Знаю, — осуждающе согласилась она. — Знаю, но не могу взять себя в руки. Вы многое повидали в своей жизни, не правда ли?

Это был вопрос девочки, но я ответил вполне серьезно.

— Очень многое. Я посвятил себя познанию человеческой жизни, поступков, людей.

— А я мало что видела. Мне жаль, что я так рассердила вас.

Она неожиданно потянулась ко мне и поцеловала меня в щеку. Я почувствовал разочарование. Таким поцелуем обычно награждают дядюшку. Ладно, я старше ее на пятнадцать лет, но Берт Грэйвс на целых двадцать. Разочарование не проходило. Внезапно послышался шум приближающейся машины, потом шаги в доме.

— Это, наверное, Берт, — прошептала Миранда.

Когда он вошел, мы находились достаточно далеко друг от друга, но он посмотрел на меня обиженно и вопросительно, а затем сразу же овладел собой. Но и после этого у него между бровями сохранились три морщинки, выражавшие неосознанную тревогу. У него был вид невыспавшегося человека, однако двигался он быстро, решительно и необычно мягко для грузного мужчины.

— Хэлло! — кивнул он Миранде и сразу же обратился ко мне: — Ты что-то сказал, Лью?

— Ты достал деньги?

Он поднял туго набитый портфель из темной кожи, открыл его ключом и вывалил содержимое на кофейный столик — множество прямоугольных пачек, обернутых в бумагу.

— Сто тысяч! — объявил он. — Тысяча пятидесятидолларовых банкнот и пять сотен сотенных. Один бог знает, что мы будем с ними делать.

— Пока положим в сейф. Здесь в доме есть сейф?

— Да, — ответила Миранда, — в кабинете отца.

— Кроме того, необходимо организовать их охрану в этом доме.

Берт резко повернулся ко мне.

— А ты?

— Я не собираюсь оставаться тут. Вызови одного из помощников шерифа. Для этой цели они и существуют.

— Миссис Сэмпсон не позволит пригласить мне их.

— Позволит. Она хочет, чтобы дело передали в полицию.

— Боже, она сошла с ума! Я не могу всерьез принять всю эту чепуху, но позвоню туда.

— Сходи туда сам, Берт.

— Почему?

— Потому что есть основания утверждать, что это дело рук кого-то из домашних. Кое-кто в доме может заинтересоваться твоим разговором.

— Понял. Из письма следует, что они знакомы с положением дел. «Они» могли узнать это от Сэмпсона, но, может быть, и от кого-то другого. Вывод: «они» существуют, а Сэмпсон похищен.

— Я понял. А где будешь ты, Лью?

— На конверте стоит штемпель Санта-Марии, — я не стал сообщать ему про другой конверт, лежащий у меня в кармане. — Есть шанс, что Сэмпсон занимается там бизнесом, законным или незаконным. И я поеду туда.

— Я никогда не слышал, чтобы у него были там какие-то дела. Но, пожалуй, туда стоит наведаться.

— Ты не пытался связаться с ранчо? — спросила Берта Миранда.

— Сегодня утром я звонил управляющему. Они ничего не слышали о нем.

— Что это за ранчо?

— У отца есть ранчо под Бейкерсфилдом. Там разводят овощи. Вряд ли он сейчас там, учитывая тамошние беспорядки.

— Сейчас там бастуют сельскохозяйственные рабочие, — пояснил Берт. — Они бастуют уже несколько месяцев. Скверная история. В

общем, ситуация там не из приятных.

— Это может иметь отношение к нашему делу?

— Сомневаюсь.

— Знаете, он может находиться в «Храме», — предположила Миранда. — Когда он бывал там раньше, его письма шли через Санта-Марию.

— В «Храме»?

Мне приходилось и раньше ловить себя на том, что я из реального мира переносюсь в сказку. Такова особенность работы в Калифорнии, и она раздражала меня.

— «Храм в облаках» — это место, которое он подарил Клоду. Отца можно было застать там ранней весной. В это время он проводил там несколько дней. Это в горах возле Санта-Марии.

— А кто такой Клод? — поинтересовался я.

— Я уже говорил тебе о нем, — ответил Берт. — Святой человек, которому он подарил гору. Клод переделал охотничий домик в некое подобие храма.

— Клод — обманщик, — заявила Миранда. — У него длинные волосы, и он никогда не стрижет бороду.

— Вы там были? — обратился я к девушке.

— Я отвозила туда отца, но как только Клод открывал свой рот, я уходила. Я не переносу его. Это старый, грязный, вонючий козел с завывающим голосом и самыми противными глазами, какие я только видела в жизни.

— Как насчет того, чтобы свозить меня туда? — спросил я.

— Хорошо. Только надену свитер.

Берт невольно зашевелил губами, точно хотел возразить. Но он лишь взглянул вслед выходящей из комнаты девушке.

— Я доставляю ее домой в целости и сохранности, — произнес я, но мне следовало бы придержать язык.

Берт двинулся на меня, пригнув, как бык, голову: он был еще крепкий и сильный мужчина. Его слегка сжатые кулаки застыли на боках в напряжении.

— Послушай, Арчер, — спокойно заговорил он, — вытри со щеки помаду, иначе я сотру ее сам.

Я постарался скрыть смущение улыбкой.

— Я справлюсь с тобой, Берт. У меня огромный опыт по усмирению ревнивцев.

— Может быть. Но постарайся держаться от нее подальше, иначе я тебя искалечу.

Я вытер левую щеку, на которой Миранда оставила свою отметку.

— Не надо думать о ней плохо.

— Уж не миссис ли Сэмпсон развлекалась с тобой игрой в поцелуи? — выдавил он горький смешок. — Не ври!

— Нет, это была Миранда, и это не было игрой. Она была подавлена, мы с ней разговаривали, и она поцеловала меня просто из благодарности.

— Хотелось бы этому верить, — грустно промолвил он. — Ты же знаешь о моих чувствах к ней.

— Она говорила мне.

— Что именно?

— Что ты влюблен в нее.

— По крайней мере, я счастлив, что она знает. Надеюсь, что когда-нибудь она меня тоже поцелует. Например, когда будет подавленной, и я успокою ее. — Берт печально улыбнулся. — Как тебе это удастся, Лью?

— Не приставай ко мне со своими сердечными проблемами, Берт, и я тебе кое-что скажу.

— Валяй!

— Спокойнее, только спокойнее. Сейчас у нас на руках большое дело, и мы должны работать сообща. Я не лезу в твои любовные дела и не буду лезть, говорю тебе честно. Думаю, что Тэггерт поступит так же. Он не заинтересован.

— Спасибо, — проговорил он хриплым голосом и сокрушенно добавил: — Она намного моложе меня, а Тэггерт молод и красив.

В холле послышались шаги. В комнате появился Алан.

— Кто тут вспоминает меня?

На нем были только мокрые плавки. Он был широкоплечий, с узкими бедрами и длинноногий. Его мокрые волосы спадали на крепкую шею, с губ не сходила легкая улыбка. Берт Грэйвс окинул его неприязненным взглядом и медленно проговорил:

— Я только что говорил Арчеру, как вы красивы.

Улыбка Алана немного увяла.

— Похоже на сомнительный комплимент, но зачем вам это? Хэлло, Арчер, есть что-нибудь новенькое?

— Пока нет. Просто я сказал Грэйвсу, что Миранда тебя совсем не интересуется.

— Вы правы, — весело подтвердил он. — Она красивая девчонка, но не для меня. Извините, я пойду оденусь.

— Счастливо, — сказал Берт.

— Погоди минутку, — остановил я его. — У тебя есть оружие?

— Пара стволов тридцать второго калибра.

— Возьми один и держи при себе, ладно? Покрутись вокруг дома, да гляди в оба. Но не старайся казаться удачливым стрелком.

— Я учту урок, — улыбнулся Алан. — Вы ожидаете какого-нибудь нашествия?

— Нет, но если что-нибудь случится, ты должен быть наготове. Тебе все ясно?

— Конечно.

— Он неплохой парень, — заметил Грэйвс, когда Алан ушел, — но я не могу его видеть. Любопытно: раньше я никогда не был ревнивым.

— А ты вообще когда-нибудь влюблялся?

— Нет, до сих пор никогда.

Он опустил плечи, словно под бременем неизбежности и безнадежности. Он полюбил первый раз в жизни и навсегда. Мне стало жаль его.

— Скажи мне, отчего Миранда была подавлена? — спросил он. — Из-за отца?

— Отчасти, да. И она чувствует, что семья разваливается. Ей необходима опора.

— Понимаю. Это одна из причин, почему я хочу на ней жениться. Есть, конечно, и другие. Я говорил тебе о них.

— Нет, — коротко ответил я и рискнул задать вопрос: — Одна из них — деньги?

— У Миранды нет своих средств.

— Но ведь они у нее будут?

— Будут, конечно, когда умрет отец. Я составлял завещание: она получит половину. Я не откажусь от денег, — усмехнулся Берт, — но я не охотник за приданым, если ты это имеешь в виду.

— Нет, не это. Но она может получить деньги раньше, чем ты думаешь. Старик вращался в Лос-Анджелесе в компании мошенников. Он когда-нибудь упоминал имя некоей Эстабрук? Фэй Эстабрук? Не говорил ли он о мужчине по имени Трой?

— Ты знаешь Троя? Кстати, что он за человек?

— Бандит. Мне сообщили, что за ним есть убийства.

— Я не удивляюсь. Я пытался убедить Сэмпсона держаться от него подальше, но старику Трой нравится.

— Ты встречал Троя?

— Сэмпсон познакомил нас в Лас-Вегасе несколько месяцев назад. Мы развлекались там втроем. Я обратил внимание, что у него обширные знакомства. Его знают все крупье, а это уже характеризует человека.

— Не совсем. Но у него было собственное игорное заведение в Лас-Вегасе. Круг его занятий был весьма разнообразен, и я не удивлюсь, что он занялся мошенничеством. Как он связался с Сэмпсоном?

— У меня создалось впечатление, что он работал на Сэмпсона, но наверняка сказать не могу. Это подозрительный тип. Наблюдал, как мы с Сэмпсоном играли, но сам участия в игре не принимал. В ту ночь я просадил почти тысячу. Сэмпсон выиграл четыре тысячи.

Берт уныло улыбнулся.

— Может быть, раньше Трой выглядел приличнее, — заметил я.

— Вполне возможно, но при встрече я пришел в ужас от его вида. Ты думаешь, он замешан в этом?

— Постараюсь выяснить. Сэмпсон нуждался в деньгах, Берт?

— Что ты! Он — миллионер!

— Тогда какие у него могут быть дела с таким типом, как Трой?

— Ему было скучно. Его слава прошла в Техасе и Оклахоме, и он заскучал. Сэмпсон прирожденный бизнесмен так же, как и прирожденный мот. Он страдает, когда делает деньги.

Вошла Миранда и Берт замолчал.

— Вы говорили обо мне? — спросила она тут же, не ожидая ответа, обратилась ко мне: — Вы готовы? — Затем она переключилась на Берта. — Не грустите без меня, пожалуйста.

Она похлопала его по плечу. Ее светло-коричневое платье было расстегнуто сверху и небольшие высокие груди выглядели, как

оружие: наполовину нетерпеливо обещали, наполовину угрожали. Волосы она убрала за уши. Когда Миранда наклонилась к Берту свое сияющее лицо, он поцеловал ее легко и нежно.

Я вновь ощутил жалость к нему. Живой, сильный, интеллигентный мужчина рядом с ней выглядел обиженным мальчиком, немного уставшим и староватым для того, чтобы приручить такую девушку, как Миранда.

Глава 15

Края дороги, которая вилась вверх по склону, были засажены вечнозеленым кустарником. Выжимая газ до предела, я держал скорость на восьмидесяти. Постепенно дорога сужалась, а повороты становились все круче. Мимо мелькали покрытые валунами склоны, каньоны, шириной в милю, заросшие дубовой порослью и перекрытые телефонными проводами. Один раз в просвете между горами я увидел море, казавшееся низким темным облаком. Но оно тотчас же скрылось из вида, а дорога запетляла среди пустынных гор, погруженных в седые холодные облака.

Снаружи эти облака казались тяжелыми и плотными, но когда мы въезжали в них, они словно таяли, превращаясь в белые волокна на фоне дороги.

Туман все сгущался, ограничивая видимость до десяти метров. Последние повороты я прошел на второй скорости. Затем дорога выпрямилась. Натужно ревевший мотор увеличил обороты, и мы увидели долину, которая в солнечном свете походила на чашу, наполненную желтым маслом. На другой стороне четко и ясно вырисовывалась гора.

— Как чудесно! — улыбнулась Миранда. — Как бы пасмурно не было в Санта-Терезе, в долине всегда светит солнце. В сезон дождей я частенько приезжаю сюда и наслаждаюсь солнцем и теплом.

— Я тоже люблю солнце.

— В самом деле? Не думала, что вам нравятся такие простые вещи, как солнце. Ведь вы деловой человек, не так ли?

— Если вам так хочется.

Она замолчала, глядя на дорогу и голубое небо, уплывающее назад. Дорога стала прямой и ровной, она проходила через долину, похожую на шахматную доску. Кроме мексиканцев на полях, я никого не видел и прибавил скорость. Стрелка спидометра стояла на ста пятидесяти.

— От кого вы удираете, Арчер? — насмешливо спросила Миранда.

— Ни от кого. Дать вам серьезный ответ?

— Это было бы приятным разнообразием.

— Мне нравится небольшая опасность. Риск, контролируемый мною. Я ощущаю силу, когда я держу жизнь в своих руках, и, черт возьми, я не собираюсь с ней расставаться.

— А если у вас лопнет шина?

— Со мной такого не случилось.

— Скажите, именно по этой причине вы выбрали для себя такую опасную работу? Потому что любите рисковать?

— Ваши слова не лишены логики, однако это не так.

— Тогда почему?

— Эту работу я получил в наследство.

— Ваш отец?

— Нет, от самого себя, только в молодости. Я думал, что мир делится на плохих и хороших людей, что некоторых людей можно привлечь к ответственности и наказать зло. Но это были только мечты, пустые мечты.

— Продолжайте.

— Я — грязный тип. Почему я должен портить вас?

— Я уже достаточно испорчена. К тому же я не поняла, что вы хотели этим сказать.

— Могу начать сначала. Когда еще до войны я поступил на работу в полицию, я считал, что некоторые люди уже рождаются порочными. Работа сыщика, думал я, состоит в том, чтобы разыскивать этих субъектов и сажать в тюрьму. Но порок не так прост. Он есть в каждом, а выходит он наружу или нет, зависит от целого ряда вещей. Все несчастье в том, что сыщик оценивает таких людей в соответствии с определенными схемами и выносит приговор.

— Вы оцениваете людей?

— Каждого, с кем встречаюсь. Обучение в школе полиции дает приличные знания в этом деле. Большая часть моей работы заключается в наблюдении за людьми и их оценкой.

— И вы в каждом находите порок?

— Почти в каждом. Либо я стал злее, либо люди стали хуже. От войны и инфляции всегда появляется множество проходимцев, и большинство из них обитает в Калифорнии.

— Вы не рассказали о своей семье.

— Это не обязательно.

— Кстати, вы должны были бы осудить Ральфа во время войны. Он всегда был немного подлецом, во всяком случае, сколько я его знаю.

— Вашу жизнь?

— Вашу мою жизнь.

— Я не знал, что вы к нему так относитесь.

— Я старалась его понять. Может быть, в молодости у него и были достоинства. Он ведь начинал с нуля. Его отец был фермером-арендатором, своей земли он не имел. Я могу понять, почему Ральф всю жизнь приобретает земельные участки. Но не подумайте, что он сочувствует бедным, поскольку сам вышел из бедняков. Например, рабочие на ранчо. Они получают ничтожную плату за труд и живут в ужасных условиях, но Ральфа это не волнует. Он старается уморить их голодом и таким образом покончить с забастовкой. Он не может понять, что мексиканские рабочие тоже люди.

— Это вполне обычная и удобная позиция, она помогает обирать людей, не считая их людьми. В молодости я часто задумывался над этим.

— А меня вы оценили? — спросила она после паузы.

— Не совсем. Я считаю, что у вас есть хорошие задатки, но они могут исчезнуть.

— Почему? Какой мой главный недостаток?

— Хвост на вашем воздушном замке. Не надо торопить время, надо уловить его ход и позволить ему работать на вас.

— Вы удивительный человек, — прошептала она. — Не думала, что вы способны рассуждать о таких вещах. А себя вы как оцениваете?

— Стараюсь этого не делать. Но прошлой ночью все же пришлось. Я напился.

— И каков приговор?

— Суд отложил вынесение приговора, но сделал виновному устное внушение.

— И поэтому вы так быстро мчитесь?

— Может быть, поэтому.

— Я думаю, у вас другая причина. Мне кажется, вы от чего-то удираете. Желание смерти.

— Не надо пустых слов. Вы сами-то быстро ездите?

— По этой дороге на «кадиллаке» я обычно еду на ста семидесяти.

Правила игры, в которую мы играли, еще не были ясны, но я решил отыгратья.

— А какая у вас причина, чтобы так гнать машину?

— Я делаю это от скуки. Я подбадриваю себя, стараясь встретиться с чем-то новым, какой-то интересной мишенью на дороге.

Я возмутился.

— Да, вы встретите что-то новое, если будете так ездить. Разбитый череп и полное забвение.

— К черту! — воскликнула она. — Вы утверждаете, что обожаете риск, но вы такой же тюфяк, как Берт Грэйвс.

— Прошу прощения, если напугал вас.

— Напугали? Меня?

Ее короткий смешок был тонок и резок, как крик морской птицы, согнанной с гнезда.

— У вас, мужчин, еще остались высокомерные представления. Видимо, вы считаете, что место женщины дома?

— Только не у меня дома.

Дорога вновь, петляя, поднималась вверх. Я повел машину со скоростью восемьдесят. Разговаривать было не о чем.

Глава 16

Когда высота заставила меня вспомнить о дыхании, мы выехали на прямую дорогу с новым покрытием, которая была перегорожена шлагбаумом. На почтовом ящике, прибитом к столбу, белыми буквами было написано: «КЛОД». Я поднял шлагбаум, и Миранда проехала под ним.

— Еще полтора километра, — сообщила она. — Вы считаете, что я должна съездить одна?

— Нет, я тоже хочу взглянуть на окрестности. Я никогда тут прежде не был.

Местность по обеим сторонам дороги выглядела так, точно здесь не ступала нога человека.

По мере того как мы поднимались по спирали все выше и выше, нашему взору открывалась долина, загроможденная валунами, и зеленый склон горы. Я заметил, как вдали среди деревьев остановился и почти сразу же исчез лось. Воздух был так чист и прозрачен, что можно было услышать звуки его движения, но ворчание мотора все заглушало.

Машина ползла по краю углубления в вершине горы, которое имело форму соусника. Внизу, в центре выемки, находился «Храм», доступный взорам лишь птиц и летчиков. Это было квадратное одноэтажное здание, выкрашенное в белый цвет, с внутренним двориком. За проволочной изгородью находилось несколько пристроек. Все это походило на тюрьму. Над одной из них струйка дыма поднималась к небу.

На крыше главного здания виднелась неподвижная фигура человека. Как оказалось, это был старик, сидевший по-турецки, с поджатыми под себя ногами. Очевидно, увидев нас, он поднялся с величественной неторопливостью — высокая фигура с коричневой кожей. С косматыми седыми волосами и бородой он был похож на изображение солнца на старинных картах. Он шел, приподнимая материю, обернутую вокруг его талии. Потом, подняв руки, словно призывая нас к терпению, он стал спускаться с крыши.

Окованная железом дверь со скрипом отворилась. Старик вышел из нее и направился к незапертым воротам. Тогда я впервые увидел его глаза — молочно-голубые, мягкие и равнодушные, как у животного. Несмотря на его широкие плечи, почерневшие от солнца, и большую бороду, развевающуюся вокруг шеи, в нем было что-то женское. Его глубокий вкрадчивый голос представлял собой нечто среднее между баритоном и контральто.

— Приветствую, приветствую, друзья мои. Любой путник, который постучится в мою уединенную обитель, будет желанным гостем. Гостеприимство — одна из высших добродетелей, ее надо ценить, как свое здоровье.

— Благодарим. Можно въехать?

— Пожалуйста, оставьте автомобиль за изгородью, мой друг. Даже внешний круг не должен быть осквернен предметами механической цивилизации.

— Я думал, вы с ним знакомы, — обратился я к Миранде, когда она вышла из машины.

— Я не предполагала, что он способен быть радушным и приветливым.

Мы подошли ближе, и его голубоватые глаза уставились на Миранду. Он наклонился, и его нечесаные волосы упали вперед, закрыв плечи.

— Хэлло, Клод! — решительно проговорила Миранда.

— О, мисс Сэмпсон! Я не ожидал увидеть вас.

Его губы были мясистые и красные. Я взглянул на его ноги, чтобы определить возраст. Обутые в плетеные сандалии, они были шишковатые и отекавшие — ноги шестидесятилетнего старика.

— Благодарю, — неприязненно произнесла девушка. — Я приехала повидать Ральфа, если он здесь.

— Но его тут нет, мисс Сэмпсон. Я здесь один. Своих учеников я на время удалил, — он неопределенно улыбнулся, не показывая зубов. — Я старый орел, живущий среди гор и солнца.

— Старый стервятник! — громко сказала Миранда. — Ральф появлялся здесь в последнее время?

— Он не был здесь уже несколько месяцев. Он обещал быть, но не приезжал. Ваш отец обладает духовным потенциалом, но он слишком

погряз в материальной жизни. Его трудно завлечь сюда наверх, в лазурный мир. Его душе слишком трудно открыться солнцу.

Он произнес это, как молитву, даже с характерной для нее напевностью.

— Вы не против, если я осмотрюсь здесь? — спросил я. — Чтобы удостовериться, что его тут нет.

— Я уже сказал вам, что я здесь один, — он повернулся к Миранде. — Кто этот молодой человек?

— Мистер Арчер, он помогает мне в поисках Ральфа.

— Понятно. Боюсь, что вам придется поверить мне на слово, что его здесь нет, мистер Арчер. Я не могу разрешить вам вступить во внутренний круг, пока вы не подвергнетесь обряду очищения.

— Думаю, что мне все-таки придется осмотреть территорию.

— Но это невозможно.

Он положил руку мне на плечо. Она была коричневая, мягкая и толстая.

— Вы не должны входить в храм, это разгневет Митру.

Я ощутил его кисло-сладкое дыхание и сбросил руку с плеча.

— Вы сами-то очищались? — спросил я.

Он взвел к солнцу свои невинные глаза.

— С этими вещами шутить нельзя. Я был потерян человеком, грешником со слепым сердцем, пока не попал в этот лазурный мир. Солнечный меч отсекал черного быка плоти, и я очистился.

Миранда встала между нами.

— Все это чушь! — воскликнула она. — Мы приехали, чтобы проверить, нет ли тут Ральфа, а не слушать ваш бред, Клод. Вряд ли мистер Арчер позволит вам отсечь его быка плоти.

Он наклонил косматую голову и улыбнулся кислой благожелательной улыбкой, которая вызвала у меня тошноту.

— Как прикажете, мисс Сэмпсон. Кошунство падет на ваши головы. Я страшусь и надеюсь, что кара Митры не будет тяжелой.

Она с презрением прошла мимо него, я последовал за ней. Через дверь в каменной арке мы вошли внутрь. Красное солнце по-прежнему полыхало над горами. Клод, не взглянув на нас, вновь поднялся на крышу.

Выложенный камнем дворик пустовал. В стенах домов было несколько закрытых дверей. Я нажал ручку ближайшей. Передо мной

открылась комната, отделанная дубом. В ней стояла кровать, покрытая темным покрывалом, обитый железом сундук, дешевый шкаф: все было пропитано кисло-сладким запахом Клода.

— Запах святоши, — поморщилась Миранда.

— Ваш отец действительно гостил у Клода?

— Боюсь, что да, — она снова сморщила носик. — Он всерьез относится к его обрядам. По его мнению, все это связано с астрологией.

— И он на самом деле подарил все это Клоду?

— Я в этом не уверена. Я лишь знаю, что он разрешил Клоду использовать этот дом, как храм. Думаю, что когда-нибудь он отберет его у Клода, если сможет и если у него пройдет его религиозное помешательство.

— Хочу заметить, довольно странный охотничий домик.

— На самом деле это вовсе не охотничий домик. Он выстроил этот дом как убежище.

— Убежище? От чего?

— От войны. Это был последний дорелигиозный психоз Ральфа. Он был убежден, что ядерная война вот-вот разразится, и выстроил его, чтобы мы могли в нем спрятаться. Он избавился от страха только в прошлом году, когда собирался строить бомбоубежище. План был уже готов, но тут он ударился в астрологию.

— Вы употребили слово психоз. Вы это всерьез?

— Не совсем, — грустно улыбнулась она. — Отчасти Ральфа можно понять, и он не покажется таким уж сумасшедшим. Он чувствует за собой вину, так как неплохо нажился на прошлой войне. Потом погиб Боб. Чувство вины могло стать причиной его бредовых действий.

— Это уже из другой книги. На сей раз из учебника психологии.

Реакция Миранды была неожиданной.

— Меня тошнит от вас, Арчер. Вы, кажется, загордились, играя в проницательного детектива.

— Конечно, загордился. Мне нужно что-то яркое. Движущаяся мишень на дороге.

— Вы!..

Она замолчала, покраснела и выбежала из комнаты. Мы обошли дом, открывая и закрывая двери. В большинстве комнат находились

кровати и больше ничего. В большой комнате на полу лежало пять или шесть тюфяков. Комната была с толстыми стенами и узкими, точно в крепости, окнами, и с запахом, напоминавшим тюремную камеру.

— Ученики живут неплохо. Вы видели кого-нибудь из них, когда приезжали сюда?

— Нет, я не входила внутрь.

— Интересно, где они сейчас?

Мы закончили обход, но ничего не нашли. Я заглянул на крышу. Клод сидел лицом к солнцу и спиной к нам. На его бедрах обозначились толстые складки жира. Голова судорожно подергивалась, словно он с кем-то спорил, но он не издавал ни звука. Он был смешон и страшен.

Миранда тронула меня за руку.

— Что касается сумасшествия...

— ... он только прикидывается таким, — закончил я начатую ею фразу, сам наполовину поверив в это. — Во всяком случае насчет вашего отца он сказал правду, если его нет в других постройках.

Мы подошли к домику из глины с дымящейся трубой. Я заглянул в открытую дверь. Девушка с покрытой платком головой сидела на корточках и помешивала содержимое в булькающей кастрюле. Кастрюля была литров на двадцать и наполнена чем-то вроде бобов. Похоже, что она готовила обед для учеников.

Повернувшись, она уставилась на нас. Белки ее глаз сверкали фарфором на землистом лице индеанки.

— Ты видела старика? — спросил я по-испански.

Она двинула ключом по направлению к храму.

— Нет, не этого. Безбородого, толстого и богатого. Его зовут сеньор Сэмпсон.

Она недоуменно пожала плечами и отвернулась к кастрюле. Позади нас раздались шаги.

— Я не совсем одинок, как вы видите. Это моя служанка, но она немногим умнее животного. Если вы закончили осмотр, то, может, вы разрешите мне вернуться к медитации. Скоро заход солнца, и я должен засвидетельствовать почтение к уходящему божеству.

Возле глиняного домика расположился железный сарай, на двери висел замок.

— Сначала откройте этот сарай.

Вздыхая, он достал связку ключей и открыл замок. В сарае лежала куча сумок и картонок, большей частью пустых. Там же находились несколько мешков бобов и ящики со сгущенным молоком. В некоторых коробках мы увидели рабочую одежду и ботинки.

Клод находился в дверях, наблюдая за моими действиями.

— Мои ученики иногда работают в долине. Такая работа на полях тоже форма поклонения.

Он посторонился, пропуская меня. Я заметил следы широкой шины на глине у его ноги, где не было гравия. Это была широкая шина грузовика. Я уже видел такой отпечаток.

— А я полагал, что вы не пользуетесь машинами за оградой, во внутреннем круге.

Он взглянул на землю и, улыбаясь, поднял на меня глаза.

— Только по необходимости. На днях на грузовике привозили продукты.

— Надеюсь, он прошел очищение?

— Безусловно, водитель подвергся очищению.

— Отлично. Думаю, вам придется прибрать территорию, оскверненную нашим присутствием.

Оглянувшись на нас в последний раз, он занял свой пост на крыше, уставившись на солнце. Возвращаясь на шоссе, я старался запомнить дорогу, чтобы приехать сюда с закрытыми глазами, если это потребуется.

Глава 17

Не успели мы проехать долину, как солнце скрылось за облаками, нависшими над побережьем. На полях уже никого не было. По дороге нам повстречалось много грузовиков с сельскохозяйственными рабочими, возвращающимися с полей на ранчо. Сгрудившись, как стадо, в дребезжащих кузовах грузовиков, они стояли терпеливо и молча в ожидании пищи и сна, а затем нового восхода солнца. Я ехал осторожно, ощущая некоторую подавленность в это сумеречное время, когда день уже клонился в ночь, а та еще не вступила в свои права.

Еще издали, спускаясь с перевала, я увидел огни фар на дороге, увеличенные в тумане. Пока я стоял, ожидая лазейки в непрерывном потоке машин, со стороны Санта-Терезы появились яркие огни фар. Внезапно, словно глаза дикого зверя, они повернули к нам. Машина направлялась к перевалу. Раздался визг тормозов, колеса вздрогнули. Стало ясно, что машина не могла с нами разминуться.

— Опустите голову! — скомандовал я Миранде, и крепко вцепился в руль.

Водитель машины выправил ее, она взревела и на большой скорости проскользнула в узкий просвет между моим бампером и дорожным знаком. На мгновение я увидел лицо водителя — бледное лицо под кожаной фуражкой, которое в свете моих противотуманных фар казалось желтым. Я дал задний ход, развернулся и поехал за ней. Влажный асфальт был скользким, и я с трудом набирал скорость. Задние огни машины быстро скрылись в тумане. Преследовать было бесполезно: она могла свернуть в любой проселок, идущий параллельно шоссе. И, возможно, лучшее, что я мог сделать для Сэмпсона, — это оставить машину в покое. Я затормозил так резко, что Миранда чуть не врезалась в лобовое стекло. Я кипел от злости.

— Боже, что случилось? Он врезался в нас?

— Лучше бы он врезался.

— Лихо он ездит, но здорово.

— Да-а... Он живая мишень, в которую мне бы хотелось попасть.

Она удивленно взглянула на меня. На ее скрытом от света лице виднелись огромные блестящие глаза.

— У вас зловещий вид, Арчер. Я опять вас рассердила?

— Не вы, а ожидание просвета в этом темном деле. Я предпочитаю действовать прямо, — твердо и резко заявил я.

— Понимаю, — огорченно добавила она. — Пожалуйста, отвезите меня домой. Я замерзла и хочу есть.

Я развернулся и поехал домой. Мысли мои были весьма мрачные, ищущие путь к месту, где спрятался Сэмпсон. Путь этот, вероятно, начинался с почтового ящика у подъездной дороги Сэмпсона, и не требовалось особой проницательности, чтобы понять это. Миранда заметила это первой.

— Остановите машину, — попросила она.

Когда она открыла дверцу ящика, я увидел белый конверт, застрявший в прорези ящика.

— Подождите, дайте я.

Она застыла на месте. Взяв конверт за уголок, я завернул его в чистый носовой платок.

— На нем могут быть отпечатки пальцев.

— Как вы думаете, это от отца?

— Не думаю. Поезжайте домой.

Мое сердце бешено заколотилось, когда я увидел печатные буквы, наклеенные на бумагу. По классической традиции преступников они были вырезаны из газеты и собраны в слова. Содержание послания звучало весьма вежливо:

«Мистер Сэмпсон находится в хороших руках. Положите сто тысяч долларов в картонную коробку и перевяжите ее веревкой. Положите коробку посередине дороги, напротив Фрайерс-роуд, на одну милю южнее Санта-Терезы. Сделайте это в девять часов вечера. Когда положите коробку, немедленно уезжайте на север к Санта-Терезе. Не пытайтесь установить полицейских засад, если вам дорога жизнь Сэмпсона. Вы увидите его завтра, если не будет засады или попыток пометить банкноты».

— Вы были правы, — тихо произнесла Миранда.

Я пытался что-то сказать в утешение, но все складывалось слишком плохо для Сэмпсона.

— Пойдите взгляните, нет ли поблизости Грэйвса, — попросил я немного погодя.

Девушка вышла. Я стал рассматривать наклеенные буквы. Они сильно отличались по размерам и виду и были напечатаны на гладкой бумаге. Вероятно, из какого-нибудь популярного журнала со страниц рекламы. Орфографические ошибки указывали на небольшую грамотность составителя, но это было лишь предположение. Некоторые образованные люди тоже пишут неграмотно, а может, это сделали нарочно, чтобы одурачить.

Вошел Грэйвс с Тэггертом и Мирандой, державшейся позади. Берт подошел ко мне. Я показал на стол.

— Это было в почтовом ящике.

— Миранда сказала.

— Письмо могли доставить несколько минут назад на машине, которая проскочила мимо меня на шоссе.

Грэйвс прочитал письмо вслух. Алан стоял рядом с Мирандой в дверях, не зная, желательно ли его присутствие, но тем не менее нисколько не смущаясь. В отличие от него Миранда была в ужасном настроении. Под глазами у нее появились большие синие круги, ее полные губы поникли. Она прислонилась к косяку, и поза ее была безутешной.

Берт поднял голову.

— Так, я позову помощника шерифа.

— Он сейчас здесь?

— Да, стережет в кабинете деньги. И позвоню шерифу.

— Может быть, он захватит с собой дактилоскописта.

— У окружного прокурора есть специалисты получше.

— Позвони ему тоже. Похитители, вероятно, достаточно сообразительны и не оставили явных отпечатков, но могут быть и скрытые. Ведь сложно делать аппликацию в перчатках.

— Верно! А что насчет машины, которая чуть не врезалась в вас?

— Об этом пока не стоит говорить. Я держу этот конец в своих руках.

— Полагаю, ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, чего я не делаю. Постараюсь, если смогу, не допустить, чтобы Сэмпсона убили.

— Именно это меня и беспокоит, — заявил Берт и вышел из комнаты так быстро, что Алану пришлось отскочить в сторону, чтобы пропустить его.

Я взглянул на Миранду. Она готова была расплакаться.

— Хэлло, Тэггерт. Заставьте ее что-нибудь поесть.

— Постараюсь.

Он подошел к холодильнику. Миранда не сводила с него глаз. На мгновение я почувствовал к ней неприязнь. Она была похожа на сучку в период течки.

— Наверное, я не смогу есть, — прошептала она. — Вы думаете, он еще жив?

— Да. Но мне кажется, что вы не очень любили его.

— Это письмо сделало все таким реальным. До сих пор все было не так.

— Да, все дьявольски реально! Теперь уходите. Идите и отдохните, пожалуйста.

Миранда вышла.

Вошел помощник шерифа. Это был грузный брюнет лет тридцати в коричневом костюме как бы с чужого плеча. Его косящий удивленный взгляд тоже не делал его красавцем. Правая рука вошедшего покоилась на кобуре, по-видимому, для того, чтобы напоминать о доверенной ему власти.

— Что тут происходит? — поинтересовался он с привычной воинственностью.

— Ничего особенного. Похищение и вымогательство.

— Что это?

Он протянул руку к письму на столе. Я едва успел удержать его, и черные глаза помощника шерифа тупо уставились на меня.

— А вы кто такой?

— Моя фамилия Арчер. Успокойтесь. У вас есть чемоданчик для вещественных доказательств?

— Да, в машине.

— Принесите его. Он понадобится дактилоскопистам.

Помощник шерифа вышел и через минуту вернулся с черным металлическим ящичком. Я бросил туда письмо, и он запер его. Казалось, это доставило ему огромное удовольствие.

— Смотрите за ним как следует, — напутствовал я его, когда он выходил из комнаты с ящичком под мышкой. — Не выпускайте его из рук ни при каких обстоятельствах.

Алан стоял перед холодильником с наполовину обгрызанной цыплячьей ножкой в руке.

— И что теперь? — спросил он меня.

— Будем слоняться поблизости. Видишь, дело закручивается. Пистолет при тебе?

— Надежная штучка! — он похлопал себя по карману пиджака. — Как вы думаете, когда они это обстряпали? Когда он выходил из аэропорта в Бербенке?

— Не знаю. Где тут телефон?

Он распахнул дверь в конце кухни, затем затворил ее за мной. Передо мной была маленькая комнатка, заставленная шкафами с посудой, с единственным окном и телефоном на столе возле двери. Я заказал разговор с Лос-Анджелесом. Питера Колтона я не мог застать, но надеялся, что он оставит мне записку.

Телефонистка соединила меня с его кабинетом. Питер сам взял трубку.

— Это Лью. Есть след. Несколько минут назад мы получили письмо с требованием выкупа. Тебе надо связаться с окружным прокурором. Возможно, похищение произошло на твоей территории, когда Сэмпсон вышел из аэропорта в Бербенке.

— Для похитителей они не слишком спешат.

— Значит, могут себе это позволить. У них есть план действий. Ты узнал что-нибудь насчет черного лимузина?

— Узнал. В тот день было взято напрокат двенадцать штук, но большинство вне подозрений. Все, кроме двух, были возвращены в тот же день. Две машины были взяты на неделю с оплатой вперед.

— Есть подробности?

— Первую взяла Рут Диксон, блондинка лет сорока. Живет в отеле в Беверли-Хиллз. Мы проверили, она зарегистрирована, но ее там не было. Вторую взял тип, уехавший в Сан-Франциско. Он еще не возвращался, но прошло всего два дня, а машина взята на неделю. Это некий Лоуренс Беккер, маленький, худой мужчина, не очень хорошо одетый.

— Может быть, он тот, кто нам нужен? Ты записал номер?

— Подожди минутку, он у меня где-то здесь... шестьдесят два восемьсот девяносто пять. «Линкольн» выпуска тысяча девятьсот сорокового года.

— Контора проката?

— Делюкс в Пасадене. Я собираюсь смотаться туда сам.

— Раздобудь более подробные сведения, если сможешь.

— Откуда вдруг такой энтузиазм?

— Я видел здесь на шоссе человека: по приметам вроде похож. Он проехал мимо меня на длинной черной машине примерно в то же время, когда пришло письмо с требованием выкупа. И похожий тип, а может, его брат, пытался раздавить меня сегодня в Пасифик-Палисадс. Он находился за рулем синего грузовика, и на нем была кожаная фуражка.

— Почему же ты его не задержал?

— По той же причине, что и ты. Если мы будем на них наседать, то ничего не узнаем. Дай мне слово, что будешь только следить.

— Ты учишь меня моему ремеслу?

— Как видишь.

— Ладно. Будут еще какие-нибудь указания?

— Направь человека в «Дикое Пиано». На всякий случай...

— Я уже сделал это. Все?

— У вас есть контакт с окружным прокурором Санта-Терезы? Я передам туда письмо для проверки отпечатков. Спокойной ночи и спасибо, Питер.

— Взаимно.

Он положил трубку, и телефонистка отключила связь. Я держал трубку возле уха, продолжая слушать гудки прерванной линии. В середине нашей беседы я услышал щелчок. Это могли быть помехи или кто-то снял трубку параллельного аппарата. Миновала целая минута, прежде чем я услышал слабый щелчок. Выходит, здесь в доме кто-то положил трубку.

Глава 18

Тем временем в кухню пришла миссис Кромберг с кухаркой — энергичной блондинкой с округлыми бедрами. Обе вскочили, когда я открыл дверь.

— Я звонил по телефону, — объяснил я.

Миссис Кромберг сморщила в улыбке лицо.

— Сколько в доме телефонов?

— Четыре или пять. Пять. Два наверху, три внизу.

От мысли проверить все телефоны, я отказался. Слишком много людей имело к ним доступ.

— Где все? — поинтересовался я.

— Мистер Грэйвс собрал всех в холле. Он пытался выяснить, не заметил ли кто-нибудь машину, перед тем как было оставлено письмо.

— Ну и что?

— Никто не видел. Я слышала, как проехала машина, но не обратила на это внимания. Сюда часто подъезжают и разворачиваются на дороге. Не знают, что тут тупик, — она приблизилась ко мне и прошептала: — Что было в этом письме, мистер Арчер?

— Они хотят получить деньги, — ответил я и вышел.

Трое других слуг повстречались мне в коридоре. Два мексиканца в одежде садовников шли, низко опустив головы, позади них шагал Феликс. Я махнул ему рукой, но он не ответил. Глаза его были мрачны и блестящи.

Берт сидел в столовой перед камином, положив ноги на подставку из красного дерева.

— Что случилось со слугами? — спросил я.

Он встал, посмотрев на дверь.

— Они, кажется, поняли, что их подозревают.

— Я надеялся, что они не догадаются.

— Я не давал им повода так думать. Они это ощутили по общему настрою. Я просто спросил их, не видели ли они машину. На самом деле, я лишь хотел взглянуть на их лица, пока они еще не опомнились.

— Ты думаешь в доме есть сообщник, Берт?

— Похоже на это. Тот, кто оставил письмо, наверняка был хорошо информирован. Как он мог, например, узнать, что деньги будут доставлены к девяти часам?

— Через час с небольшим.

— Возможно, совершенно случайное совпадение.

— Возможно.

— Но в это трудно поверить. Скорее всего, ты прав — в доме имеется сообщник. Кто-нибудь видел машину?

— Миссис Кромберг слышала ее. Остальные прикинулись простаками или в самом деле не видели и не слышали.

— Из дома никто не выходил?

— Нет. Мексиканцы и филиппинец вроде занимались чтением, — произнес Берт и добавил: — Однако у меня нет причин их подозревать.

— А как насчет Сэмпсона?

Берт с усмешкой взглянул на меня.

— Не старайся казаться гениальным. Лью. Интуиция никогда не была твоей сильной стороной.

— Это лишь предположение. Если Сэмпсон платит восемьдесят процентов налога с доходов, то он может быстренько заработать восемьдесят тысяч.

— Я бы удивился, если бы ты оказался прав.

— Все может быть.

— Но случай с Сэмпсоном — это фантастика.

— Не уверяй меня в его честности.

Берт взял щипцы и ударил по горячей головешке. Искры разлетелись во все стороны, точно стаи сверкающих ос.

— Такие авантюры не для Сэмпсона. Это слишком рискованно. Кроме того, он не нуждается в деньгах. Его акции оцениваются в пять миллионов, но на самом деле стоят двадцать пять. Сто тысяч — слишком маленькая сумма за выкуп. Единственный вариант — это похищение. Лью. Подумай об этом.

— Я согласен с тобой, — это было легко сказать, но трудно сделать. — Кто повезет выкуп?

— А почему не ты?

— Я не могу. Меня могут узнать, а мне еще нужно кое-что сделать. Займись этим сам, Берт, и на всякий случай возьми с собой

Тэггерта.

— Он мне не нравится.

— Алан парень колючий, но смелый. Если что-нибудь случится, тебе может потребоваться помощь.

— Все будет нормально, но я возьму его, если ты советуешь.

— Да, советую.

В дверях появилась миссис Кромберг, нервно теребящая край передника.

— Мистер Грэйвс!

— Да?

— Я надеюсь, вы поговорите с Мирандой, мистер Грэйвс. Я хочу, чтобы она поела что-нибудь, но она не открывает дверь и даже не отвечает.

— С ней все в порядке. Я поговорю с ней позже. Сейчас оставьте ее в покое.

— Мне не нравится, как она себя ведет. Девушка очень возбуждена.

— Оставьте ее. Попросите мистера Тэггерта зайти в кабинет и подождать меня там. И скажите ему, чтобы он захватил оружие.

— Хорошо, сэр.

Она чуть было не заплакала, но, поджав полные губы, вышла.

Когда Берт повернулся ко мне, я заметил, что он тоже начал нервничать: у него стала дергаться щека, а глаза уставились куда-то вдаль.

— Вероятно, Миранда чувствует свою вину, — произнес я, словно рассуждая сам с собой.

— Вину в чем?

— Конкретно ни в чем. Возможно, в основном из-за того, что она не смогла заменить отцу своего брата. Она видела, как старик опускается, и, видимо, чувствовала, что он не пал бы так низко, если бы она была с ним более близка.

— Она же не его жена, — возразил я. — Как, кстати, реагирует миссис Сэмпсон? Ты видел ее?

— Несколько минут назад. Она воспринимает это довольно спокойно, читает книгу. Как тебе это нравится?

— Совсем не нравится. Может, это ей нужно чувствовать свою вину перед мужем?

— Это не помогло бы Миранде. Она прекрасная девушка, весьма чувствительная, но полагаю, что она сама не понимает этого. Она всегда задирает нос, скрывая свои настоящие чувства.

— Ты собираешься жениться на ней, Берт?

— Женюсь, если смогу, — криво усмехнулся он. — Я не раз спрашивал ее об этом, но она не говорила «нет».

— Ты сделал бы благое дело. Она создана для замужества. Берт молча взглянул на меня. Его губы чуть улыбались, но глаза подали предупредительный знак.

— Она сказала, что сегодня во время поездки имела с тобой откровенный разговор.

— Я дал ей отеческий совет относительно быстрой езды.

— Поскольку ты выдерживал роль наставника... — внезапно он резко изменил тему разговора: — А как быть с тем типом, с Клодом? Может он быть замешан в похищении?

— Он может быть замешан в чем угодно. Не доверяю я ему, но у меня нет никаких улик. Он утверждает, что не видел Сэмпсона уже несколько месяцев.

Желтые противотуманные фары осветили стену дома, минутой позже хлопнула дверь.

— Это, наверное, шериф, — сказал Берт. — Ну и долго же он добирался сюда!

В комнату стремительно вошел шериф. Это был крупный мужчина в деловом костюме и широкополой шляпе, с лицом, похожим одновременно и на сыщика, и на политика. Твердость подбородка не соответствовала мягкости рта, по форме похожего на женский.

Он протянул руку Грэйвсу.

— Я мог приехать и раньше, но ты просил меня захватить Хэмфри.

Вслед за шерифом вошел мужчина в смокинге.

— Я был в театре, — сообщил он. — Как дела, Берт?

Грэйвс представил меня. Фамилия шерифа была Спейнер.

Хэмфри оказался окружным прокурором. Это был высокий и худой человек с вытянутым лицом и пронизательными глазами. Он и Берт не пожали друг другу руки — они были слишком близки для этого. Когда Грэйвс был прокурором округа, Хэмфри был судебным исполнителем. Я находился сзади и предоставил Берту возможность

рассказывать. Он сообщил все, что им нужно было знать. И умолчал о том, чего им знать не следовало. Когда он кончил, заговорил шериф.

— В письме указано, что вам следует ехать на север. Это означает, что они смотаются в другом направлении, к Лос-Анджелесу, в этом нет сомнений.

— Похоже на то, — согласился Берт.

— Значит, если мы блокируем дорогу немного южнее, то может быть, сумеем его схватить.

— Этого делать нельзя! — резко возразил я. — Если мы так поступим, можем распрощаться с Сэмпсоном.

— Но, поймав похитителя, мы можем заставить его говорить.

— Оставьте это, Джо, — вмешался Хэмфри. — Нужно полагать, что тут действует не один человек. Если мы ликвидируем одного, другие покончат с Сэмпсоном. Это же очевидно!

— И об этом говорится в письме, — добавил я. — Вы видели письмо?

— Эндрю видел, — ответил Хэмфри. — Это мой дактилоскопист.

— Если он что-то обнаружит, вам следует проверить по картотеке в ФБР.

Я понимал, что иду на конфликт, но у меня не было времени на дипломатию.

— Вы связались с лос-анджелесской полицией?

— Еще нет. Сперва я хотел оценить обстановку.

— Хорошо. Ситуация такова. Даже если мы выполним инструкции, данные в письме, то нет никакой уверенности, что Сэмпсон останется в живых. Ведь потом он может опознать кого-нибудь из бандитов — например, того, кто похитил его в Бербенке. Дела его плохи. Они будут еще хуже, если вы подстроите ловушку с деньгами. Засадите в тюрьму одного из похитителей, и Сэмпсону перережут горло. Лучший вариант — следовать инструкциям. Пусть Грэйвс отвезет деньги.

Лицо Спейнера стало злым. Он открыл было рот, но Хэмфри опередил его.

— В этом что-то есть, Джо. Нехорошо поощрять насилие, но мы пойдем на компромисс. Главное — спасти Сэмпсону жизнь. Не отправиться ли нам обратно в город?

Поднявшись, он вышел из комнаты, за ним последовал шериф.

— Сможет ли он удержать Спейнера от самовольных действий? — обратился я к Берту.

— Думаю, сможет. Хэмфри проследит за Джо.

— У Хэмфри, похоже, светлая голова.

— Ты прав, он толковый парень. Я проработал с ним более семи лет и ни разу не заметил у него серьезных промахов. Уходя, я передал ему эту должность, — с сожалением промолвил Берт.

— Ты, наверное, привык к этой работе и получал от нее большое удовольствие.

— И чертовски мало денег! Я проработал десять лет и погряз в долгах. — Берт улыбнулся. — А почему ты ушел из полиции Лонг-Бич. Лью?

— Деньги для меня не самое главное. Не хотелось лизать начальству задницу. К тому же мне было не по себе от грязных политических махинаций. Кстати, я не ушел, меня выгнали.

— Но, в конце концов, ты тоже выиграл.

Берт снова взглянул на часы. Они показывали половину девятого.

— Пора ехать.

В кабинете ждал Алан, в коричневой куртке он казался еще более широкоплечим. Он вынул руки из карманов, держа в каждой по пистолету. Грэйвс взял дело, это было оружие тридцать второго калибра с тонкими, отливающими синевой стволами.

— Запомни, — напутствовал я Алана, — не стреляй до тех пор, пока они не начнут первыми.

— А вы разве не поедете?

— Нет. Ты знаешь поворот на Фрайерс-роуд? — обратился я к Берту.

— Знаю.

— Там можно укрыться?

— Нет. С одной стороны — открытое побережье, с другой — довольно крутая скала.

— Ну и ладно. Вы поедете впереди на твоей машине, а я остановлюсь южнее по шоссе.

— Ты собираешься их преследовать?

— Нет, я только хочу увидеть, как они будут уезжать. После этого я присоединюсь к вам у заправочной станции на границе города. Ясно?

— Да.

Берт крутанул у сейфа ручку.

От города до Фрайерс-роуд протянулась четырехполосная автострада, длиной в милю, выдолбленная в необычайной красоты скалах, располагавшихся вдоль побережья. Посередине шоссе разделяла полоса газона. На пересечении с Фрайерс-роуд полоса кончалась и автострада сужалась до трех полос. Машина Грэйвса быстро развернулась на перекрестке и остановилась, освещая обочину. Место было удобное, вдоль открытой стороны шоссе обозначился ряд белых столбиков. На шоссе было пустынно.

Часы на приборной панели показывали без десяти десять. Я махнул рукой Берту и Алану и проехал мимо до поворота на дорогу к югу, примерно в миле от того места, где они остановились.

В двухстах метрах от поворота я увидел место, подходящее для стоянки. Развернувшись, я остановился с выключенными фарами. Было без семи десять. Если все пойдет точно по плану, то машина с выкупом минует меня через десять минут.

Туман сгустился, поднимаясь от берега серыми волнами. За балюстрадой внизу плескалось море. В две минуты десятого за поворотом вынырнули фары машины, едущей от Фрайер-роуд. Проезжая мимо меня, она издала короткий рык и свернула на левую обочину у шоссе. Я не разглядел ни ее цвета, ни формы, лишь услышал визг колес. Манера вождения машины показалась мне знакомой.

Не включая фар, я проехал вдоль обочины до боковой дороги. Не успел я свернуть с нее, как услышал скрежет тормозов, звук выстрела и шум мотора, набиравшего обороты.

Боковая дорога осветилась рассеянным белым светом. Я остановился перед самым поворотом. Какой-то автомобиль выехал с боковой дороги и свернул передо мной к Лос-Анджелесу.

Машина была открытая, длинная, кремового цвета. Через запотевшее боковое стекло я не смог разглядеть водителя, но мне показалось, будто я уже видел эту темную копну женских волос. Я не собирался преследовать ее.

Включив противотуманные фары, я свернул на боковую дорогу. Метрах в двухстах от главного шоссе стояла машина, два ее колеса находились в кювете. Это был черный лимузин довоенного выпуска. Двигатель автомобиля работал, фары светились.

Я взглянул на номер машины — шестьдесят два восемьсот девяносто пять. Затем я открыл дверцу левой рукой, держа пистолет в правой.

Маленький человек стал медленно клониться в мою сторону, уставившись в туман мертвыми глазами. Я едва успел его подхватить. Воспоминание о нем не покидало меня почти сутки.

Глава 19

Он был все в той же кожаной фуражке, сдвинутой набекрень. Над его левым ухом виднелось маленькое отверстие. Когда я вновь усадил его, голова упала на плечо, руки с грязными ногтями соскользнули с руля.

Придерживая его одной рукой, я другой обшарил его карманы. В наружном кармане его куртки находилась зажигалка, пахнувшая бензином, дешевый портсигар с сигаретами и десятисантиметровый нож с пружинкой. В заднем кармане его джинсов был потертый бумажник с мелкими банкнотами и водительскими правами на Лоуренса Беккера. На правах был записан адрес дешевого отеля на Скид-роуд в Лос-Анджелесе. И адрес, и имя были фальшивыми.

В левом боковом кармане джинсов лежала грязная расческа в чехле из кожезаменителя. В другом кармане была связка ключей от автомобилей и коробок со спичками. На нем было напечатано: «Сувенир из бара „Уголок“, коктейли, бифштексы, автострада 101, к югу от Буаневисты».

Под курткой была надета тенниска и больше ничего. В пепельнице на приборной панели лежало несколько окурков сигарет с марихуаной. Больше в машине я ничего не обнаружил. Ни регистрационной карточки, ни ста тысяч долларов в коробке.

Я рассовал все вещи обратно по карманам убитого и поправил тело так, чтобы дверца поддерживала его. Бросив последний взгляд на покойника, я направился к своей машине. Огни «линкольна» еще горели, работавший мотор выбрасывал из выхлопной трубы дым, а водитель вроде бы собирался в путь.

Машина Грэйвса стояла возле колонки на бензозаправочной станции. Берт аккуратно открыл дверцу, и они с Аланом вышли ко мне навстречу, как только я подъехал. У них были бледные и возбужденные лица.

— Это был черный лимузин, — сообщил Берт. — Мы отъезжали медленно и видели, как он остановился. Я не разглядел лица водителя, но он был в куртке и кожаной фуражке.

— Все правильно.

— Он проехал мимо вас? — от волнения Алан перешел на шепот.

— Он свернул, не доехав до меня. Сейчас он сидит в машине с пулей в черепе на следующем перекрестке.

— Боже! — воскликнул Берт. — Неужели ты застрелил его, Лью?

— Это сделал кто-то другой. Через минуту после выстрела с дороги выехал кремовый автомобиль с крытым верхом. Мне показалось, что за рулем находилась женщина. Она направилась в сторону Лос-Анджелеса. Вы уверены, что он взял деньги?

— Я видел, как он подобрал пакет.

— Но в машине их нет. Либо на него напали гангстеры, либо его партнеры сыграли с ним злую шутку. Если его ограбили гангстеры, то его напарники денег не получают. Если же партнеры вели с ним двойную игру, то также они могут поступить и с нами. В любом случае, это очень плохо для Сэмпсона.

— Что же нам теперь делать? — спросил Алан.

Ему ответил Грэйвс.

— Мы выполнили их условия. Теперь сообщим в полицию и объявим вознаграждение. Я должен поговорить об этом с миссис Сэмпсон.

— Одна деталь. Берт, — заметил я. — В любом случае, нам необходимо держать это в тайне от прессы. Если это проделали гангстеры, то партнеры убитого обвинят нас и Сэмпсону конец.

— Грязные ублюдки! — угрожающе воскликнул Берт. — Мы выполнили их условия. Если бы я мог добраться до них...

— Ты ничего бы не сделал. Все, что мы имеем, — это свеженький труп во взятом напрокат автомобиле. Тебе надо начать с шерифа. От него мало толку, но это необходимо. Затем уведоим дорожный патруль и ФБР. Привлечем к этому делу как можно больше людей.

— Куда ты сейчас думаешь отправиться?

— Охотиться на диких гусей. Для Сэмпсона все складывается так плохо, что я могу позволить себе это совершенно спокойно.

* * *

До Буаневисты оказалось двадцать четыре мили. При въезде на главную улицу города шоссе раздваивалось. Все было залито светом отелей, таверн и фронтонов трех кинотеатров. В двух из них демонстрировались мексиканские фильмы. Когда открылись консервные заводы, мексиканцы, в основном, уехали отсюда.

Я остановился в центре города перед длинным магазином, в котором продавалось оружие, рыболовные принадлежности, пиво в банках, противозачаточные средства и сигареты. Два молодых мексиканца с блестящими волосами слонялись у витрины. Их интересовали игральные автоматы, установленные в магазине, и девушки на улице. Накрашенные девицы проплывали мимо, рассекая грудью воздух. Стараясь завлечь их, парни насвистывали, позировали, но, похоже, не интересовали девиц.

Я подозвал одного из них и спросил, где находится «Уголок». Посоветовавшись друг с другом, они указали на юг.

— Поезжайте прямо, миль через восемь дорога начнет спускаться к Уайт-Бич.

— Там будет большая красная вывеска, — подсказал другой, энергично замахав рукой. — Мимо нее вы не проедете.

Я поблагодарил их. Улыбнувшись, они закивали, будто я одарил их крупной суммой.

Справа от шоссе находилось длинное низкое здание, на крыше которого красовалась неоновая вывеска: «Уголок». Надпись на повороте указывала на Уайт-Бич. Я поставил машину на стоянке позади здания. Здесь уже были припаркованы около десятка машин и трейлер. Сквозь полуприкрытые занавесками окна я увидел несколько пар за столиками и почти столько же танцующих. Войдя туда, я обнаружил длинный и совершенно безлюдный зал. Я постоял у входа, как будто кого-то высматривая. Танцующих было мало, и они не могли оживить зал, в конце которого виднелась пустая эстрада для оркестра. Музыка раздавалась из игрового автомата.

Посетители явно скучали. Их лица выражали тоску по веселью, которого они не могли найти. Я не увидел ни одного знакомого лица.

Ко мне подошла официантка. У нее были темные глаза, нежный зовущий рот и хорошенькая фигурка двадцатилетней девушки. Ее историю легко можно было прочесть по ее внешности. Передвигалась она осторожно, словно у нее болели ноги.

— Вам нужен столик, сэр?

— Благодарю, я посижу в баре. Хотя вы можете мне помочь. Я ищу человека, с которым познакомился на бейсболе, никак не могу его найти.

— Как его зовут?

— К сожалению, не знаю. Я должен ему деньги, мы договорились встретиться здесь. Невысокий мужчина лет тридцати пяти, в кожаной куртке и фуражке. У него голубые глаза и острый нос.

«И дырка в черепе, сестренка», — хотел добавить я.

— Кажется, я знаю, о ком вы говорите. Его зовут Эдди. Он иногда заходит сюда выпить, но сегодня я его еще не видела.

— Он сказал, что мы увидимся здесь. В какое время он обычно заходит?

— Позже, около полуночи. Он водит грузовик.

— Да, синий грузовик.

— Тот самый, — уверенно заявила она. — Я видела его машину на стоянке. Несколько дней назад он приезжал сюда ночью и заказывал междугородний разговор. Боссу это не понравилось, так как он не знал, на сколько тот наговорит. Но Эдди сказал, что возвратит все расходы, поэтому босс разрешил. Кстати, сколько вы ему должны?

— Порядочно. Вы не в курсе, куда он звонил?

— Не знаю. К тому же это не мое дело. Думаете, он звонил вам?

— Я просто хочу с ним связаться и передать деньги.

— Если хотите, можете передать их через босса.

— А где он?

— Чико в баре.

Один из сидевших посетителей поднял руку, и она отошла. Я прошел в бар.

Лицо бармена, вместе с пробором в редких волосах и вялыми губами, было ужасно длинное и худое. Ночи, проведенные в пустом баре, высушили его.

— Что вы будете пить?

— Пиво.

— Восточное или западное?

— Восточное.

— Тридцать пять вместе с музыкой. Мы обеспечиваем посетителей музыкой.

— Могу я получить сэндвич?

— Конечно, — оживился бармен. — Вам какой?

— Бекон и яйца.

— О'кэй, — он сделал знак официантке.

— Я ищу приятеля, которого зовут Эдди. Того, кто недавно звонил по междугородному.

— Вы из Лас-Вегаса?

— Только что оттуда.

— Как там дела?

— Очень плохо.

— Здесь тоже паршиво, — обрадованно произнес он. — А зачем вам нужен Эдди?

— Я должен ему изрядную сумму. Он живет где-то неподалеку?

— По-моему, да, хотя я не знаю точно где. Несколько раз он приходил сюда с одной блондинкой, с женой. Сегодня он должен появиться здесь. Подождите немного.

— Спасибо. Я так и сделаю.

Я отнес свое пиво на столик возле окна, откуда была видна стоянка и главный вход. Вскоре официантка принесла мне сэндвич. Получив с меня деньги, она задержалась у моего столика.

— Решили передать деньги через босса?

— Еще подумаю. Надо, чтобы он наверняка получил их.

— Совесть мучает?

— Вы знаете, что бывает с теми, кто не платит долги?

— Ну, не думаю, что вы такой, — неожиданно воодушеваясь, она наклонилась ко мне. — Послушайте, мистер. У меня есть подруга, она водится с парнем с ипподрома. Он говорил ей, что через три дня Джинкс будет первым. Вы посоветовали бы мне поставить на него, а?

— Поберегите свои деньги, они вам еще пригодятся, — посоветовал я ей.

— Я поставлю свои чаевые. Дружок моей подруги сказал, что Джинкс наверняка победит.

— Поберегите деньги.

Она скептически поджала губы.

— Вы какой-то странный должник.

Я дал ей два доллара.

— Вот, поставьте на Джинкса.

Она удивленно взглянула на меня:

— Спасибо, мистер, только я не просила деньги.

— Это лучше, чем терять свои.

Я не ел уже почти двенадцать часов, а сэндвич оказался достаточно съедобным. Пока я его поглощал, подъехало несколько машин. Группа молодежи, смеясь и болтая, обосновалась в баре. Затем на стоянку свернул черный «седан» с красной полицейской мигалкой. Из машины вышел мужчина с пистолетом в правом кармане. Я разглядел его лицо, когда он вошел в освещенный круг перед входом. Это был помощник шерифа Санта-Терезы.

Быстро поднявшись, я прошел через дверь в кабинку мужского туалета. Запершись, я уселся на крышку унитаза. Не надо было оставлять коробок спичек в кармане Эдди.

Я просидел там минут десять, рассматривая хулиганские надписи на стенках кабины. Лампочка на потолке светила мне прямо в глаза. Мой уставший мозг отключился, и я заснул. Мне снился сон.

Но тут в дверь кто-то забарабанил, и я открыл глаза.

— Открывай! — орал помощник шерифа. — Я знаю, что ты там!

Я открыл задвижку и распахнул дверь.

— Чего вы так торопитесь? Уже наложили в штаны?

— Так же, как и ты. Я подумал, что это мог быть ты.

Его темные глаза и толстые губы выражали удовлетворение. В руке он держал пистолет.

— Я вас тоже, черт возьми, видел, — буркнул я. — Но я не думал, что об этом необходимо говорить каждому встречному.

— Может быть, у тебя имеются причины скрываться? Почему ты спрятался сюда, когда я вошел, а? Шериф думает, что у похитителей есть помощник в доме, и ему интересно будет узнать, что ты здесь делал.

— Это тот самый приятель, — произнес худой бармен позади него. — Он говорил, что Эдди звонил ему в Лас-Вегас.

— Что ты скажешь на это?! — закричал этот тупица и направил пистолет мне в лоб.

— Войдите и закройте дверь.

— Да? Тогда давай руки за голову.

— Это ни к чему.

— Руки за голову, — полицейский ткнул пистолетом мне в живот. — У тебя есть оружие?

Он начал ощупывать меня свободной рукой, я шагнул назад.

— У меня есть пистолет, но вы его не получите.

Он снова приблизился ко мне. Дверь за ним захлопнулась.

— Ты понимаешь, что делаешь? Оказываешь сопротивление офицеру полиции при исполнении служебных обязанностей. У меня возникла отличная мысль — арестовать тебя.

— Ну что же, иногда и у вас появляются здравые мысли.

— Не заткнешь ли ты свою пасть, щенок? Я желаю знать, что ты здесь делал?

— Душевно отдыхал.

— Значит, ты не хочешь мне отвечать, да? — проговорил он, как персонаж-сыщик в комедии.

Тут он замахнулся, чтобы ударить меня пистолетом, а после этого обыскать.

— Остановитесь, — предупредил его я, — не вздумывайте дотрагиваться до меня!

— Почему бы и нет?

— Потому что я еще не убивал полицейских. Это стало бы пятном на моей репутации.

Наши взгляды встретились. Его поднятая рука повисла в воздухе, а затем медленно опустилась.

— А теперь уберите пистолет, будьте любезны. Не люблю, когда мне угрожают пулей в живот.

— Никого не интересует, что ты любишь, — злобно ответил он, но пистолет все же опустил.

Его лицо выражало сомнение. Очевидно, на него подействовала моя решительность, или в его мозгу сработала одна из извилин.

— Я приехал сюда по той же причине, что и вы, сэр, — я с трудом сдерживался. — Я нашел коробок со спичками в кармане Эдди.

— Откуда ты знаешь, как его зовут? — с прежней подозрительностью поинтересовался он.

— Мне сообщила официантка.

— Да? А бармен сказал, что Эдди недавно звонил тебе в Лас-Вегас. Разве не так?

— Я старался выудить у него сведения, понятно? Это был просто ход.

— Хорошо. Тогда скажи мне, что ты узнал.

— Убитого звали Эдди. Он был водителем грузовика. Иногда заезжал сюда выпить. Три дня назад он звонил отсюда ночью в Лас-

Вегас. Сэмпсон был там три дня назад.

— Ты не дурачишь меня?

— Я бы не стал вас дурачить, даже если бы смог.

— Боже, все сходится, не правда ли? — пробормотал он.

— Я не думал об этом. Спасибо, что подсказали.

Он подозрительно взглянул на меня, спрятав пистолет в кобуру.

Глава 20

Отъехав метров восемьсот по шоссе, я поставил машину вблизи перекрестка. Автомобиль помощника шерифа все еще находился на стоянке.

Над шоссе поднялся туман, расплываясь во все стороны, как молоко в воде, поэтому машины двигались с зажженными фарами. Мне пришла в голову мысль, что Ральф Сэмпсон мог быть далеко отсюда, ожидая своей участи в горном ущелье или заработав дырку в черепе, как Эдди.

С юга показался грузовик, который медленно прокатился мимо меня, свернул на стоянку «Уголка». Грузовик был синий, с крытым верхом. Из кабины выпрыгнул мужчина и зашагал через площадку. Я вспомнил его по упругой походке, а в свете, падающем из дверей, узнал и лицо.

Увидев полицейскую машину, он замер как вкопанный, затем развернулся и побежал обратно к грузовику. Сразу же взревел мотор, машина развернулась и выехала на дорогу к Уайт-Бич. Когда ее задние огни превратились в маленькие точки, я последовал за ней. Вместо асфальта под колесами шуршал гравий, потом пошел песок. Три мили я глотал пыль за грузовиком.

Когда дорога снова вышла на побережье, между двумя скалами показался перекресток. Огни грузовика свернули налево и поползли вверх по склону. Подождав, пока они не исчезли, я вновь последовал за ними. Дорога представляла собой широкую колею, сделанную грузовиком на склоне холма. Я ехал медленно, с выключенными фарами. Неожиданно я увидел грузовик, стоящий без огней в пятидесяти метрах от дороги. Я проехал мимо него. У подножия холма дорога внезапно оборвалась. Узкая тропинка вела к морю, но она была за деревянными воротами. Я развернул машину в тупике и, оставив ее, направился в гору пешком.

Неподалеку от стоявшего грузовика на фоне неба чернели ряды эвкалиптов. Я сошел с колеи и продолжал свой путь в гору. Местность была неровная, заросшая густой травой. Наконец я взобрался на вершину и осмотрелся: внизу, справа от меня, светился желтый

квадрат. Чуть поодаль стоял маленький беленький домик, прижавшийся к скале. Я соскользнул вниз, цепляясь за землю, чтобы не упасть.

Через незанавешенные окна я разглядел единственную в доме комнату. Нащупав в кобуре пистолет, я пробрался к окну. В комнате было два человека, но Сэмпсона там не было.

В кресле со сломанной рукой расположился Падлер. Я видел его профиль с перебитым носом. В руке он держал бутылку пива. Он смотрел на женщину, сидевшую на неубранной постели возле стены. Керосиновая лампа тусклым светом освещала ее светлые волосы и лицо. Оно было худым, изможденным, с потрескавшимися губами и раздувающимися от возмущения ноздрями. Холодные карие глаза сверлили и жалили. Я пригнул голову, чтобы не попасть в поле ее зрения.

Комната была небольшая, но казалась уныло пустой. Пол был деревянным, крашеным, без ковра. На столе стояла груда грязной посуды. Чуть поодаль находился примус, покосившийся холодильник и заржавевшая раковина с ведром под ней. Стены были такими тонкими, что я слышал потрескивание фитиля лампы.

— Я не могу ждать здесь всю ночь, ясно? Не надейся, что я тут стану ждать всю ночь. Я свое дело сделал и могу возвращаться. Мне очень не понравилось, что там стояла полицейская машина.

— Ты уже говорил это. Машина ничего не означает.

— Мне пора возвращаться в «Пиано», как ты понимаешь. Мистер Трой рассердится, если Эдди не появится.

— Пусть его хватит кондрашка! — взвизгнула женщина. — Мало ли что ему не нравится. Переживет как-нибудь.

— Не тебе это говорить. — Падлер осмотрел комнату. — Ты так не говорила, когда Эдди гулял без работы и без гроша в кармане. Вспомни, что это мистер Трой дал ему работу.

— Рад и бога, перестань! Хватит повторять одно и то же, кретин!

Покрытое шрамами лицо Падлера сморщилось от удивления. Он нагнул голову, и его толстая шея напряглась.

— Это не разговор, Марти.

— Заткнись насчет Эдди! — ее голос стал еще звонче. — Сколько тюрем ты повидал, кретин?

— Оставь меня в покое, слышишь?! — угрожающе рявкнул Падлер.

— Ладно, а ты оставь в покое Эдди.

— Кстати, а где он, черт побери?

— Не знаю, но уверена, что у него есть на это причина.

— Ну это он сам объяснит мистеру Тройю.

— Мистер Трой, мистер Трой! Чем он загипнотизировал тебя? Может быть, Эдди не захочет с ним и говорить.

Падлер уставился на нее маленькими глазками, стараясь понять смысл ее слов.

— Послушай, Марти, ты сумеешь вести грузовик?

— Пошел к черту! Не впутывай меня в это дело!

— Ну, хватит! Ты стала слишком гордой с тех пор, как Эдди подобрал тебя на улице.

— Заткнись, а то пожалеешь! — угрожающе вскричала Марти. — Ты еще молокосос. Заметил патрульную машину и сразу наложил в штаны, так что в этой комнате нечем дышать. А теперь хочешь заставить работать вместо себя женщину.

Падлер вскочил, схватив в руки бутылку.

— Оставь меня в покое, слышишь! Я ничего ни от кого не требую. Если бы ты была мужчиной, я бы расквасил тебе физиономию.

Пиво выплеснулось из бутылки ей на колени.

— Ты не посмел бы так разговаривать при Эдди, — хладнокровно заметила она. — Он бы разорвал бы тебя на куски, и ты это знаешь.

— Что? Эта маленькая мартышка?

— Да, эта маленькая мартышка. Прошу тебя сесть, Падлер. Всем известно, что ты драчун. Я дам тебе еще пива.

Поднявшись, она пересекла комнату, ступая легко и мягко, словно кошка. Затем, сняв с гвоздя полотенце, вытерла им костюм, залитый пивом.

— Ты поведешь грузовик? — с надеждой спросил Падлер.

— Разве я повторяю что-нибудь дважды? Я не буду делать этого. Если ты боишься, пусть поведет кто-нибудь из них.

— Нет, это не годится. Они могут разбиться, так как не знают дороги.

— Тогда ты просто теряешь время.

— Да, правда.

Падлер подошел к Марти, отбрасывая громадную тень на пол и стену.

— А как насчет того, чтобы поразвлекаться перед отъездом? Тебе понравится. Может быть, Эдди тоже сейчас забавляется с кем-то в постельке. У меня есть все, что и у него, и даже побольше.

Она схватила со стола нож.

— Проваливай, Падлер, или я отрежу твою любовь вот этим.

— Продолжай, Марти, мы тут одни. Сопrotивляйся, сопротивляйся!

Он остановился, сохраняя дистанцию. Она проглотила слюну, чтобы сдержать начинающуюся истерику, и ее голос стал похож на визг.

— Я перережу тебе глотку! — нож, нацеленный на него, сверкнул в ее руке.

— О'кей, не бесись.

Падлер пожал плечами и повернулся с беспомощной миной отвергнутого любовника.

Я отошел от окна и полез вверх по склону. Не успел я еще добраться до верха, как дверь распахнулась, осветив склон. Я замер на четвереньках. На траве я увидел тень от своей головы.

Затем дверь закрылась, и все погрузилось в темноту. За домом появился силуэт Падлера. Он зашагал вверх по тропинке и вскоре исчез за деревьями. Мне пришлось выбирать между блондинкой и Падлером. Я не хотел упускать его, ведь Марти могла подождать.

Она ведь должна ожидать возвращения Эдди...

Глава 21

Грузовик свернул с шоссе направо, проехав миль восемь от Буаневисты. Я притормозил, ожидая, когда он отъедет подальше. Знак на перекрестке предупреждал, что дорога очень опасна. Я включил противотуманные фары и свернул с нее. Туман уже рассеялся, но мне не хотелось, чтобы Падлер все время видел позади одни и те же огни.

Дорога в сто десять миль — это два часа тяжелого сидения за рулем. Один из ее отрезков проходил на такой высоте, что у меня заложило уши. Мне еще никогда не доводилось ездить по такой скверной дороге. Я проехал его с обычными фарами. Грузовик катил впереди меня так лихо, словно по рельсам. Я дал ему скрыться из вида и снова включил фары — пусть думает, что это уже другая машина.

Мы въехали незнакомым мне путем в ту же долину, где были утром с Мирандой. На прямом отрезке дороги я вновь выключил фары и двигался при лунном свете, ориентируясь по памяти. Я догадался, куда направляется грузовик, и оказался прав.

Выехав из долины, мы вновь стали взбираться в гору, к вершине, скрывающей храм. Пришлось снова включить фары. Когда я подъехал к почтовому ящику Клода, ворота были закрыты. Грузовик намного обогнал меня: с рычанием он уже полз в гору.

Я устал ждать и гоняться за людьми по темным дорогам и не видеть их лиц. Насколько мне было известно, в храме было только двое из них — Падлер и Клод. У меня был пистолет и преимущество — эффект внезапного появления.

Я открыл ворота и, проехав через них, въехал в пределы священного круга, затем вниз, к храму. Его окна тускло светились.

В кузове грузовика не было ничего, кроме притаившихся теней, деревянных скамеек и едкого запаха мужского пота.

Кованая дверь храма со скрипом открылась: на пороге появился Клод.

— Кто здесь? — испуганно спросил он.

— Арчер. Помните меня?

Я вышел из-за грузовика, чтобы он меня увидел. Клод осветил фонариком пистолет в моей руке.

— Что вы тут делаете?

Его борода затряслась, но голос звучал уверенно.

— Все то же, ищу Сэмпсона.

По мере того как я приближался, он пятился назад.

— Вы же знаете, что его здесь нет. Или вам мало одного набега?

— Хватит заговаривать мне зубы, сопливый индюк! Думаете, вы кого-нибудь одурачите своей болтовней?

— Ну, входите, если уж вам так нужно.

Придержав рукой дверь, он закрыл ее за мной. Падлер стоял в середине дворика.

— Встаньте рядом с Падлером! — приказал я Клоду.

Но Падлер скользящей походкой рванулся ко мне. Я выстрелил ему в ноги. Пуля оставила белый след на камне перед ним и отлетела рикошетом в другую сторону. Он остановился, как вкопанный, не спуская с меня глаз. Клод попытался выбить у меня пистолет, но я ударил ему локтем по зубам. Он упал, отплевываясь кровью.

— Подойди сюда, — обратился я к Падлеру, — мне нужно с тобой потолковать.

Он не двинулся с места. Клод приподнялся и крикнул что-то в темноту на незнакомом мне диалекте. Дверь на другой стороне дворика распахнулась, и из нее вышло человек десять мужчин. Смуглые и малорослые, они быстро приближались ко мне. Их зубы блестели при лунном свете, они не издавали ни звука.

Я перехватил пистолет и стал ждать. Первые двое упали, остальные окружили меня, сбили с ног и вышибли сознание из моей головы.

Через некоторое время я пришел в себя. Руки мои не двигались, а окровавленные губы целовали цементный пол. Через некоторое время я уже стал ориентироваться. Мои руки были связаны за спиной, ноги согнуты и привязаны к поясному ремню. Я мог лишь слегка шевелиться и поворачивать голову набок, что мне совсем не понравилось.

Я сделал над собой усилие, чтобы закричать, но моя черепушка отозвалась на это ужасной болью. Сквозь боль в голове я не расслышал собственного голоса. Затем я почувствовал сильную боль, в висках стучало в прерывистом ритме отбойного молотка. Я был бы рад помощи всякого, даже Клода.

— Тяжела кара господня, — раздался его голос откуда-то сзади и сверху. — Вы не должны были осквернять храм. Не прошедший очищения заслуживает наказания.

— Хватит дурачиться, — сказал я в цемент. — Вы будете замешаны в деле с двумя похищениями.

— Глупая жертва, мистер Арчер.

Он щелкнул языком. Я вывернул шею и увидел перед собой его сандалии.

— Вы плохо представляете себе ситуацию, — заявил он, сменив манеру разговора. — Вы нарушили нашу неприкосновенность вооруженным вторжением, совершили надо мной насилие, напали на моих друзей и послушников.

Я попытался рассмеяться, но у меня ничего не получилось.

— Падлер ваш помощник? Да, это вполне духовное лицо.

— Послушайте, мистер Арчер. Мы могли прикончить вас при самообороне. Ваша жизнь — это просто наш подарок.

— Почему же вы не довели дело до конца и не прикончили меня?

— Вы, кажется, начинаете сознавать всю серьезность вашего положения, Арчер.

— Я понял, что ты вонючий, старый козел.

Я старался придумать более обидное сравнение, но мой мозг еще не отошел от перегрузок после ударов по голове. Клод наступил на меня ногой, чуть повыше почки. Рот мой раскрылся, зубы заскрипели по цементу. Я не издал ни звука.

— Подумайте о своем положении, — сказал он.

Свет погас, и дверь захлопнулась. Боль в теле и голове снова запульсировала, и я начал бредить.

Пробившийся сквозь веки свет вернул мне видение мира. Я услышал сверху голоса, но глаз не открыл. Послышалось мягкое мурлыканье Троя.

— Вы совершили серьезную ошибку, Клод. Я знаю этого человека. Почему вы мне не сообщили, что он приезжал сюда?

— Я не предполагал, что это так важно. Он искал Сэмпсона и все. С ним была дочь Сэмпсона.

Первый раз за все время Клод говорил естественно. Его речь утратила высокопарность, голос повысился на целую октаву и стал похож на голос испуганной женщины.

— Вы не думали, что это серьезно, да? Я скажу вам, насколько это серьезно для вас. Это означает, что вы нам больше не нужны. Можете забрать свою коричневую шляпу и уматывать отсюда!

— Это мой дом. Сэмпсон сказал, что я могу здесь жить. Вы не имеете права выкидывать меня отсюда.

— Ты сам виноват. Клод. Ты испортил порученное тебе дело, а это значит, что работа твоя закончена. Мы убираемся отсюда и не можем оставлять тебя, как свидетеля.

— Но куда же мне идти? Что я буду делать?

— Откроешь другую церковь. Вернешься в Джокер Гальш. Меня не интересует, чем ты будешь заниматься.

— Фэй это не понравится, — растерянно пробормотал Клод.

— Я не собираюсь с ней советоваться и давай не будем спорить, а не то я позову Падлера, чтобы он вразумил твою светлость. Но я не хочу этого, и у меня есть к тебе дело.

— Какое? — услужливо спросил Клод.

— Ты должен перегнать грузовик. Я не уверен, что ты справишься с этим, но приходится идти на риск. Во всяком случае, ты будешь рисковать большим. Рабочие с фермы встретят тебя у юго-восточного выезда, чтобы провести их без помех. Ты знаешь, где это?

— Да.

— Очень хорошо. Когда разгрузишь машину, отгонишь ее в Бейсфилд и оставишь там. Не вздумай продавать ее. Оставишь грузовик на стоянке и сматывайся. Могу я рассчитывать, что ты это сделаешь?

— Да, мистер Трой, но у меня нет денег.

— Вот тебе сотня.

— Только сотня?

— Радуйся, что получил столько. А сейчас отправляйся. Скажи Падлеру, что он будет нужен мне, когда кончит есть.

— Вы не позволите ему бить меня, мистер Трой?

— Не будь кретином! Он не тронет тебя.

Сандалии Клода зашлепали прочь. Снова появился свет. Кто-то дернул веревку, связывающую мои запястья. Руки мои онемели, но в плечах еще чувствовалась сила.

— Перестаньте! — воскликнул я.

У меня вдруг застучали зубы. Я стиснул челюсти, чтобы унять их стук.

— Потерпите секунду! — сказал Трой. — Они очень сильно скрутили вас.

Я почувствовал, как он режет веревку ножом. Мои руки и ноги упали как деревяшки на пол. Холодный собачий нос, ткнувшийся мне в шею, заставил меня вздрогнуть.

— Вставайте, приятель.

— Мне и здесь хорошо.

К моим конечностям возвращалась чувствительность, вызывая непереносимое жжение, как от медленного огня.

— Не надо капризничать, мистер Арчер. Я уже предупреждал вас относительно своих партнеров. Если вы возмущены насилием над вами, то должны понять, что сами на это напросились. Я не мог предвидеть, что вы нарушите наш договор столь необычным образом среди ночи на вершине горы с пистолетом в руке.

Я пошевелил кистями рук и ударил нога об ногу. Кровь пробежала по жилам.

— Мой пистолет направлен вам в затылок, мистер Арчер. Можете потихоньку встать, если это в ваших силах.

Я поджал под себя ноги и оттолкнулся руками от пола. Комната накренилась и закружилась. Это было одно из пустых помещений во дворе храма. На скамье возле стены стоял электрический фонарь, рядом находился Трой, такой же элегантный и холодный, как вчера, и с тем же никелированным пистолетом в руках.

— Прошлой ночью я оправдал вас за недостатком улик, — спокойно проговорил он. — Вы разочаровали меня.

— Я выполняю свою работу.

— Она, кажется, не согласуется с моей, — он помахал пистолетом, чтобы придать убедительность сказанному. — Но в чем именно заключается ваша работа, приятель?

— Я разыскиваю Сэмпсона.

— А разве он пропал?

Я взглянул в его бесстрастное лицо, пытаюсь угадать, что ему известно.

— Мне надоели риторические вопросы, Трой. Дело в том, что вы ничего не выиграете, захватив еще одну жертву. Следовательно, лучше

отпустить меня.

— Вы указываете, что мне делать, мой дорогой друг? Кажется, вы немного заблуждаетесь насчет того, в чьих руках сила, не так ли?

— Я работаю не один, — заявил я. — В «Пиано» сегодня сыщики следят за Бетти... Миранда Сэмпсон приведет их сюда. Не важно, что вы сделаете со мной. Вашему рэкету приходит конец. Застрелите меня, и вы конченный человек.

— Не преувеличиваете ли вы опасность? — он осторожно улыбнулся. — Не согласитесь ли вы на проценты с сегодняшней выручки?

— Соглашусь ли я?

Я раздумывал, как мне подобраться к его пистолету. Сознание мое еще не совсем прояснилось, и я потратил слишком много сил на вставание.

— Войдите в мое положение, — произнес Трой. — Какой-то неизвестный сыщик встает на моем пути, причем дважды, и с потрясающей бесцеремонностью. Я мужественно переношу это. Вместо того чтобы прикончить вас, я предлагаю вам одну треть сегодняшней выручки. А это семьсот долларов, мистер Арчер.

— Одна треть сегодняшней выручки составляет тридцать три тысячи.

— Что?!

Он был поражен, и это отразилось на его лице.

— Вы хотите, чтобы я повторил это по слогам?

Трой тут же обрел равновесие.

— Вы говорите о тридцати трех тысячах. Это многовато.

— Одна треть от ста тысяч равна тридцати трем тысячам тремстам тридцати трем долларам и тридцати трем центам. Оставшийся цент делить не будем.

— Что за шантаж?

Его голос звучал зло и взволнованно. Мне не нравилась вся эта ситуация, да еще с пистолетом в его руке.

— Оставим это, — буркнул я. — Мне не нужны ваши деньги.

— Но я не понимаю, о чем вы говорите, — серьезно заявил он. — Я нервничаю, у меня руки трясутся.

Для иллюстрации он потряс пистолетом.

— Вы не знаете, что произошло, Трой? Я полагал, что вы в курсе.

— Считайте, что я ничего не знаю, и говорите быстрее.

— Прочтете об этом в газетах.

— Я же сказал, говорите быстрее! — он поднял пистолет так, что я увидел отверстие его дула. — Расскажите мне о Сэмпсоне и ста тысячах долларов.

— Зачем же мне рассказывать о вашем деле? Два дня назад вы похитили Сэмпсона.

— Продолжайте.

— Ваш шофер забрал прошлым вечером сто тысяч. Этого вам недостаточно?

— Это сделал Падлер?

Бесстрастность Троя исчезла, уступив место новому выражению. Это были лицо убийцы, решительное и жестокое. Он подошел к двери, распахнул ее, не выпуская из руки пистолета.

— Падлер! — позвал он высоким и ровным голосом.

— Другой, — сказал я. — Эдди.

— Вы лжете, Арчер!

— Ладно. Тогда ждите, когда придут полицейские и сообщат вам об этом лично. Теперь они знают, на кого работал Эдди.

— У Эдди не хватило бы для этого мозгов.

— Для мертвеца у него мозгов достаточно.

— Что вы имеете в виду?

— Эдди в морге.

— Кто его убил? Полицейские?

— Может быть, и вы, — задумчиво проговорил я. — Сто тысяч — это целая куча денег для мелкого жулика.

Трой пропустил это мимо ушей.

— Что стало с деньгами?

— Их забрал тот, кто убил Эдди. Кто-то, кто сидел в открытой машине кремового цвета.

Эти слова оглушили Троя, и на мгновение его взгляд стал невидящим. Я взмахнул рукой и выбил из его рук пистолет. Он упал на пол и отлетел к двери.

В дверях появился Падлер с пистолетом в руке. Я попятился.

— Пристрелить его, мистер Трой?

Тот махнул ушибленной рукой.

— Не спеши. Не сейчас... Нам пора убираться отсюда и не следует оставлять следов. Отвезешь его на пирс в Ринкон на его машине. Держи его там, пока я не свяжусь с тобой. Тебе все ясно?

— Да, мистер Трой. А где вы будете?

— Я еще не знаю точно. Бетти сегодня в «Пиано»?

— При мне ее там не было.

— Знаешь, где она живет?

— Нет. В последнее время она переезжала с места на место. Кто-то одолжил ей хижину, но я не знаю где.

— На какой машине она ездит?

— На открытой. Минувшей ночью она приезжала на ней.

— Ясно, — поморщился Трой. — Меня обычно окружают дураки и мошенники. Они так и ищут неприятности на свои головы, не правда ли? Ну и мы доставим им неприятности Падлер.

— Да, сэр.

— Шевелись! — приказал мне Трой.

Глава 22

Они подвели меня к машине. «Бьюик» Троя стоял рядом с ней. Грузовик уже уехал. Клод и коричневые люди исчезли. Оставалась темная ночь и печальная луна.

Падлер притащил из сарая веревку.

— Сложи руки за спиной! — приказал мне Трой.

Я не двигался.

— Руки за спину! — повторил он.

— Не мешайте мне выполнять свою работу. Если вы еще раз ударите меня, нашей дружбе придет конец.

— Вы слишком много болтаете, — проронил Трой. — Успокой его. Падлер.

Я обернулся к нему, но недостаточно быстро. Он ударил меня по шее ребром ладони. Боль пронзила мое тело, и вновь на меня обрушилась полная темнота. Очнувшись, я увидел, что лежу на полу своей машины между передним и задним сиденьем. Руки мои были связаны за спиной. На переднем сиденье, в отраженном свете фар, вырисовывалась широкая спина Падлера. Я попытался ослабить веревку, дергая и изгибая руки, пока не вспотел. Она была затянута туже, чем я думал. Оставив эту затею, я стал придумывать, как мне поступить.

Пустынными горными дорогами мы спустились к морю. Падлер поставил машину под брезентовый тент. Как только мотор заглох, стал слышен шум волн, набегавших на песок. Падлер поднял меня за воротник и поставил на ноги. Я заметил, что ключ зажигания он спрятал в карман.

— Не шуми, — предупредил он меня, — если еще не хочешь получить.

— Ты смелый парень, — ухмыльнулся я. — Нужно иметь немало мужества, чтобы избить человека, находящегося под дулом пистолета.

— Заткнись, паскуда.

Он ударил меня по лицу вспотевшей ладонью.

— Надо быть очень смелым, чтобы ударить человека со связанными руками.

— Заткнись, — угрожающе проговорил он, — или я заткну тебе пасть.

— Это не понравится мистеру Трою.

— Заткнись и пошевеливайся!

Он схватил меня за плечи, развернул и вытолкнул из-под брезента. Мы находились на прибрежном конце пирса, стоящего над водой на сваях. Позади нас на фоне неба вырисовывались темные силуэты нефтяных вышек. Ничто не двигалось, кроме волн и помпы на другом конце пирса. Мы направились туда. Падлер шел сзади меня. Доски под ногами были кривые и плохо подогнанные друг к другу. Сквозь щели просматривалась мрачная поверхность воды.

Когда мы отошли метров на сто от берега, я стал различать поднимающуюся и опускающуюся, словно коромысло, помпу. Рядом с ней находился сарай для инструментов, дальше было только море.

Падлер отпер дверь сарая, снял с гвоздя фонарь и включил его.

— Садись сюда, фраер.

Он качнул фонарем в направлении тяжелой скамьи, стоящей вдоль стены. С краю были привинчены тиски и находились разные инструменты: клещи, гаечные ключи и ржавый напильник.

Я уселся на скамью. Падлер закрыл дверь и поставил фонарь на бочку из-под масла. Его лицо, освещенное снизу, мало походило на человеческое. Его нельзя было винить в том, что он делает. Он был дикарем, случайно заброшенным в человеческие джунгли, машиной для драки. Но я обвинял его, и на это у меня были свои причины. Найдя способ, я должен был рассчитаться с ним.

— Тебе, наверное, немного неудобно? — обратился я к нему.

Он либо не услышал меня, либо не счел нужным ответить.

Он торчал у пирса, как пень, и не собирался отваливать.словно груда мяса перегораживал он мне путь к двери. Слушая стук и скрежет помпы и шум воды, разбивающейся внизу у свай, я обдумывал все, что было известно мне об этом первобытном человеке.

— Тебе, наверное, немного неудобно? — повторил я.

— Заткнись!

— Поступаешь, как с арестантом, да? Обычно все было наоборот, не так ли? Ты сидел в камере, а тебя стерегли.

— Я сказал заткнись!

— Как много тюрем ты повидал, кретин?

— Прекрати, ради Христа! — рявкнул он. — В последний раз предупреждаю.

Тяжело ступая, он приблизился ко мне.

— Нужна большая смелость, — продолжал я свое нытье, — чтобы бить человека, у которого связаны руки.

Он ударил меня ладонью по лицу.

— Твоя беда в том, что ты еще желторотый, — усмехнулся я. — Так говорила и Марти. Ты ведь и ее боишься, не так ли. Падлер?

Он стоял, загоразивая свет.

— Я убью тебя, слышишь, убью, если ты будешь продолжать! Я прикончу тебя, слышишь?

Слова быстро слетали с его губ. В уголках рта появилась слюна.

— Но мистер Трой будет недоволен. Он сказал тебе, что я должен остаться цел и невредим, помнишь? Так что ты ничего не сможешь со мной сделать, понял. Падлер?

— Я оборву тебе уши! — пригрозил он.

— Если бы у меня были свободны руки, ты бы не смог этого сделать, сопляк несчастный.

— Это кто сопляк?

Он вновь отвел назад руку для удара.

— Ты, трижды проклятая скотина! Это ты и есть, кретин поганый! Ты годишься только для того, чтобы избивать связанного человека!

Он не стал бить меня, а достал из кармана складной нож и открыл его. Его маленькие свинячьи глазки покраснели и извергали искры. Разговаривая, он брызгал слюной.

— Вставай! — приказал он. — Я покажу тебе, кто скотина и кто кретин.

Я повернулся к нему спиной. Он перерезал веревки, стягивающие мне кисти, и спрятал нож. Затем развернул меня к себе лицом и встретил быстрым ударом правой, который, к счастью, миновал мою голову. Я понимал, что силы у нас неравные. Изловчившись, я ударил его в зубы, и он отлетел в другой конец сарая.

Пока он возвращался, я схватил со скамьи напильник. Конец его был тупым, но выбирать не приходилось. Держа его в правой руке, я ударил Падлера в висок. Попятившись, он недоуменно пробормотал:

— Ты меня ударил...

— Сейчас ты ослепнешь, Падлер. Финский моряк в доках Сан-Педро научил меня, как ослепить противника.

— Я убью тебя!

Он двинулся на меня, как бык. Я бросился на пол и проскользнул мимо него, ударив в напильником в пах. Он нагнулся и стал шарить руками. Я бросился к двери. Падлер кинулся за мной и поймал меня в дверях сарая. Мы выскочили на пирс и упали в пустоту. Еще до падения в воду я успел сделать глубокий вдох. Мы медленно погружались в воду. Падлер яростно размахивал руками, но он уже успел нахлебаться воды. Я схватил его за ремень и держал, не отпуская. Он отбивался, словно раненый зверь. Я видел, как у него изо рта выходят пузырьки воздуха. В голове у меня звенело. Падлер вскоре затих.

Оттолкнувшись от него, я вынырнул на поверхность, сделал глубокий вдох и снова нырнул, погружаясь вниз в холодную воду, пока не зашумело в ушах. Падлера я не нашел. Шесть раз я нырял за ним, затем бросил поиски тела. Ключи от моей машины находились у него в кармане.

Когда я выбрался на берег, ноги меня не держали. Я очень устал и физически, и морально. Обессиленный, я растянулся на песке. Потом я поднялся на ноги. Нефтяные вышки все также вырисовывались на фоне светлеющего неба. Я влез по песчанок насыпи на дорогу и медленно направился к своей машине.

На раме, поддерживающей брезент, был прикручен кусок медной проволоки. Я оторвал его и соединил им провода зажигания. Двигатель завелся сразу.

Глава 23

Когда я добрался до Санта-Терезы, солнце уже поднялось над горами. С дороги, проходящей по каньону, дом Сэмпсонов казался игрушечным. Подъехав к нему, я ощутил зловещее молчание, которое царило над этим местом. Мне пришлось отцепить проволоку, чтобы заглушить мотор.

На мой стук дверь открыл Феликс.

— Мистер Арчер?

— А что, разве есть какие-нибудь сомнения?

— Вы попали в переделку, мистер Арчер?

— Как видишь. Моя сумка все еще в кладовой? У меня там смена одежды и запасные ключи от машины.

— Да, сэр. У вас разбито лицо, мистер Арчер. Вызвать врача?

— Не беспокойся, я обойдусь душем, если таковой имеется.

— Да, сэр, в гараже.

Он проводил меня в свои апартаменты и притащил мою сумку. Я принял душ в маленькой ванной и побрился, сбросил мокрую одежду. Это все, что я смог себе позволить, хотя мне очень хотелось растянуться на постели и поспать.

Когда я вернулся на кухню. Феликс расставлял на серебряном подносе сервиз для завтрака.

— Хотите что-нибудь перекусить, сэр?

— Бекон и яйца, если можно.

Он кивнул круглой головой.

— Как только управляюсь с этим, сэр.

— Для кого ты это готовишь?

— Для мисс Сэмпсон, сэр.

— Так рано?

— Она будет завтракать в своей комнате.

— С ней все в порядке?

— Не знаю, сэр. Она очень мало спала. Было уже за полночь, когда она возвратилась домой.

— Откуда?

— Не знаю, сэр. Она уехала сразу после вас.

— Она сама была за рулем?

— Да, сэр.

— На какой машине?

— На открытом «паккарде».

— Погоди, это кремовая машина?

— Нет, сэр, красная. Ярко-красная. Она проехала на ней около трехсот двадцати миль.

— Ты очень внимательно наблюдаешь за членами семьи, правда. Феликс?

Он вежливо улыбнулся.

— В моя обязанности входит следить за бензином и маслом в машинах, сэр, потому что тут нет постоянного шофера.

— Но тебе не очень нравится мисс Сэмпсон?

— Я ей предан, сэр.

Его непроницаемые черные глаза приняли обычное выражение.

— Она с тобой плохо обращается. Феликс?

— Нет, сэр. Но мои родственники — известные люди у нас на родине. Я приехал в США, чтобы поступить в Калифорнийский университет. Меня обидело подозрение мистера Грэйвса, потому что оно, по-моему, вызвано цветом моей кожи. Садовники также обиделись.

— Вы обсуждали это прошлой ночью?

— Да, сэр.

— Я не думаю, что это было причиной его подозрения.

Феликс вежливо улыбнулся.

— Мистер Грэйвс сейчас здесь?

— Нет, сэр. Я думаю, он у шерифа. Если вы позволите, сэр, я пойду.

Он водрузил поднос на плече.

— Ты знаешь номер его телефона? И разве ты не можешь говорить без «сэр» после каждого слова?

— Не могу, сэр, — ответил он с мягкой иронией. — 23-685.

Я набрал номер в кладовой и попросил Грэйвса. Заспанный дежурный сразу же позвал его.

— Грэйвс у телефона, — раздался его усталый голос.

— Это Арчер.

— Где ты был, черт возьми?!

— Потом расскажу. Нашли какой-нибудь след Сэмпсона?

— Пока нет, но все же кое-что сделали. Я работаю вместе с оперативной группой ФБР. Мы передали отпечатки пальцев в Вашингтон, и час назад пришел ответ. Он есть в картотеке ФБР. Это некий Эдди Лэсситер.

— Я сейчас перекушу и приеду. Я у Сэмпсонов.

— Пожалуй, тебе не стоит приезжать, — Берт понизил голос. — Шериф злится, что прошлой ночью тебя отпустили. Лучше я сам приеду к тебе.

Он положил трубку, и я открыл дверь на кухню. От сковородки с беконом исходил одурманивающий запах. Феликс переложил его на тарелку, достал хлеб, налил мне чашку кофе.

— У вас в доме все телефоны параллельные?

— Нет, сэр. Телефоны в центральной части дома на другой линии. Вы любите яйца вкрутую, мистер Арчер?

— Я съем любые, могу даже со скорлупой. А какой телефон соединен с тем, что находится в кладовой?

— Мистера Тэггерта.

— Мистер Тэггерт сейчас здесь?

— Не знаю, сэр. Кажется, я слышал, как он приехал ночью.

— Сходи и убедись, ладно?

— Да, сэр.

Он вышел из кухни через черный ход.

Буквально через минуту подъехала машина, и в кухню вошел Берт. Хотя он и растерял уже часть своей энергии, но передвигался по-прежнему быстро. Глаза его покраснели.

— Ты выглядишь, словно возвратился из ада, Лью.

— Только что оттуда. Ты привез карточку на Лэсситера?

— Вот она.

Он достал из кармана фотокопию и подал мне. Я прочел листок с убористым текстом:

«Заведена после суда для несовершеннолетних. Нью-Йорк. 28 марта 1923 года. Заявление отца: пропускает занятия в школе. Помешен в нью-йоркский католический институт для трудновоспитуемых 4 апреля 23 года. Освобожден 5 августа 25 года... Бруклинский суд, 9 января

28 года: кража велосипедов. Освобожден на поруки с испытательным сроком. Срок снят 12 ноября 29 года. Арестован 17 мая 1939 года: обвинен в использовании краденого банковского счета. Освобожден за недостатком улик... Арестован за угон машины 5 октября 36 года. Осужден на три года в Синг-Синге. Арестован с сестрой Бетти Лэсситер агентами отдела наркотиков 23 апреля 1943 года. Признан виновным в продаже кокаина, осужден на один год в Ливеноре. Арестован 3 августа 1944 года за участие в нападении на машину с зарплатой фирмы „Дженерал электрик“. Признан виновным, осужден на 10 лет в Синг-Синге. Досрочно освобожден под надзор 19 сентября 47 года. Скрылся в 1947 году».

Это были знаменательные вехи в биографии Эдди, этапы его жизненного пути, начиная с правонарушений в детстве и кончая насильственной смертью.

За моей спиной появился Феликс и сообщил:

— Мистер Тэггерт у себя в коттедже, сэр.

— Он уже встал?

— Да, он одевается.

— Как насчет того, чтобы перекусить? — спросил Берт.

— Сейчас, сэр.

— Ну, нашел тут что-нибудь полезное? — обратился ко мне Берт.

— Лишь одно, но оно стоит многого. У Лэсситера была сестра Бетти, которую арестовали вместе с ним за продажу наркотиков. В Лос-Анджелесе есть некая Бетти, она наркоманка и работает пианисткой в заведении Троя. Она называет себя Бетти Фрейли.

— Бетти Фрейли? — переспросил Феликс.

— Это тебя не касается, — неприязненно заявил Берт.

— Подожди минутку, — вмешался я. — Что насчет Бетти Феликс? Ты знаешь ее?

— Ее я не знаю, но видел ее пластинки в коттедже мистера Тэггерта. Я видел, когда вытирал там пыль.

— Ты правду говоришь? — спросил Берт.

— А почему я должен врать, сэр?

— Посмотрим, что на это скажет Тэггерт, — промолвил Берт и поднялся.

— Погоди, Берт, — я положил руку ему на плечо. — Не стоит лезть напролом. Даже если у Алана и имеются ее пластинки — это еще ничего не значит. Мы даже не знаем, действительно ли она сестра Лэсситера. Вполне вероятно, что Алан просто коллекционирует пластинки.

— У него довольно большая коллекция, — заметил Феликс.

Но Грэйвс упорствовал.

— Мы сейчас же должны взглянуть на них.

— Не сейчас. Тэггерт может оказаться дьявольски хитрым парнем, а мы не вернем Сэмпсона, если будем действовать напролом.

— Я взгляну на его пластинки, когда Тэггерт уйдет.

Он позволил мне усадить его на место и закрыл лицо руками.

— Это дело самое запутанное из всех, какие я только видел и о каких мне приходилось слышать, — заявил он.

Но Берт знал далеко не все об этом деле.

— А как насчет тревоги по поводу похищения Сэмпсона? — поинтересовался я.

Берт открыл глаза.

— Да, вчера в десять вечера. Мы оповестили дорожные патрули, ФБР, все отделения полиции и всех шерифов в округе до самого Сан-Диего.

— Лучше садись на телефон и объяви новый розыск. На этот раз Бетти Фрейли.

Берт иронически улыбнулся, выпятив свою массивную челюсть.

— Не будет ли это глупостью?

— В данном случае это просто необходимо сделать. Если мы быстро не разыщем Бетти, то кто-нибудь нас опередит. Кроме того, за ней охотится Трой.

Берт удивленно взглянул на меня.

— Откуда у тебя эти сведения, Лью?

— Я добыл их с большим трудом. Ночью я разговаривал с Троем.

— А если он тоже замешан в этом деле?

— Не если, а замешан. Думаю, что он хочет заполучить сто тысяч и знает, у кого они.

— Что ты знаешь о Бетти Фрейли? — Берт вынул из кармана записную книжку.

— Вот ее данные, — сообщил я. — Брюнетка, глаза серые, правильные черты лица. 157–160 сантиметров, возраст 25–30. Вероятно, употребляет кокаин. Худая, но хорошо сложенная и симпатичная.

Оторвавшись от своих записей, Берт взглянул на меня.

— Это еще одно предположение. Лью?

— Считай, что так. Ты можешь передать это?

— Да. Я уже иду.

Он направился к телефону в кладовой.

— Не по этому телефону. Берт. Этот прослушивается в коттедже Тэггерта.

Берт замер и повернулся ко мне с грустным видом.

— Ты, кажется, уверен на все сто, что Тэггерт с ними связан?

— А ты разве удивишься, если это окажется именно так?

— Нет, — ответил он и повернулся. — Я позвоню из кабинета.

Глава 24

Я сидел в холле, когда появился Феликс и сообщил мне, что Тэггерт завтракает на кухне. Затем он провел меня мимо гаража вверх по тропинке, переходящей в ряд каменных ступенек. Как только показался коттедж, он покинул меня.

Это был одноэтажный дом, стоящий среди деревьев задней стеной к склону. Дверь не была заперта. Я открыл ее и вошел внутрь. Стены гостиной были обиты деревом, в ней находились легкие кресла, проигрыватель, большой обеденный стол, заваленный журналами и пластинками. Из большого окна открывался вид на всю усадьбу и море, простирающееся до горизонта.

Я просмотрел все пластинки, но Бетти Фрейли не обнаружил. Затем я направился было к двери, чтобы еще раз поговорить с Феликсом, но тут вспомнил о черных дисках, накануне скакавших по воде, и Тэггерта, появившегося в плавках через несколько минут после этого.

Я вышел из коттеджа и по тропинке, протоптанной в траве, направился к морю. Внизу находилась раздевалка, и я вошел в нее. Там, на вбитом в стену гвозде, висела маска для ныряния. Сняв брюки, я натянул маску.

Над волнами гулял свежий морской бриз, гоня барашки по поверхности. Утреннее солнце грело мне спину, песок под ногами был теплым. Я постоял минутку на теплом песке, наблюдая за волнами. Они были голубые и искрящиеся, они изгибались, как женщины в минуты любовной страсти, но я боялся их. Море было холодное и опасное, оно скрывало утопленника.

Я медленно вошел в воду, надвинул маску и поплыл. Метрах в пятидесяти от берега, вне зоны прибоя, я перевернулся на спину и глубоко вдохнул. Качание на волнах и избыток кислорода слегка опьянили меня. Сквозь запотевшие стекла маски небо, казалось, вращалось, как волчок. Я опустил под воду голову и промыл запотевшие стекла.

На дне был чистый белый песок, над которым местами выступали камни. Рельеф песка был немного неровный, но это не мешало

различать предметы. Плавая зигзагами, я осмотрел метров пятнадцать, но ничего не заметил, кроме водорослей.

Через некоторое время я оттолкнулся ногами от дна, всплыл на поверхность и отдышался. Подняв маску, я заметил, что с берега за мной наблюдает мужчина. Он поспешно скрылся за беседкой, но я успел разглядеть его — это был Алан. Я сделал несколько глубоких вдохов и вновь нырнул. Когда я вынырнул, Тэггерта уже не было.

Вынырнув в третий раз, я был уже с пластинкой. Она наполовину зарылась в песок, но я сумел разглядеть этот черный диск. Прижав его к груди, я поплыл на спине к берегу. Там я заботливо, как мать вытирает ребенка, вытер диск полотенцем.

Алана я застал на веранде. Он сидел в парусиновом кресле спиной к двери. Загорелый, в фланелевых брюках и белой тенниске, он казался очень молодым. Его темные волосы были расчесаны на пробор. Он невозмутимо посмотрел на меня и по-мальчишески улыбнулся.

— Рад вас видеть, Арчер. Хорошо поплавали?

— Неплохо. Вода немного холодновата.

— Лучше выкупались бы в бассейне. Там вода всегда теплая.

— Я предпочитаю море. Всегда там что-нибудь да попадет. Смотрите, что я нашел на сей раз.

Алан взглянул на диск в моих руках так, точно только сейчас его заметил.

— Что это?

— Пластинка. Похоже, что кто-то содрал с нее наклейку и выбросил в море. Не пойму, зачем.

Алан бесшумно подошел ко мне.

— Дайте взглянуть.

— Не трогай, ты можешь сломать диск.

— Не сломаю.

Он потянулся за пластинкой, но я отвел руку.

— Стой спокойно, — предупредил я.

— Дайте мне ее, Арчер.

— Не дам.

— Я отниму ее у вас.

— Не стоит, — предупредил я. — Думаю, что я разделаю вас в два счета.

Долгие десять секунд он стоял и смотрел на меня, затем вновь уселся в кресло. Постепенно к нему возвращалось его очарование.

— Я шучу. Но мне страшно любопытно, что на этой штуке записано.

— Так же, как и мне.

— Тогда давайте проиграем ее.

Он подошел к столу и открыл квадратный ящик.

— Я сам поставлю, — заявил я.

— Хорошо, — согласился он.

Алан вновь уселся в кресло, вытянув перед собой ноги.

Я включил проигрыватель и поставил диск. Тэггерт выжидательно улыбался. Я был настороже, в ожидании какого-нибудь неверного жеста, нервного движения. Однако этот красивый парень не проявлял никаких признаков страха, он вообще никак не реагировал.

Диск был поцарапан. Среди шипения слышались звуки рояля. Нудно повторились три-четыре аккорда, украшенные затем их вариациями. Аккорды заполняли комнату и звучали подобно крикам в джунглях.

— Вам нравится эта музыка? — поинтересовался Алан.

— Ничего. При таком исполнении рояль превращается в ударный инструмент.

Диск кончился, и я перевернул его.

— Ты, кажется, интересуешься поп-музыкой. Не знаешь, кто записан на этом диске? — спросил я.

— Не знаю, по стилю похоже на Льюиса.

— Сомневаюсь. Мне кажется, это играет женщина.

Он замер, изобразив на лице удивление. Его глаза на мгновение сузились.

— Я не знаю ни одной женщины, которая бы так играла.

— А я знаю одну. Позавчера ночью я слышал ее в «Диком Пиано». Это некая Бетти Фрейли.

— Не слышал о такой.

— Перестань. Тэггерт, это ее пластинка.

— Да?

— Тебе лучше это знать. Ведь это ты выбросил диск в море. Скажи, зачем ты это сделал?

— Ответа не последует, потому что я этого не делал. Мне никогда не приходило в голову выкидывать хорошие пластинки.

— Думаю, тебе приходят в голову разные вещи. Например мысль о ста тысячах долларов.

Алан заерзал в кресле, его поза выдавала напряжение.

— Вы полагаете, что это я похитил Сэмпсона?

— Не ты лично. Я предполагаю, что вас целая компания: ты Бетти Фрейли и ее брат Эдди Лэсситер.

— Я о них в жизни не слышал.

Он глубоко вздохнул.

— Еще услышишь. С одной ты встретишься на суде, а о другом услышишь.

— Погодите, — раздраженно прервал Алан. — Вы нападаете на меня, потому что я выбросил эти диски?

— Так, значит, это твои пластинки?

— Конечно.

Его голос звучал искренне и трепетно.

— Я обнаружил, что у меня есть несколько дисков Бетти Фрейли, и избавился от них прошлой ночью после того, как услышал ваш разговор с полицией о «Диком Пиано».

— Ты всегда подслушиваешь чужие разговоры?

— Это произошло совершенно случайно. Я попал на ваш разговор, когда собирался позвонить.

— Бетти Фрейли?

— Говорю вам, что не знаю ее.

— Извини, я думал, что ты позвонил ей прошлой ночью, чтобы дать ей зеленый свет на убийство.

— Убийство?

— Убийство Эдди Лэсситера. Можешь не удивляться. Тэггерт.

— Но я ничего не знаю об этих людях.

— Ты знал достаточно, чтобы выбросить пластинки.

— Я слышал о ней и больше ничего. Знаю, что она играет в «Диком Пиано». Когда я услышал, что полиция интересуется этим заведением, то решил избавиться от этих дисков. Вы же знаете, как они цепляются ко всему.

— Не старайся одурачить меня, — усмехнулся я. — Невинному человеку никогда бы в голову не пришло выбрасывать эти пластинки.

Они ведь есть у многих, не так ли?

— Но я так подумал. Нельзя же подозревать меня из-за этого пустяка, мистер Арчер.

— А ты думал, что можно. Тэггерт. Ты не считал бы их уликой, если бы не был замешан в этом деле вместе с Бетти. К тому же ты избежал от них гораздо раньше, чем подслушал мой телефонный разговор, — до того, как Бетти вообще стала возникать в этом деле.

— Может быть, и так, — согласился Алан. — Но вам придется изрядно попотеть, чтобы доказать мою вину на основании этих дисков.

— Я и не собираюсь заниматься этим. Они навели меня на тебя и тем уже сослужили свою службу. Давай оставим в покое пластинки и потолкуем о более важном.

Я уселся в кресло напротив Алана.

— О чем это вы хотите поговорить?

Алан все еще прекрасно владел собой. Его озабоченная улыбка казалась естественной, голос звучал непринужденно. Лишь мускулы, слегка дрожащие под тенниской, выдавали его чувства.

— Поговорим о похищении. Оставим пока убийство. Похищение не менее серьезное дело в создавшейся ситуации. Я поведаю тебе свою версию об этом похищении, а затем выслушаю твою. Масса людей будет рада выслушать ее.

— Сожалею, но у меня нет никакой версии.

— А у меня есть. И скоро я проверю ее, если мне случайно не приглянется твоя. Для похищения у тебя больше возможностей и больше мотивов, чем у других. Ты был обижен тем, как обращался с тобой Сэмпсон. Тебе до слез было обидно, что у него куча денег, а у тебя их нет.

— Глупости, — возразил Алан.

— Теперь ты должен быть доволен. Половина выкупа — это пятьдесят тысяч, приличный куш.

Алан комически всплеснул руками.

— И я принес их сюда?

— Не такой уж ты болван. Но вел ты себя, как деревенский олух, Тэггерт. А городские проходимцы ловко провели тебя и использовали в своих целях. Ты, вероятно, никогда не увидишь своей доли.

Он готов был расколоться, и я пошел с козыря:

— Эдди Лэсситер позвонил тебе накануне в Лас-Вегас, когда ты летал туда с Сэмпсоном.

— Вы что, ясновидец, Арчер? Вы же сказали, что он мертв.

— Я достаточно ясно вижу, чтобы повторить, что ты сказал Эдди. Ты сообщил, что прилетишь в Бербенк с Сэмпсоном завтра, часа в три. Самонадеянность, Алан, никогда не приводила к добру. Затем ты сказал ему, чтобы он взял напрокат черный лимузин и ждал твоего звонка из аэропорта. Сэмпсон позвонил в «Валерио», а ты отменил заказ и вместо этого вызвал Эдди. Дежурная в отеле подумала, что это звонил Сэмпсон. Ты недурно копируешь его голос, не так ли?

— Продолжайте, — произнес Алан. — Я всегда был большим ценителем фантастики.

— Когда Эдди подъехал в черном лимузине к аэропорту, Сэмпсон, конечно, ничего не подозревая, сел в машину. У него не было причин для подозрений. Ты так напоил его, что у него и мысли не возникло обратить внимание на незнакомого водителя. Эдди мог спокойно справиться с ним, когда привез в укромное местечко. Чем воспользовался Эдди? Хлороформом?

— Вы же сами хотели рассказать вашу версию, или ваше воображение иссякло?

— История касается нас обоих. Звонок об отмене заказа чрезвычайно важный факт, Тэггерт. Этот демарш с твоей стороны, то есть звонок, выдвигает тебя на первый план. Никто больше не знал, что Сэмпсон будет звонить в «Валерио». Никто, кроме тебя, не знал, когда Сэмпсон прилетит из Невады. Ни у кого не было возможности предоставить Эдди накануне ночью подробную информацию. Никто, кроме тебя, не мог сделать все, что нужно.

— Я не отрицаю, что был с Сэмпсоном в аэропорту. Но там, кроме нас, находилось еще несколько сотен человек. Вы, как полицейский, хватаетесь за косвенные улики. А эти пластинки даже не являются косвенными уликами. У вас нет ничего против Бетти Фрейли, и вы не доказали даже мне, что между нами имеется какая-то связь. Сотни коллекционеров имеют ее пластинки.

Алан говорил спокойно, ясным голосом, но сам он начал волноваться. Его тело так напряглось, точно я загнал его в угол. Рот Алана кривился в уродливой гримасе.

— Эту связь легко доказать, — уверенно заявил я. — Вас наверняка когда-нибудь видели вместе. И не ты ли звонил ей ночью, когда обнаружил меня в «Валерио» вместе с Фэй Эстабрук? Ты ведь не Сэмпсона искал в дешевом «Диком Пиано», правда? Ты хотел встретиться с Бетти. Ты вызволил меня из лап Падлера, и я поверил, что ты на моей стороне. Настолько поверил, что принял за глупость твою стрельбу по синему грузовику. Ты ведь предупредил Эдди, не правда ли, Тэггерт? Ты будешь очень ловким парнем, если сумеешь доказать, что не участвовал в похищении. Глупость, правда, исключает ловкость.

— Если вы прекратите оскорблять меня через каждое слово, то мы вернемся к делу, — предложил Тэггерт.

Он все так же спокойно сидел в парусиновом кресле, но в руке его, вынырнувшей из-за спины, появился револьвер, который я уже видел ранее. Стендовый пистолет 32-го калибра, достаточно внушительный, чтобы у меня застучали зубы.

— Руки на колени! — приказал он.

— Вот не думал, что ты так легко сломаешься.

— А я и не сломался. Просто я обеспечиваю себе свободу действий.

— Моя смерть не обеспечит тебе ее, она обеспечит тебе газовую камеру. Убери пистолет, и мы обсудим наши дела.

— Нам нечего обсуждать.

— Ты ошибаешься, как обычно. Чего, по-твоему, я добиваюсь?

Он не ответил. С пистолетом в руке он успокоился, его лицо расслабилось. Это было уже лицо другого человека, холодного и равнодушного, лицо человека, не слишком высоко ценящего чужую жизнь.

— Я стараюсь найти Сэмпсона, — сказал я. — Если я смогу вернуть его, то все остальное меня не касается.

— Не пори чепухи. Арчер. Ты забыл, что говорил прошлой ночью: если что-нибудь случится с людьми, похитившими Сэмпсона, то ему будет конец.

— С тобой еще ничего не случилось.

— С Сэмпсоном тоже ничего не случилось.

— Где он?

— Там, где его не найдут, если я этого не захочу.

— Вы получили деньги, отпустите его.

— Так я и собирался сделать, Арчер. Я собирался вернуть его сегодня. Но теперь это откладывается на неопределенный срок. Если со мной что-нибудь случится, можете распрощаться с Сэмпсоном.

— Мы можем договориться.

— Нет! — возразил он. — Я не доверяю тебе. Мы должны выйти чистыми. Чистыми... — задумчиво повторил он и продолжил: — Неужели ты не понимаешь, что испортил все дело? На это тебя хватило, но тебя не хватит, чтобы мы вышли из этого дела чистыми. Я ничего не могу предложить вам, кроме этого.

Он взглянул на пистолет, направленный мне в живот, затем вновь на меня. В любой миг он мог выстрелить без подготовки и предупреждения. Ему лишь осталось нажать на спуск.

— Подожди, — прохрипел я.

У меня сдавило горло, на теле выступил холодный пот, руки судорожно вцепились в колени.

— Не в наших интересах это откладывать, — холодно проронил он, вставая и направляясь ко мне.

Сидя, я переместил центр тяжести своего тела вперед. Если от меня не отвернется счастье, с первого выстрела он меня не убьет. Между первым и вторым выстрелом я доберусь до него. Подобрал под себя ноги, я быстро заговорил:

— Если вы вернете Сэмпсона, я обещаю оставить вас в покое и никому ничего не рассказывать. Прикинь свои шансы.

— Я уже взвесил, Арчер, но выводы не в твою пользу.

Он поднял руку с пистолетом. Перед решающим прыжком я взглянул в сторону, чтобы отвлечь его внимание. Когда я уже оторвался от скамьи, прогремел выстрел. Тело Тэггерта рухнуло, оружие выпало из его рук. Он так и не успел выстрелить.

В дверях стоял Берт со вторым пистолетом из пары Тэггерта.

— Жаль, — сокрушенно пробормотал он, — но другого выхода не было.

Глава 25

Кровь постепенно прилиwała к моему лицу. Я подхватил обмякшее тело Тэггерта и уложил его на ковер. Его черные глаза были открыты и блестели. Они не прореагировали на прикосновение моих пальцев. На его правом виске было маленькое бескровное отверстие.

Грэйвс стоял позади меня.

— У него даже не было предсмертных судорог. Быстрая и аккуратная работа.

— Приходилось выбирать: или ты, или он.

— Понимаю, — проронил я, — но я предпочел бы, чтобы ты выбил у него из рук оружие или выстрелил в воздух, или же на худой конец прострелил ему руку.

— Я боялся промахнуться. У меня не было практики после армии, — губы его кисло скривились, одна бровь поднялась. — Ты грязный сукин сын, Арчер! Я спас тебе жизнь, а ты еще критикуешь.

— Слышал, что он говорил?

— Да, он похитил Сэмпсона.

— Но он был не один. Его компаньонам это не понравится, и они отыграются на Сэмпсоне.

— Значит, он жив?

— По словам Тэггерта, да.

— Кто же с ним работал?

— Эдди Лэсситер и Бетти Фрейли. Возможно, кто-нибудь еще. Ты сообщишь в полицию?

— Конечно.

— Попроси их помалкивать.

— Я не стыжусь этого, Лью, — резко проговорил он, — хотя ты, кажется, так думаешь. Ты ведь знаешь, что это было необходимо, и закон оправдает меня.

— Взгляни-ка на это лучше со стороны Бетти Фрейли, а не закона. Когда она узнает, что ты сделал с ее сообщником, она продырявит голову Сэмпсону. Зачем ей оставлять его в живых? Выкуп она уже получила...

— Ты прав, — согласился Берт. — Надо постараться, чтобы это не попало в газеты.

— И нам необходимо разыскать ее, прежде чем она доберется до Сэмпсона. Подумай сам, Берт. Она опасна, и мне кажется, что она была влюблена в Тэггерта.

— И она тоже? — удивился он и после паузы добавил: — Я вот думаю, как воспримет это Миранда.

— Очень болезненно. Она была от него без ума, не так ли?

— Думаю, да. Миранда молода и романтична, как тебе известно. У Тэггерта было все, что ей нравилось: молодость, привлекательная внешность и война за плечами. Это будет для нее сильным ударом.

— Ты знаешь, он удивил меня. Я считал его приятным парнем, немного эгоистичным, но надежным.

— Ты плохо знаешь этот тип людей, — заявил Грэйвс. — Я видел, как подобное происходило и с другими парнями, правда не в такой крайней форме. Они попали на войну еще мальчиками и были там хороши. Война была их стихией, и, когда она кончилась, то с нею кончилась и их жизнь. Они поступили на работу и стали получать приказания от штатских, стали возиться с авторучками и сломанными автомобилями вместо штурвалов самолетов и автоматов. Некоторые не смогли с этим примириться и пошли по плохой дороге. Они жаждали преуспеть, быть свободными и счастливыми, не прилагая для этого ни малейших усилий. Все это наследие войны.

Он взглянул на труп. Глаза Алана все еще были открыты. Я нагнулся и закрыл их.

— Мы становимся сентиментальными, — заметил я. — Давай выйдем отсюда.

— Сейчас, — Берт положил руку мне на плечо. — Я хочу попросить тебя об одной услуге, Лью.

— Какой?

— Боюсь, — неуверенно начал он свои объяснения, — что, если я расскажу об этом Миранде, она не поймет, что я сделал это не специально. Понимаешь, она может не поверить мне.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал ей?

— Обстоятельства вынуждают меня просить об этом.

— Ладно, я сделаю это, — проворчал я. — Ты спас мне жизнь.

Миссис Кромберг убирала пылесосом большую переднюю.

Заметив меня, она выключила пылесос.

— Мистер Грэйвс нашел вас?

— Да, нашел.

Ее лицо вытянулось.

— Что-то случилось?

— Все уже позади. Не знаете, где Миранда?

— Несколько минут назад она была в гостиной.

Она провела меня туда. Миранда стояла у окна, выходящего во дворик. В ее руках были нарциссы, она расставляла их в вазе. Яркие цветы живописно выделялись на фоне ее темного костюма. Единственной цветной вещью на ней был шелковый шарф поверх черного шерстяного свитера. Под ее одеждой четко вырисовывались небольшие упругие груди, которых коснулся мой нескромный взгляд.

— Доброе утро, — сказала она. — Надеюсь, ничто не омрачит.

— Разделяю ваши чувства.

Под ее глазами были синие круги.

— У меня есть для вас сравнительно хорошие новости.

— Сравнительно? — она подняла голову, но лицо ее оставалось печальным.

— У нас есть основания полагать, что ваш отец жив.

— Где он?

— Не знаю.

— Тогда откуда вы узнали, что он жив?

— Точно я не знаю, могу лишь предполагать. Я разговаривал с одним из его похитителей.

Девушка подсела поближе и схватила меня за руку.

— Что он сказал?

— Что ваш отец жив.

Миранда выпустила мою руку.

— Вы можете повторить мне, что они сказали? Они наверняка клялись, что он жив. Что они хотели? Они, конечно, звонили по телефону, да?

— Я говорил только с одним из них с глазу на глаз.

— Вы разговаривали с ним и позволили уйти?

— Я не дал ему уйти. Он мертв. Это Алан Тэггерт.

— Но этого не может быть! Я... — ее нижняя губа опустилась, обнажив ряд красивых зубов.

— Почему этого не может быть?

— Он не мог этого сделать. Он был хороший. Алан всегда был честен со мной... с нами.

— Пока не появился великий шанс. Больше всего на свете он обожал деньги. Ради них он решился на убийство.

— Вы же сказали, что Ральф жив.

— Да, Тэггерт не убивал вашего отца. Он пытался застрелить меня.

— Раньше он не был таким, — решительно заявила она. — Эта женщина свела его с ума. Я знала, что она погубит его, если он будет продолжать с ней встречаться.

— Тэггерт рассказывал вам о ней?

— Конечно, рассказывал. Он ничего от меня не скрывал.

— Вы все знали и любили его?

— Разве я говорила, что любила его? — ее губы сжались, а затем гордо скривились.

— Мне так показалось.

— Этого глупого простофилю? Я просто развлекалась с ним.

— Прекратите лгать! — жестко отрезал я. — Ни меня, ни себя вы не одурачите, только сделаете себе хуже.

Прижав руки к груди, Миранда застыла. Она стояла подобно дереву, пораженному молнией и едва сдерживающему напор ветра. Затем она шагнула в мою сторону, наступив на упавшие цветы. Ее губы, как и ее тело, прижались ко мне.

— Спасибо за то, что вы убили его, Арчер, — мягко проговорила она.

Обняв ее за плечи, я тихонько отстранил ее от себя.

— Вы ошибаетесь, я не убил его.

— Вы же сказали, что он мертв и что он пытался убить вас.

— Его застрелил Альберт Грэйвс.

— Альберт? — она истерично хихикнула. — Это сделал Альберт?

— Он меткий стрелок. Мы часто тренировались с ним в стрельбе по мишени, — сообщил я. — Если бы не он, меня бы сейчас не было с вами.

— Вам нравится быть со мной?

— Это вызывает у меня легкую досаду. Стараешься примириться с фактами, но не можешь пересилить себя.

Она медленно опустила взор и стала похожа на обезьянку, насколько допустимо подобное сравнение по отношению к красивой девушке.

— А когда я поцеловала вас, это тоже вызвало у вас досаду?

— Я бы этого не сказал, но я был смущен.

— Вы хотите сказать, что это вызвало у вас тошноту? — спросила она с обезьяньей гримаской.

— Вам надо расслабиться и хорошенько поплакать, иначе вы сойдете с ума.

— Я всегда принадлежала к шизоидному типу, — призналась Миранда. — Но почему я должна рыдать, господин доктор?

— Узнаете позже.

— Вы не принимаете меня всерьез, Арчер?

— Я не могу заставить себя сунуть руку в расщепленное дерево.

— Боже мой! Я сумасшедшая, я расщепленное дерево! Вы и в самом деле думаете так обо мне?

— Сам не знаю. Наверное, я бы лучше вас понял, если бы вы рассказали мне, куда ездили прошлой ночью.

— Никуда я не ездила. Я просто каталась, так как хотела побыть наедине со своими мыслями.

— О чем же вы думали?

— О том, что мне делать дальше. Знаете, что я хочу сделать, Арчер?

— Не знаю, а вы знаете?

— Я хочу повидать Альберта. Где он?

— В коттедже, где все это случилось. Тэггерт тоже там.

— Проводите меня к Альберту.

Мы нашли его на застекленной террасе, стоящим возле трупа Алана Тэггерта. Здесь же находились шериф и окружной прокурор. Они уставились на Тэггерта, одновременно слушая рассказ Берта. Все трое встали, увидев Миранду.

Она спокойно перешагнула через тело Алана и подошла к Берту, даже не взглянув на покойника. Потом взяла руку Берта и поднесла ее к губам. Она расцеловала его правую руку, которая нажала на спусковой крючок.

— Теперь я выйду за тебя! — заявила Миранда.

Предвидел это Грэйвс или нет, но у него была причина прострелить Алану голову.

Глава 26

Некоторое время все стояли молча. Новоявленные жених с невестой взирали на тело убитого, остальные беззвучно смотрели на них.

— Вам лучше уйти отсюда, Миранда, — произнес наконец Грэйвс и взглянул на прокурора. — Извините нас, но мисс Сэмпсон лучше не слышать об этом.

— Идите с ней, Берт, — сказал Хэмфри.

Пока один из подчиненных писал протокол, а другой фотографировал труп, Хэмфри расспрашивал меня о подробностях. Его вопросы были точны и лаконичны. Я рассказал ему, кто такой Тэггерт, как он был застрелен и почему это было необходимо сделать. Шериф молча слушал, пожевывая сигару.

— Расследование покажет, — заметил Хэмфри. — Конечно, вы с Бертом ни в чем не виноваты. В руках Тэггерта находилось оружие, и он намеревался пустить его в ход. К сожалению, этот выстрел существенно испортил ситуацию. У нас практически не осталось доказательств.

— Вы забыли про Бетти Фрейли.

— Нет, не забыл. Но ее трудно найти, и, если даже это удастся, у нас нет уверенности в том, что она знает, где Сэмпсон. Ситуация по-прежнему не прояснилась, и мы сегодня ничуть не ближе к истине, чем вчера. Вся проблема в том, что необходимо срочно разыскать Сэмпсона.

— И сто тысяч долларов, — добавил Спейпер.

Хэмфри раздраженно взглянул на него.

— Деньги, по-моему, на втором месте.

— Все верно, но сотня тысяч — это изрядная сумма, — Спейпер оттопырил нижнюю губу и уставился на меня. — Если вы закончили с Арчером, то позвольте мне побеседовать с ним.

— Пожалуйста, — согласился Хэмфри. — Мне пора возвращаться в город.

Он забрал тело Алана с собой. Когда мы остались вдвоем шериф тяжело поднялся и встал возле меня.

— В чем дело, шериф?

— Может быть, вы кое-что мне расскажете, — он сложил на груди толстые руки.

— Я уже рассказал все, что знал.

— Может, и не все. Вы не рассказали о минувшей ночи. Я услышал об этом сегодня утром у Коултона. Он сообщил, что машина, в которой ездил Лэсситер, была взята напрокат в Пасадене, и что вы знали об этом, — Спейпер повысил голос, словно хотел ошеломить и запугать меня. — Вы не сообщили нам о том, что видели эту машину раньше, еще до того, как было получено письмо от похитителей.

— Я видел похожую, но не думал, что это та самая.

— Но вы все же предполагали, сказав об этом Коултону. Вы передали эту информацию полицейскому, который не мог ее использовать, так как это не его округ. А мне вы почему-то не сообщили. Если бы вы сказали нам об этом, мы бы схватили его. Предотвратили бы убийство и вернули деньги.

— Но не Сэмпсона, — буркнул я.

— Не вам об этом судить, — Спейпер покраснел от злости. — Вы скрыли это и помешали мне четко исполнить свои обязанности. Вы утаили важную информацию. После того как Лэсситер был убит, вы исчезли. В это же самое время исчезли и деньги.

— Мне не нравится ваш намек.

Я поднялся. Спейпер был высокого роста, и наши глаза оказались на одном уровне.

— Вам это не нравится! Думаете, мне это нравится? Я не сказал, что вы взяли деньги — это еще надо доказать. Я не говорю, что вы застрелили Лэсситера, я говорю, что вполне могли это сделать. Мне нужен ваш пистолет, и я хочу знать, что вы делали, когда мой помощник догнал вас. И еще я желаю знать, что вы делали потом.

— Я искал Сэмпсона.

— Вы искали Сэмпсона, — повторил он с иронией. — И вы думаете, я поверю вам на слово?

— Можете не верить. Я работаю не на вас.

Он выпрямился, упершись руками в бока.

— Если вы намерены ссориться, я сейчас же укрошу ваш нрав.

Мое терпение лопнуло.

— Сейчас не очень подходящее время для этого, но вы сами затеваете ссору.

— Вы знаете, с кем вы разговариваете?

— С шерифом. С шерифом, на котором висит трудное дело и у которого пусто в голове. Вы похожи на упрямого козла.

Спейпер побледнел.

— Об этом станет известно в Сакраменто, — заикаясь от злости, прошипел он, — когда кончится ваша лицензия.

— Это я уже слышал не раз. Я все равно буду продолжать свою работу и скажу вам, почему. У меня незапятнанная репутация, и я не задеваю людей, пока они не трогают меня.

— Стало быть, вы мне угрожаете? — он расстегнул кобуру. — Вы арестованы, Арчер!

Я сел, положив нога на ногу.

— Спокойнее, шериф. Сядьте и успокойтесь. У нас есть о чем поговорить.

— Я поговорю с вами в полиции.

— Нет, здесь, — возразил я. — Или отвезите меня к иммиграционному инспектору.

— Какое он имеет к этому отношение?

Спейпер прищурился, стараясь казаться проникательным, но его лицо выражало замешательство.

— Разве вы иностранец?

— Я уроженец здешних мест. Здесь, в городе, есть такой инспектор или нет?

— В Санта-Терезе нет. Ближайший — в федеральной конторе, в Вентуре. Но зачем он вам?

— Вы часто имели с ним дело?

— Много раз, когда я проверяю нелегально пребывающих у нас иностранцев, то обращаюсь к нему. Вы хотите меня одурачить, Арчер?

— Сядьте. Я не скажу вам, что делал прошлой ночью, зато сообщу вам кое-что другое. Это осчастливит вас и инспектора. Я дарю это вам от чистого сердца.

Он тяжело опустился в кресло. Его злость постепенно испарялась, уступая место удивлению.

— О чем это вы?

Я рассказал ему о крытом синем грузовике, о коричневых людях в храме, о Трое, Эдди и Клоде.

— Трой — глава банды, в этом я уверен. Остальные ему помогают. Они нелегально переправляют мексиканцев точно по расписанию от мексиканской границы к району Бейкесфилда.

— Да, это такие места, где легко можно перейти границу, — согласился Спейпер. — Я был там несколько месяцев назад вместе с пограничниками. Там ничего не стоит проползти под проволочным заграждением с одной дороги на другую.

— А там их уже поджидает грузовик Троя. Храм используется как перевалочный пункт для нелегальных иммигрантов. Бог знает, сколько их там перебивало. Прошлой ночью там было двенадцать мексиканцев.

— Они все еще там?

— Сейчас они в Бейкесфилде, но я полагаю, что на них можно организовать облаву. Если вам удастся поймать Клода, я почти уверен, что он заговорит.

— Боже! — воскликнул Спейпер. — Если они перевозят по двенадцать за ночь, то получается триста шестьдесят в месяц. Вы знаете, сколько за это платят?

— Нет.

— Приблизительно около ста долларов за каждого. Этот Трой делает большие деньги.

— Грязные деньги. Бедных мексиканцев перевозят как скотину, отбирают у них документы и делают из них бесправных батраков.

Шериф подозрительно посмотрел на меня.

— Не забывайте, что они тоже нарушают закон. Однако мы их не наказываем, если только они не совершили уголовных преступлений. Мы отвозим их обратно, на границу, и отпускаем. Но Трой со своей бандой — это другой разговор. Их дела пахнут тридцатью годами каторжной тюрьмы.

— Вот и прекрасно.

— Вы не знаете, где бывает он в Лос-Анджелесе?

— В заведении под названием «Дикое Пиано», но теперь он не покажет туда и носа. Я рассказал вам все, что сам знаю.

Правда, умолчал о гангстере, которого утопил, и о блондинке, поджидавшей Эдди.

— С вами, кажется, полный порядок, — медленно проговорил шериф. — Можете забыть мои слова об аресте. Но если ваше сообщение окажется липой, то я снова вспомню про вас.

Я не ожидал благодарности, а поэтому и не был разочарован.

Глава 27

Я остановил машину на дороге под эвкалиптами. В пыли все еще виднелись следы шин грузовика. Внизу на дороге, задом к ограде, стоял «седан», покрытый пылью. На регистрационной карточке, прикрепленной к рулю, я прочитал имя: «Марчелла Финч».

Вчера при лунном свете домик казался белым, а теперь, в лучах полуденного солнца, он выглядел низким, ветхим, заброшенным — грязное пятно на фоне голубого неба. Вокруг все замерло, все было неподвижно, кроме волн на море и травы, шевелящейся от ветра. Мелкая пыль приглушала мои шаги.

Я постучал в дверь, она со скрипом приоткрылась.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Гм... — промычал я, но ничего не ответил. Я не входил и ждал: у нее могло быть оружие.

— Есть там кто-нибудь? — повысила голос женщина.

— Эдди, — тихо проговорил я.

Эдди уже не мог говорить, но я воспользовался его именем.

— Эдди? — тихо и удивленно спросила она.

Я ждал. Ее шаги прошелестели по полу, затем появились ее руки. Я схватил ее.

— Эдди!!!

Ее лицо, выглянувшее из-за двери, выражало отчаяние и безнадежность. Слепленная солнцем, она прищурилась в надежде увидеть Эдди.

Марти здорово постарела за эти двенадцать часов. Под глазами у нее появились круги, а в уголках рта — морщины. Бесплодное ожидание Эдди надломило ее. Внезапно ее лицо перекосилось от бешенства. Ногтями она вцепилась в мою ладонь и закричала:

— Подлый обманщик!

Ее слова резанули меня, но все-таки это была не пуля. Я поймал ее за другую руку и втолкнул в дом, захлопнул за собой дверь ногой. Она попыталась ударить меня коленом, но я ловко увернулся и усадил ее на кровать.

— Я не хочу причинить тебе вреда, Марти.

Она закричала мне что-то в лицо, но ее крик перешел в сухой кашель. Она упала лицом вниз на кровать, зарывшись в одеяло. Ее тело ритмично вздрагивало в предчувствии горя. Я стоял над ней, терпеливо слушая ее рыдания.

Тусклый свет проникал сквозь грязные окна, отражаясь на серых стенах и ветхой мебели. За кроватью, на старом портативном радиоприемнике, лежала коробка спичек и пачка сигарет. Через некоторое время Марти поднялась и, закурив коричневую сигарету, глубоко затянулась. На ее груди запахнулся халат, но она не поправляла его, словно теперь это не имело значения.

Слова, срывающиеся с ее губ вместе с дымом, были полны презрения:

— Я должна устраивать истерику, чтобы доставить удовольствие легавому!

— Я не легавый.

— Ты знаешь, как меня зовут. Я все утро ждала блюстителей закона. — Марти взглянула на меня с холодным презрением и любопытством. — До чего же ты подлый, ублюдок! Расправился с безоружным Эдди и теперь называешь себя его именем. На минуту ты заставил меня поверить, что по радио ошиблись, а оказалось, что это блефовал ты, подонок! Разве можно быть еще подлее?!

— Можно, но не очень. Я опасался, что ты встретишь меня с оружием в руках.

— У меня нет оружия. Ни я, ни Эдди никогда не имели пистолетов. Вы бы не пришли сюда, если бы в тот вечер Эдди был вооружен. Теперь вы пляшете от радости на его могиле! — ее слегка повизгивающий голос опять сорвался. — Может быть, мне сплясать для тебя, ищейка?

— Заткнись на минуту и выслушай меня, Марти.

— С радостью, с радостью, — в ее голосе вновь зазвучал металл. — Начинайте. Можете запереть меня и выбросить ключ. Вы ничего от меня не узнаете!

— Хватит валять дурака, Марти. Опомнись.

Она рассмеялась и выпустила в меня клуб дыма. Я отобрал у нее сигарету и растоптал ее ногой. Алые ногти метнулись к моему лицу. Я сделал шаг назад, и она упала на кровать.

— Ты ведь тоже имеешь к этому отношение, Марти. Ты отлично знала, чем занимается Эдди.

— Я все буду отрицать. Он просто водил грузовик и перевозил бобы из долины, — она вдруг встала и скинула с себя халат. — Отвези меня в полицию и кончим дело. Я буду все отрицать.

— Я не работаю в полиции.

Когда она, надевая через голову платье, подняла руки, ее груди напряглись, и я увидел ее упругий белый живот с черным холмиком волос внизу.

— Нравится? — спросила она, после чего со злостью одернула платье и застегнула его на все пуговицы.

— Сядь! — приказал я. — Мы никуда не поедем. Я пришел сюда, чтобы сказать тебе кое-что.

— Разве вы не сыщик?

— Не повторяйтесь, как Падлер, и слушайте. Мне необходимо найти Сэмпсона. Я частный детектив и меня наняли, чтобы его найти. Кроме него, мне ничего не нужно. Понимаете? Если вы поможете мне найти его, я оставлю вас в покое.

— Ты подлый обманщик! Я не верю никаким ищейкам и частным детективам. Во всяком случае, я не знаю, где Сэмпсон.

Я внимательно посмотрел в ее карие глаза: они были безучастны, и я не смог определить, говорит она правду или нет.

— Вы не знаете, где Сэмпсон?

— Я же сказала, что не знаю.

— Но вы знаете, кто это знает.

Она села на кровать.

— Я не знаю, черт возьми! Я уже сказала вам.

— Эдди не мог сделать все один. У него были сообщники.

— Он делал все один. Неужели вы воображаете, что я предам? Что буду работать на легавых после того, что они сделали с Эдди?

Я уселся в кресло и закурил.

— Я скажу вам одну интересную вещь. Я был там, когда застрелили Эдди. В это время поблизости не было ни одного полицейского, не считая меня.

— Значит, это вы убили его? — тихо спросила она.

— Нет. Он остановился на боковой дороге, чтобы кому-то передать деньги. К нему подъехала женщина в открытой машине

кремового цвета. Она же и застрелила его. Где она сейчас может быть?

Глаза Марти заблестели, красный кончик языка непрерывно облизывал губы.

— Она обманывала нас, — пробормотала Марти себе под нос. — Они все ненавидели нас, сволочи.

— Вы собираетесь сидеть здесь и ничего не делать, Марти? Где они или она?

— Я не понимаю, о ком вы говорите.

— О Бетти Фрейли.

Она долго молчала и потом упрямо повторила:

— Я не понимаю, о ком вы говорите.

Я оставил ее сидящей на кровати и вернулся к бару «Уголок». Поставив машину на стоянку, я опустил солнечный козырек: Марти знала меня в лицо, но не видела мою машину.

Около получаса дорога на Уайт-Бич была пуста, затем вдали показалось облако пыли, поднимаемое зеленым «седаном». Машина свернула на юг, к Лас-Вегасу, но я успел разглядеть хорошенькое личико, кусочек серого меха, агрессивно вздернутое ярко-голубое перышко на шляпке. Одежда, косметика и полчаса уединения преобразили Марти.

Пропустив две или три машины, я выехал на шоссе. Максимальная скорость «седана» не превышала восьмидесяти километров в час, поэтому мне не стоило труда держаться за ней. Во время этой поездки у меня была лишь одна забота — не заснуть за рулем. Когда мы приблизились к пригороду Лос-Анджелеса и движение усилилось, я сократил дистанцию.

Внезапно зеленый «седан» свернул с главного шоссе на бульвар Сансет и, не останавливаясь, проехал по Пасификс-Палисадс. Оставляя позади себя синеватый дымок, она медленно направилась к холмам у подножия гор Санта-Моники. У Беверли-Хиллз машина неожиданно свернула с бульвара и скрылась из виду.

Я поехал следом по дороге, извивавшейся между изгородями. Зеленый «седан» остановился за живой изгородью у въезда на песчаную дорогу. Проезжая мимо, я увидел Марти, проходившую через лужайку к кирпичной веранде, скрытой среди деревьев. Казалось, какая-то неумолимая сила влекла ее вперед.

Глава 28

Свернув на ближайшую дорогу, я в ожидании событий остановился на обочине. Время текло медленно. Для разнообразия я открыл дверцу машины и поставил ногу на землю, но, услышав шум мотора, убрал ее и пригнулся за рулем. Двигатель «бьюика» взревел, а потом вновь заглох. Неожиданно раздался низкий звук, и на дорогу выехал черный «бьюик». За рулем сидел незнакомый мужчина. Его глаза на мясистом лице были похожи на изюмины в тесте. Рядом с ним сидела Марти. Задние окна были задернуты занавесками, словно у катафалка.

С бульвара «бьюик» свернул к морю. Я старался держаться к нему как можно ближе. Затем он свернул направо, на дорогу, поднимающуюся в горы, которая вела к каньону. У меня возникло чувство, что осталось проехать не так уж много миль в деле Сэмпсона. Подъехав к западному каньону, я увидел, что дорога обрывается. По склону рос частый кустарник. Выше и справа от меня виднелся ряд домиков, казавшихся пустыми.

С вершины холма я увидел «бьюик», преодолевавший следующий подъем. Я разогнался на спуске, проехал по узкому каменному мосту через высохшее русло ручья и поднялся на холм. «Бьюик» медленно полз по другому склону. Постепенно он уменьшался до размеров большого черного жука. Направо тянулась дорога, представлявшая собой две глубокие колеи. «Бьюик» притормозил и свернул с нее в сторону.

Я остановил машину за деревом, которое могло скрыть ее от посторонних взглядов, и стал наблюдать за «бьюиком». Он остановился возле домика, издали похожего на желтую спичечную коробку. Из дома вышла женщина с темными волосами. Двое мужчин и две женщины вылезли из «бьюика» и подошли к ней. Затем все пятеро скрылись в доме.

Выйдя из машины, я пробрался сквозь заросли к высохшему ручью на дне каньона и пошел по нему. На его крутых склонах, по обе стороны от меня, разбегались ящерицы. Суковатые деревья на берегу скрывали меня, пока я не приблизился к домику.

Он был деревянный, некрашенный, на низких сваях.

Внутри дома кричала женщина. Ее крик был громкий и продолжительный. Это действовало мне на нервы, но теперь стало ясно, что за звуки доносились до меня, когда я пробирался к домику.

Через некоторое время крики прекратились. Я лег на землю и прополз под домик, слыша скрип половиц над своей головой. Затем мягким голосом заговорил мужчина:

— Вы не совсем представляете ситуацию. Вам, видимо, кажется, что нами руководят садизм или жажда мести. Но если бы только это двигало нами, мы могли бы уже удовлетвориться.

— Кончай, ради Христа! — послышался голос Эстабрук. — Так мы ничего не добьемся.

— Я поясню свою точку зрения, если не возражаете. Она состоит в том, Бетти, что вы поступили очень скверно. Вы стали действовать самостоятельно, не посоветовавшись со мной, чего я не терплю от своих сотрудников. Еще хуже то, что вы вели себя неосмотрительно и провалили дело. Теперь вас разыскивает полиция, и вместе с вами меня, Фэй и Луиса. Вы пошли на ваш паршивый заговор, не заручившись моей поддержкой и, в довершение всего, показали свою сущность. Нарушили принцип не оставлять трупов и даже пошли на убийство брата.

— Хватит заливать. Мы уже знаем твою ученость, — прервала его Фэй. — Кончай это, Трой.

— Я не убивала его! — крикнула женщина.

— Врешь! — завизжала Марти.

Трой повысил голос.

— Тише, вы! Что было, то было. Ничего не поделаешь, Бетти...

— Я сама убью ее, если этого не сделаете вы, — заявила Марти.

— Чепуха, Марти! Ты будешь делать то, что я прикажу. У нас есть шанс отыгаться, и мы должны сдерживать свои примитивные чувства, не нарушить все планы. Это сулит нам приятный сюрприз, не правда ли, Бетти? Я не знаю, где деньги, но намереваюсь это выяснить. Этим вы купите себе жизнь и свободу, так что говорите.

— Она не должна жить! — снова вмешалась Марти. — Я убью ее, если вы этого не сделаете.

Фэй презрительно рассмеялась.

— У тебя кишка тонка, дорогая. Ты не позвала бы нас, если бы у тебя хватило смелости прикончить ее.

— Кончайте препираться!

Трой понизил голос, спокойно продолжая монолог. Он говорил, как джентльмен.

— Знаете, Бетти, я согласен с Марти. Давайте договоримся по-хорошему. Вы можете избавить себя от многих неприятностей, в противном случае, вы серьезно рискуете. Возможно, вы всю оставшуюся жизнь не будете ходить. Думаю, я могу вам это пообещать.

— Я ничего не скажу, — упорствовала Бетти.

— Но если вы станете с нами сотрудничать, — вкрадчиво продолжал Трой, — то ваши интересы будут защищать наши люди. Этой же ночью мы переправим вас за границу. Вы знаете, что я и Луис можем это сделать.

— Вы не станете этого делать, — возразила Бетти. — Я же отлично вас знаю, Трой.

— Сейчас ты узнаешь еще лучше, ненаглядная. Сними с нее другую туфлю, Луис.

Бетти судорожно забилась на полу. Мне было слышно ее тяжелое учащенное дыхание. Снятая туфля ударилась об пол. Я взвесил свои шансы, желая прекратить это издевательство. Их было четверо — слишком много для одного моего пистолета. Но Бетти Фрейли должна остаться в живых.

— Сейчас проверим подошвенный рефлекс. Так, кажется, это называется.

— Мне это не нравится! — воскликнула Фэй.

— Мне тоже, дорогая. Я бы с радостью избежал этого, но Бетти оказалась ужасно упрямой.

На мгновение воцарилось молчание, затем послышались ужасающие крики. Когда они затихли, я обнаружил, что вгрызся зубами в землю.

— У вас прекрасный подошвенный рефлекс, — произнес Трой. — Жалко, что твой язык действует не так хорошо. — Он умолк, а потом добавил: — Даю вам слово... что позволю вам уйти, если вы скажете мне несколько правдивых слов.

— Ваше слово! — тяжело вздохнула Бетти.

— Надеюсь, вы поверите мне, Бетти. Мне не хочется мучить вас, и вам эти пытки доставляют боль.

— Тогда помогите мне подняться. Посадите меня.

— Конечно, моя дорогая.

— Деньги в камере хранения... на автобусной станции... в Буаневисте... Ключ у меня в сумке.

Я поспешно выбрался из-под домика и рванул изо всех сил к машине. Когда я добежал до нее, черный «бьюик» все еще стоял на месте. Я съехал к каменному мосту, поднялся до середины следующего холма и остановился в ожидании «бьюика».

Прошло довольно много времени, прежде чем я услышал звук его мотора: машина преодолела подъем. Я выехал на середину дороги. Завизжали тормоза, и большая черная машина остановилась в полутора метрах от моего бампера. Я выскочил раньше, чем «бьюик» остановился.

Сидевший за рулем Луис сердито смотрел на меня. Его жирное лицо перекошилось от страха. Я открыл дверцу с его стороны и показал пистолет, Фэй, которая находилась рядом, заплакала от злости.

— Выходите! — скомандовал я.

Луис, ступив ногой на землю, ринулся на меня, я отскочил назад.

— Полегче! Руки за голову! — приказал я.

Он поднял руки и вышел на шоссе. На его пальце сверкал перстень с изумрудом. Ноги у Луиса подкашивались.

— Ты тоже. Фэй. На другую сторону.

Она вышла, спотыкаясь на высоких каблуках.

— Теперь повернитесь.

Они медленно повернулись, испуганно оглядываясь на меня. Я поднял пистолет и ударил Луиса в основание черепа. Он упал навзничь и сжался в комок. Фэй отпрыгнула в сторону, закрывая голову руками. Ее шляпка съехала набок, закрыв один глаз.

— Уложи его на заднее сиденье! — приказал я.

— Ты, грязный ублюдок! — воскликнула она, наградив меня и другими нелестными эпитетами. На ее скулах выступили красные пятна.

— Поторопись, старушка.

— Мне не поднять его.

— Поднимешь.

Я шагнул к ней. Она согнулась над Луисом. Он лежал неподвижно и, как оказалось, был довольно тяжел. Взяв Луиса под мышки, Фэй приподняла его и втащила в машину с моей помощью. Мы втолкнули его на заднее сиденье. Фэй стояла, тяжело переводя дыхание. Наконец ее лицо приняло прежний блеклый цвет.

— Теперь отдай мне ключ.

— Ключ? Какой ключ?

Она старалась скрыть свое изумление.

— Ключ от камеры хранения, Фэй. Быстрее!

— Мне не давали никакого ключа.

Но ее испуганный взгляд непроизвольно метнулся в сторону переднего сиденья машины. Там находилась черная сумочка. Ключ был в ней, я и положил его в карман.

— Садись! Нет, за руль. Ты поведешь машину.

Она повиновалась, и я сел на заднее сиденье. Луис скрючился в другом углу. Глаза его были полуоткрыты, но зрачков не было видно. Лицо его, больше чем прежде, было похоже на тесто в квашне.

— Я не смогу объехать твою машину, — проворчала она.

— Дай задний ход.

Она со скрежетом включила передачу.

— Не так быстро, — посоветовал я. — Если случится авария, ты в живых не останешься.

Она огрызнулась, но скорость сбавила. Осторожно взобравшись на холм, мы затем спустились вниз. Когда мы добрались до колеи, я приказал ей свернуть к домику.

— Не торопись, езжай медленно и осторожно, Фэй, не лезь на рожон. Остаться без позвоночника не очень-то здорово. Ты же знаешь, что «близнецы» беспощадны.

Я приставил дуло пистолета к ее затылку. Она вздрогнула, и машина медленно тронулась вперед. Я облокотился на Луиса и закрыл окно с правой стороны. Машина въехала на лужайку перед домиком.

— Сверни налево! — тихо приказал я. — Остановись перед дверью и нажми на сигнал.

Дверь домика приоткрылась. Я быстро пригнулся. Когда я поднял голову, то увидел, что Трой стоит на пороге, держась правой рукой за косяк. Я прицелился и выстрелил. С шести метров я отлично разглядел отметину от пули на кисти его руки.

Не успел он дотянуться левой рукой до пистолета, как я подскочил к нему и ударил пистолетом по виску. Он растянулся на пороге.

У меня за спиной зарычал мотор «бьюика». Я подбежал к машине и вытащил оттуда Фэй. Пытаясь вырваться, она упала на траву.

— Иди в дом, — сердито произнес я. — Ты впереди.

Фэй шла, как пьяная, спотыкаясь на каждом шагу. Трой скатился с крыльца и неподвижно скрючился на земле. Перешагнув через него, мы вошли в комнату.

Там все еще стоял запах горелого мяса. Марти, рыча как тигрица, вцепилась пальцами в глотку Бетти, лежавшей на полу. Я оттащил Марти в сторону. Она плевалась в меня, стучала ногами по полу, но встать не попыталась. Я приказал Фэй стать рядом с ней.

Бетти с трудом села на пол, со свистом втягивая в себя воздух. На ее щеке красовались кровавые царапины. Другая сторона лица была мертвенно-бледной.

— Хорошенькая картинка, — пробормотал я.

— Кто вы такой? — промычала Бетти с закрытыми глазами.

— Для вас это не имеет значения. Давайте уедем отсюда, иначе мне придется перебить этих людей, если их, конечно, можно назвать людьми.

— Это было бы неплохо, — простонала она, пытаясь встать, но упала на четвереньки. — Я не могу подняться.

Я подхватил Бетти на руки. Ее тело было легким и упругим. Голова свесилась мне на плечо. Мне казалось, что я несу ребенка. Марти и Фэй внимательно наблюдали за мной — у них были злобные старушечьи физиономии. Я отнес Бетти и усадил ее на заднее сиденье. Затем, открыв другую дверцу, спихнул Луиса на землю. На его толстых посиневших губах выступила пена.

— Спасибо, — прохрипела Бетти, когда я сел за руль. — Вы спасли мне жизнь, если она хоть что-то стоит.

— Она немногого стоит, но вы все же должны заплатить мне кое-что за спасение. Я должен получить сто тысяч и живого Сэмпсона.

Глава 29

Я остановил «бьюик» на дороге возле своей машины и вытащил ключ зажигания. Когда я поднял Бетти с сиденья, она обняла меня за плечи правой рукой. Я ощутил ее нежные пальчики на своей мощной шее.

— Вы очень сильный, — прошептала она. — Вы ведь Арчер, не правда ли?

Она взглянула на меня с кошачьим очарованием, не зная, что у нее на лице кровь.

— Вовремя вы меня вспомнили. Уберите руки, или я уроню вас!

Она покорно опустила руки. Когда я снова тронулся в путь, она вдруг закричала:

— А что будет с ними?

— Мне некуда их запереть.

— Вы позволите им уйти?

— Что вы от меня хотите? Чтобы я их изувечил? Увы, я не садист.

Выехав на шоссе, я развернулся и направился к бульвару Сансет. Она снова схватила меня за руку.

— Мы должны вернуться!

— Я уже просил вас не дотрагиваться до меня. Мне ведь тоже не нравится, что вы сделали с Эдди.

— Но у них осталось кое-что мое.

— Оно уже у меня, и оно уже не ваше, — заметил я.

— Ключ?

— Вы угадали.

Бетти обмякла на сиденье, словно лишилась последних сил.

— Вы обязаны были задержать их, после того, что они сделали со мной, — заявила она. — Если вы дадите Трою уйти, он сегодня же с вами расправится.

— Не думаю. Забудьте о них и побеспокойтесь о себе.

— У меня нет будущего, и мне не о чем беспокоиться. А может, есть?

— Сначала я хочу увидеть Сэмпсона, а потом буду решать этот вопрос.

— Я покажу вам, где он.

— Где?

— Недалеко от своего дома. В одном местечке на побережье, примерно в шестидесяти милях от Санта-Терезы.

— Честно?

— Честно, Арчер. Отпустите меня и возьмите деньги.

— От вас — нет.

— Да, а почему? — огрызнулась она. — Вы ведь получили мою сотню тысяч.

— Я работаю на миссис Сэмпсон. Эти деньги принадлежат ей. Она их и получит.

— Им деньги не нужны. Не стройте из себя невинную девушку, Арчер! Кстати, в этом деле есть еще один участник. И этот человек не имеет ничего общего с Эдди. Отчего бы вам не поделить деньги с ним?

— Кто он?

— Я не сказала, что это мужчина.

Голос Бетти стал постепенно приходить в норму после объятий Марти. Она даже старалась придать ему обаяние.

— Вы не могли работать с женщиной. Кто этот мужчина? Она не знала, что Тэггерт мертв, и сейчас я не намеревался сообщить ей об этом.

— Оставим это. На секунду мне показалось, что я могу вам довериться. Вероятно, у меня что-то с головой.

— Вероятно... Но вы не сообщили мне, где находится Сэмпсон. Чем больше вы будете тянуть с этим, тем меньше у меня останется желания что-то сделать для вас.

— На побережье, примерно в пятнадцати милях севернее Буаневисты по главному шоссе. В раздевалке пляжного клуба, действовавшего во время войны.

— Он жив?

— Вчера был жив. В первый день ему стало плохо от хлороформа, но потом он оправился.

— Он связан?

— Я его не видела. К нему ездил только Эдди.

— Выходит, вы оставили его там умирать с голоду?

— Я не могла туда поехать. Он видел меня в лицо. А Эдди он не знал.

— А Эдди умер по воле божьей...

— Нет, это я убила его, — почти с гордостью призналась Бетти. — Хотя вы никогда не сможете этого доказать. Я не подумала о Сэмпсоне, когда стреляла в Эдди.

— Вы думали о деньгах, верно? Делить их на две части или на три.

— Отчасти вы правы, но лишь отчасти. Эдди с самого детства помыкал мною. Когда же я встала на ноги, он упек меня в тюрьму. Продав все мои вещи и помог полиции поймать меня, а сам вышел сухим из воды. Он не задумывался над тем, что я могу узнать об этом предательстве, но я узнала. И я решила отомстить ему и сделала это в тот момент, когда он уже думал, что ему крупно повезло. Но он, вероятно, не очень удивился, потому что заранее сообщил Марти, где найти меня, если с ним что-то случится.

— Так всегда бывает, — заметил я. — Похищения, как правило, не удаются, особенно если похитители начинают сводить между собой счеты.

Свернув на бульвар, я остановился у заправочной станции. Бетти заметила, что я вынул ключ зажигания.

— Что вы собираетесь делать?

— Вызвать помощь к Сэмпсону. Он, может быть, умирает, а нам нужно полтора часа, чтобы туда добраться. Как называется это место?

— Раньше оно называлось «Сакланд-Бич-Клуб». Это длинное зеленое здание. Его видно с шоссе, оно в конце маленького поселка.

В первый раз я поверил, что она говорит правду. Пока заправляли машину, я позвонил в Санта-Терезу из автомата. Сквозь стекло кабины я наблюдал за Бетти.

— Вилла Сэмпсонов, — послышался голос Феликса.

— Говорит Арчер. Мистер Грэйвс у вас?

— Да, сэр. Я позову его.

Вскоре подошел Грэйвс.

— Где ты, черт возьми, пропадаешь?

— В Лос-Анджелесе. Сэмпсон жив. По крайней мере, вчера был жив. Он заперт в раздевалке прибрежного клуба под названием «Сакланд-Бич-Клуб». Знаешь такой?

— Конечно. Он уже несколько лет не работает. Я знаю, где это — на севере от Буаневисты по главному шоссе.

— Сообрази, как тебе туда побыстрее добраться с едой и медикаментами. Захвати с собой врача и шерифа.

— Ты думаешь он в плохом состоянии?

— Не знаю. Со вчерашнего дня он оставался один. Я приеду туда, как только смогу.

Я нажал на рычаг и позвонил Питеру Колтону. К счастью, он еще дежурил.

— У меня кое-что для тебя есть, — сообщил я. — Частично для тебя, частично для министерства юстиции.

— Понятно. Очередная головоломка Арчера, — отозвался он.

По его голосу я понял, что он не в восторге, услышав мой голос.

— Этот случай с Сэмпсоном — загадка века! — сердито изрек Колтон.

— Был. Сегодня я с ним покончу.

Его голос звучал октавой ниже.

— Повтори, пожалуйста.

— Я знаю, где Сэмпсон, я везу одного из похитителей.

— Ради бога, не строй из себя идиота! Где он?

— Не на твоей территории. В округе Санта-Тереза. Тамошний шериф уже, наверное, на пути к нему.

— Поэтому ты и позвонил мне, несчастный и самовлюбленный индюк?! Я думал, у тебя и правда есть кое-что для меня.

— Есть, но не похищение. Попутно я раскрыл еще одно дело. Между Бентвудом и Палисадс есть каньон, туда можно проехать с бульвара Сансет. Дорога, которая ведет к нему, называется Хопкинс-лейн. На этой дороге стоит черный «бьюик», дальше дорога ведет к деревянному домику. В нем четыре человека, один из них Трой. Не знаю, нужен он тебе или нет, но министерству юстиции он нужен.

— Для чего?

— Нелегальная переброска иммигрантов. Мне сейчас некогда. Ты меня понял?

— Да, вроде, — буркнул довольный Колтон. — Хопкинс-лейн...

Бетти равнодушно посмотрела на меня, когда я вернулся к машине. В ее умных глазах мелькнула какая-то мысль.

— Что теперь, малыш?

— Теперь я обрадую вас. Я позвонил в полицию, чтобы забрали Троя и других.

— И меня?

— Вас я постараюсь выручить.

Я поехал вниз по бульвару в сторону шоссе 101.

— Я могу дать показания против Троя, — зло усмехнулась Бетти.

— Они не нужны. Я сам могу быть свидетелем обвинения.

— Контрабандный ввоз людей?

— Точно. Трой разочаровал меня. Ввозить людей на грузовике из Мексики! Весьма низкопробный рэкет для мошенника-джентльмена. Ему нужно было организовать в Голливуде фирму наемных убийц.

— Но это давало ему хороший доход. Трой дважды наживался на этих бедных людях. Он брал с них деньги, а затем брал деньги с тех, кому их поставлял. Мексиканцы не знают, что он использует их как штрейкбрехеров. Трой обеспечил себе защиту от местных полицейских, а Луис подкупал мексиканскую федеральную полицию.

— Сэмпсон покупал у Троя мексиканцев?

— Да, но вы этого никогда не докажете. Сэмпсон чрезвычайно осторожен и всегда остается в тени.

— Ну, он был недостаточно осторожен, — возразил я.

Она замолчала.

Когда я свернул на северное шоссе, то заметил, что Бетти морщится от боли. В вещевом ящике у меня была бутылка виски, и я протянул ее Бетти.

— Можете смазать свои ожоги и царапины, а заодно и выпить.

— Я не буду пить! — заявила она, но потом все же последовала всем моим советам и протянула мне бутылку с остатками спиртного.

— Я не буду пить! — передразнил я Бетти.

— Это потому, что я пила из нее? Все мои болезни — душевные!

— Спрячьте ее!

— Вы так меня ненавидите? Да?

— Я не пью отраву. Дело совсем не в вас. У вас просто не хватает ума.

— Благодарю за разъяснения, мой интеллектуальный друг.

— Но вы были близки к истине.

— Не подумайте, что я девственница. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, Эдди не упустил возможности заработать на мне доллар. Но сама я никогда не зарабатывала этим. Меня спасла музыка.

— Жаль, что она не сумела спасти вас от того, что вы натворили.

— Я попыталась использовать свой шанс, но просчиталась.

— Вы заботились о своем соучастнике. И хотите, чтобы деньги в любом случае достались ему.

— Я же сказала — оставим это, — Бетти помолчала, а потом добавила: — Можете отпустить меня, а деньги забрать себе. У вас никогда больше не будет такого случая заработать сто тысяч.

— Как и у вас Бетти, как и у Алана Тэггерта.

Она застонала, а когда вновь обрела способность говорить, спросила враждебным тоном:

— Вы дурачите меня. Что вы знаете о Тэггерте?

— То, что он мне сам рассказал.

— Я не верю вам. Он ничего не мог рассказать вам, — она тут же поправилась: — Ему нечего рассказывать, он ничего не знает.

— Нет, он знает.

— С ним что-то случилось?

— Да. Его уже нет. Он заработал дырку в черепе, как и Эдди.

Она попыталась что-то объяснить, но слова захлебнулись в потоке рыданий. Высокий протяжный вой сменился равномерным всхлипыванием. Это продолжалось довольно долго, потом она прошептала:

— Что же вы раньше мне не сообщили, что он умер?

— Вы не спрашивали меня. А вы любили его?

— Да, мы оба сходили с ума от любви.

— Если вы его так любили, то зачем втянули в это дело?

— Я его не втягивала, он сам захотел. Мы собирались затем вместе уехать.

— И счастливо жить после всего этого?

— Держите свои дешевые шутки при себе!

— Эта сказка о чистой и непорочной любви не пройдет, Бетти. Он был мальчишкой по сравнению с вами. Я думаю, вы его обманули. Вам был необходим исполнитель, а этот парень оказался податливым.

— Нет, все было совсем не так, — ее голос прозвучал удивительно нежно. — Мы провели вместе полгода. Он пришел в «Дикое Пиано» через неделю после того, как я стала там выступать. Мы влюбились друг в друга, но у нас за душой ничего не было. Нам были необходимы средства, чтобы вырваться оттуда.

— И Сэмпсон показался подходящей добычей.

— Нечего жалеть Сэмпсона! Сначала у нас были другие планы. Алан собирался жениться на девчонке Сэмпсона, а потом заставить его откупиться. Все испортил Сэмпсон. Как-то на ночь он уступил Алану свой домик. А в середине ночи мы поймали Сэмпсона, подглядывающего за нашими любовными играми из-за занавески... После этого Сэмпсон пригрозил дочери, что если она выйдет за Алана, то он порвет с ней все отношения. Он собирался выгнать Алана, но мы слишком много знали.

— Почему же вы не шантажировали его? Для вас это было бы более подходящее занятие.

— Мы думали об этом, но он был слишком крупной птицей, и кроме того, у него лучшие адвокаты в стране. Да, мы знали о его делишках, но его трудно было уличить. Например, этот храм. Как мы могли доказать, что Сэмпсон знал, для каких целей его используют Клод и Трой?

— Если вы так много знаете о Сэмпсоне, то объясните, что привело его в такое ненормальное состояние?

— Это трудно объяснить. Думаю, что это связано с его темпераментом. Он стареет и, вероятно, ощущает, что у него уже все позади. Он хотел бы что-нибудь найти, что позволило бы ему вновь почувствовать себя полноценным человеком. Например, астрология и острые ощущения во время необычных любовных ласк. Единственное, что для него существует — это его дочь. Я полагаю, что она по уши влюбилась в Алана, поэтому Сэмпсон никогда бы не простил его.

— Тэггерт, вероятно, тоже любил ее, — заметил я.

— Вы так думаете? — ее голос сорвался, затем она заговорила тихо и обиженно: — Да, я не смогла бы сделать его счастливым. Я это понимаю и не надо об этом говорить. Как он умер, Арчер?

— Его загнали в угол, а он пытался пробиться с помощью пистолета. Некий Грэйвс застрелил его.

— Хотела бы я встретиться с этим человеком! Вы мне сказали, что Алан проговорился. Неужели он это сделал?

— О вас он ничего не сообщил.

— Я рада этому, — печально вздохнула Бетти. — Где он сейчас?

— В морге Санта-Терезы.

— Мне бы хотелось увидеть его в последний раз.

Затем наступило обоюдное молчание, и Бетти погрузилась в болезненный сон.

Глава 30

Когда мы приблизились к Буаневисте, опустившиеся сумерки уже сглаживали уродливые очертания здания, а на главной улице зажглись огни. В нескольких милях от города дорога вышла на побережье.

— Это здесь, — буркнула Бетти.

Она сидела так тихо, что я почти забыл о ее существовании.

Я остановился на обочине, неподалеку от перекрестка. Дорога, отходившая к морю, спускалась на пляж. На облезлом щите было объявление о работах по благоустройству пляжа. Домов поблизости не было. Метрах в двухстах ниже дороги находился пляжный клуб — несколько строений, длинных и низких, к тому же какого-то неопределенного цвета.

— Вам не съехать вниз, — подсказала Бетти. — Дорога внизу размыта.

— А я думал, что вы тут не были.

— Была раз, на прошлой неделе. Я осматривала это место после того, как его обнаружил Эдди. Сэмпсон должен находиться в одной из кабинок мужской раздевалки.

— Дай-то бог.

Я вынул ключ зажигания и оставил Бетти в машине. По мере того как я спускался, дорога становилась все хуже и хуже. Темные окна дома были высокие и с карнизами.

Я направил свет фонарика на двери и обнаружил на них надписи. Правая дверь с надписью «Джентльмены» была приоткрыта. Я широко распахнул ее без особой надежды найти Сэмпсона. Внутри было пусто и тихо. Никаких признаков жизни, кроме шума вечно беспокойного прибоя.

Никаких следов ни Сэмпсона, ни Берта. Я взглянул на часы: без четверти семь. Минуло уже больше часа после моего звонка Берту. У него имелось достаточно времени, чтобы добраться сюда. Я не мог понять, что случилось с ним и шерифом.

Я осветил пол, покрытый песком и сгнившими досками. Напротив меня был ряд закрытых дверей, обитых фанерой. Я шагнул к ним.

Позади меня что-то зашевелилось, да так быстро, что я не успел повернуться.

«Засада!» — подумал я, и сознание мое отключилось.

«Вот гад», — была первая фраза, пришедшая мне в голову, когда я очнулся. Свет фонаря, словно глаз циклопа, уставился мне в глаза. Моим первым желанием было вскочить на ноги, чтобы отомстить обидчику. Однако низкий голос Берта усмирил это желание.

— Что с тобой?

— Убери фонарик!

Его свет, казалось, проникая через глазные яблоки, пронизывал насквозь мою голову.

Берт медленно склонился надо мной.

— Можешь встать, Лью?

— Могу, — промычал я, но остался лежать. — Ты чего опоздал?

— Я никак не мог найти в темноте это место.

— А где шериф? Тоже не смог найти?

— Да, он отвозил сумасшедшего в госпиталь. Я оставил ему записку с просьбой захватить врача и ехать следом за мной. Мне не хотелось зря терять время.

— А мне показалось, что ты потерял слишком много времени.

— Я полагал, что знаю это место, но проехал мимо до самой Буаневисты и лишь тогда понял это. А когда возвратился, то долго не мог разыскать этот клуб.

— Разве ты не видел мою машину?

— Где?

Я сел.

— Там, наверху.

— Вот как? И я тоже поставил там свою машину, но твоей не видел.

Я нащупал в кармане ключ.

— Ты уверен? Они не взяли ключ зажигания.

— Твоей машины здесь нет, Лью. Кто они?

— Бетти Фрейли и тот, кто меня оглушил. Вероятно, четвертый член банды, охранявший Сэмпсона.

Я объяснил Берту, как я сюда попал.

— Глупо было оставлять ее одну в машине.

— Мне так досталось за эти дни, что я здорово поглупел.

Встав на ноги, я обнаружил, что они совсем не слушаются меня. Берт подставил мне свое плечо, и я передвигался, опираясь на него. Он поднял фонарик.

— Дай я посмотрю твою голову.

Его лицо сморщилось, выражая, как мне показалось, тревогу. Вид у него был погрустневший, осунувшийся.

— Позже, — проронил я.

Включив фонарик, я подошел к дверям. Сэмпсон оказался за второй дверью. Это был грузный старик, привязанный к скамье у дальней стены кабины. Голова его склонилась набок, открытые глаза налились кровью. Берт, взглянув из-за меня, воскликнул:

— О боже!

Я передал ему фонарик и начал обследовать Сэмпсона. Его руки и ноги были связаны. Над его головой, в стене, торчал крюк, к которому была привязана веревка. Другой ее конец впивался в шею Сэмпсона и был затянут под ухом крепким узлом. Я пощупал его запястье, оно было теплым, но пульс не прослушивался. Зрачки на его кроваво-красных глазах были асимметричны. Что-то трогательное было в его ярких носках, желтых с зелененькими полосками, натянутых на его толстые лодыжки. Трогательное и печальное...

Грэйвс позади меня, вздохнув, спросил:

— Мертв?

— Да.

Я почувствовал страшный упадок сил, а потом появилось безразличие ко всему.

— Он наверняка был еще жив, когда я приехал сюда. Сколько времени я мог находиться без сознания?

— Сейчас четверть восьмого.

— Я прибыл сюда без четверти семь. У них полчаса форы. Нам надо спешить.

— И оставить здесь Сэмпсона?

— Да. Полиция потребует, чтобы все оставалось как есть.

Мы вышли в темноту. Собрав последние силы, я поднялся в гору. Моя машина исчезла. «Студебекер» Берта стоял на другой стороне дороги.

— Куда? — спросил он.

— В Буаневисту. Необходимо сообщить дорожному патрулю.

Я заглянул в бумажник, не ожидая найти там ключ от камеры хранения. Но все было на месте, в отделении для визитных карточек. Тот, кто напал на меня, не успел поговорить с Бетти. Или они решили бежать, махнув на деньги рукой. Но мне в это что-то не верилось.

Когда мы въехали в город, я попросил Берта:

— Отвези меня на автобусную станцию.

— Зачем?

Я объяснил зачем и добавил:

— Если деньги там, то они могут за ними вернуться. Если же их нет, то они скорее всего взломали замок и уехали. Найди патруль, а потом заедешь за мной.

Он высадил меня у автобусной станции. Я остановился перед стеклянной дверью и стал рассматривать большой квадратный зал ожидания. Несколько человек сидели на лавках и читали газеты. Дряхлые старики беседовали друг с другом, сидя напротив почтового киоска. В другом углу расположилась мексиканская семья, отец и четверо детей, образовавшая солидную группу.

В билетной кассе сидела молодая девушка в цветастой гавайской блузе. Слева от кассы находился ларек для продажи пирожков, в котором красовалась блондинка в униформе. Справа располагался ряд металлических шкафчиков.

Никто из находившихся в зале не выказывал никаких признаков беспокойства. Все эти люди ожидали обычных вещей: ужина, автобуса, пенсионного чека или спокойной смерти в своей постели.

Я открыл дверь и подошел к шкафчикам для хранения багажа. Нужный мне двадцать восьмой номер был закрыт. Вставляя ключ в замок, я окинул взглядом зал. Никто не обращал на меня внимания.

Я открыл замок и обнаружил в шкафчике большую красную сумку. Доставая ее, я услышал внутри шелест бумаги. Сев на ближайшую скамью, я открыл сумку. Коричневый бумажный пакет, находившийся в ней, был с одной стороны открыт. Я нащупал там пачки банкнот. Сунув сумку под мышку, я подошел к киоску и заказал кофе.

— Вы знаете, что у вас на рубашке кровь? — спросила блондинка.

— Знаю. Я специально такую надел.

Она испытующе осмотрела меня, будто сомневалась в моей платежеспособности. Подавив острое желание расплатиться с ней

стодолларовой купюрой, я положил на стойку десятицентовик. Она подала мне кофе в толстой белой чашке.

Я пил кофе и наблюдал за дверью. В одной руке я держал чашку, а другая была наготове: я приготовился выхватить ею пистолет. Электрические часы над кассой словно застыли. Автобусы подходили и уходили, сменялись ожидающие в зале. Когда часы показывали без десяти восемь, мне стало ясно, что ждать уже нечего и некого. Они плюнули на деньги и решили действовать иначе.

В дверях показался Берт. Он энергично жестикулировал. Я поставил чашку и последовал за ним. Неподалеку стояла его машина.

— Они разбили твою машину в двадцати четырех километрах отсюда, — сообщил Берт, направляясь к машине.

— Они удрали?

— Очевидно, один из них смылся. Женщина по имени Бетти Фрейли погибла.

— А что случилось с другими?

— Дорожный патруль еще не в курсе. Они получили только первый сигнал по радио.

Мы покрыли это расстояние меньше, чем за пятнадцать минут. Место аварии можно было угадать по скоплению стоящих там машин и толпе людей, казавшихся в свете фар черными силуэтами. Грэйвс проехал совсем рядом с полицейским, пытавшимся отогнать нас красным сигналом.

Выскочив из машины, я увидел за рядом автомобилей пятно света. Там находилась моя машина, которая стояла, уткнувшись радиатором в откос. Я поспешил к ней, пробираясь через толпу любопытствующих.

Полицейский из дорожного управления с непроницаемым видом положил мне руку на плечо. Я раздраженно стряхнул ее.

— Это моя машина, — заявил я.

Его глаза сузились.

— Вы в этом уверены? Как ваша фамилия?

— Арчер.

— Точно, машина ваша. Она зарегистрирована на ваше имя, — он тут же позвал молодого полицейского, стоявшего у мотоцикла: — Иди сюда, Олли! Нашелся хозяин этой машины.

Толпа стала бурлить, собираясь вокруг меня. Когда возле машины образовался плотный круг, я заметил возле нее на земле покрытую

белым фигуру. Протиснувшись между глазающими женщинами, я приподнял край покрывала. То, что там находилось, мало походило на человеческую фигуру, но я узнал ее по одежде.

Два подобных зрелища в течение часа было слишком много для одного человека, и меня начало знобить. Кроме кофе, у меня в желудке ничего не было, я почувствовал горечь во рту. Полицейские ждали, пока я приду в себя.

— Эта женщина украла вашу машину? — спросил старший полицейский.

— Да. Это некая Бетти Фрейли.

— Мне сообщили, что она в розыске.

— Да. Что случилось с другими?

— С какими другими?

— С ней был мужчина.

— Нет, когда ее обнаружили, рядом никого больше не было, — вмешался молодой полицейский.

— Вы не можете это утверждать.

— Нет, я знаю точно. Я видел, как это произошло, и отчасти виновен в этом.

— Нет, нет, Олли, — старший полицейский положил руку ему на плечо. — Ты поступил совершенно правильно. Никто не собирается тебя обвинять.

— Во всяком случае, я рад, что машина была угнана, — выпалил Олли.

Это немного задело меня. Машина была застрахована, но ее будет трудно восстановить. Кроме того, я любил ее, как наездник любит свою лошадь.

— А что именно случилось? — в упор спросил я.

— Я ехал к северу, в нескольких километрах от этого места, со скоростью около восьмидесяти километров в час. Эта дамочка промчалась мимо меня так, будто я стоял на месте. Я сразу двинулся за ней. Я стал приближаться к ней, только когда спидометр показывал что-то около ста сорока. Она мчалась на всех парусах, словно хотела подняться в воздух. Даже когда я догнал ее и стал сигналить, она не обращала на это внимания. Тогда я перерезал ей дорогу. Она попыталась обойти меня справа, но потеряла управление. Автомобиль

пролетел метров тридцать и врезался в насыпь. Когда я вытащил ее оттуда, она была уже мертва.

Когда он закончил свой рассказ, его лицо взмокло от пота. Старший полицейский похлопал его по плечу.

— Не переживай, парень. Ты все делал правильно.

— Вы абсолютно уверены, что в машине больше никого не было? — спросил я.

— Если только никто не улетел вместе с дымом. Но вот что удивительно, — добавил он высоким, нервным фальцетом. — Хотя огня не было, ступни ее ног были обожжены. Я не смог найти ее обуви. Она была босая.

— Это удивительно, — пробормотал я, — очень удивительно.

К нам через толпу протиснулся Берт.

— У них должен быть другой автомобиль, — сказал он.

— Тогда зачем она поехала на моем? — я подошел к машине и залез рукой в разбитый капот. Когда я нащупал провода зажигания, то оказалось, что контакты были соединены той самой медной проволокой, которой я ранее сам пользовался и оставил ее там.

— Вот моя проволока. Она включила зажигание с ее помощью.

— Это больше похоже на мужскую работу.

— Не обязательно. Она могла научиться этому от брата. Любой профессионал-водитель знает этот трюк.

— Может, они решили разделиться, чтобы удобнее было убежать?

— Может быть, но я так не думаю. У нее хватило бы ума сообразить, что ее узнают по моей машине.

— Мне нужно составить протокол, — сказал старший полицейский. — Вы можете уделить мне несколько минут?

Пока я отвечал на последний вопрос, подъехал шериф на радиофицированном автомобиле с помощником за рулем. Они вышли из машины и направились к нам. Полная грудь шерифа тряслась при ходьбе, как у женщины.

— Что случилось? — рывкнул он, затем перевел свой подозрительный взгляд с меня на Грэйвса. Я предоставил Берту возможность рассказывать. Узнав, что произошло с Сэмпсоном и Бетти Фрейли, шериф повернулся ко мне.

— Вот видите, что вы наделали, Арчер? Я же приказал вам работать под моим контролем.

У меня не хватило выдержки ответить спокойно:

— Под контролем, черт побери! Если бы вы побыстрее добрались до Сэмпсона, он бы остался жив.

— Вы знали, где он находится, и не сообщили мне об этом! — снова рявкнул он. — Вы ответите за это, Арчер!

— Да, знаю, когда истечет срок моей лицензии. Вы уже говорили мне об этом. Но не лучше ли вам признаться в собственной беспомощности? Вы повезли какого-то психа в больницу, когда разворачивались такие события.

— Я со вчерашнего дня не был в больнице, — возразил шериф. — Что за бред?!

— Разве вам не передавали мою записку о местонахождении Сэмпсона?

— Никакой записки не было. Не выкручивайтесь, Арчер.

Я вопросительно посмотрел на Берта. Тот отвел глаза в сторону, и я прикусил язык.

Со стороны Санта-Терезы, со звуками сирены, появилась машина скорой помощи.

— Долго же вы добирались, — упрекнул я врача.

— Мы знали, что она умерла, и поэтому не торопились.

— Куда ее заберут? — обратился я к полицейскому.

— В морг Санта-Терезы, если она не будет возражать.

— Не будет. Ей там понравится.

Алан Тэггерт и Эдди, ее любовник и брат, уже поджидали ее там в своих холодильных камерах.

Глава 31

Берт Грэйвс ехал очень медленно, как будто на него сильно подействовало случившееся. Нам потребовалось около часа, чтобы добраться до Санта-Терезы. Сперва я размышлял о Берте, потом о Миранде. Мысли мои были весьма грустными.

Когда мы въехали в город, Берт с любопытством взглянул на меня.

— Я не теряю надежды, Лью. Полиция имеет все шансы поймать его, — проронил он.

— Кого ты имеешь в виду?

— Убийцу, конечно. Другого члена банды.

— Я не уверен, что таковой был.

Руки Берта сжали руль. Я заметил, как побелели костяшки его пальцев.

— Но ведь кто-то же убил его.

— Да, — согласился я, — кто-то убил Сэмпсона.

Я встретился взглядом с Бертом, когда он медленно повернул голову. Долго и холодно он смотрел на меня.

— Следи за дорогой, Грэйвс.

Берт вновь повернулся лицом к дороге, но я успел перехватить его смущенный взгляд. На пересечении с главной улицей он затормозил на красный свет.

— Куда мы теперь направимся?

— А куда бы ты хотел?

— Мне все равно.

— Тогда поедем к Сэмпсонам, — решил я. — Мне необходимо поговорить с миссис Сэмпсон.

— Ты хочешь сделать это прямо сейчас?

— Я работаю на нее. Мне надо отчитаться.

Загорелся зеленый свет. Больше мы ни о чем не разговаривали, пока не доехали до виллы Сэмпсонов. Темное здание было едва освещено несколькими фонарями.

— Мне бы не хотелось встречаться с Мирандой, — произнес Берт. — Сегодня днем мы поженились.

— Не слишком ли ты поторопился?

— Что ты имеешь в виду? Я уже несколько месяцев, как получил разрешение.

— Ты мог бы подождать возвращения домой ее отца или хотя бы отложить это ради приличия.

— Она хотела сделать это сегодня, и мы зарегистрировали брак в здании суда.

— И там тебе, вероятно, придется провести свою первую брачную ночь. Тюрьма — самое подходящее для тебя место, не правда ли?

Берт помолчал. Когда он остановил машину возле гаража, я взглянул ему в лицо: на нем царило спокойствие игрока.

— Ирония судьбы, — промолвил он. — Я ждал этой ночи целых четыре года, а теперь не хочу с ней встречаться.

— Ты полагаешь, что я оставляю тебя одного?

— А почему бы и нет?

— Я не доверяю тебе. Раньше ты был единственным человеком, кому я верил...

У меня не было слов, чтобы закончить фразу.

— Ты можешь доверять мне, Лью.

— Отныне называй меня «мистер Арчер».

— Хорошо, мистер Арчер. У меня в кармане пистолет, но я не собираюсь им воспользоваться. Я устал от насилия, понимаешь? Заболел от всего этого.

— Ты и должен был заболеть, — заявил я, — имея на совести два убийства. Ты, вероятно, удовлетворил свою жажду насилия.

— О каких убийствах ты говоришь, Лью?

— Мистер Арчер, — поправил я его.

— К чему этот высокомерный тон. Я не собираюсь этого делать.

— Многие не собираются. Ты начал с того, что воспользовался случаем и пристрелил Тэггерта. Ты всегда любил импровизировать. Затем ты стал действовать довольно беззаботно. Сегодня вечером ты уже не передал мою просьбу шерифу и, наверное, догадался, что я понял это.

— Ты не сможешь этого доказать.

— Я и не собираюсь. Просто этого оказалось достаточно, чтобы я понял, как все это произошло. Тебе нужно было хоть ненадолго остаться с Сэмпсоном наедине. Тебе нужно было завершить то, что не успели сделать партнеры Тэггерта.

— Ты всерьез полагаешь, что я причастен к похищению Сэмпсона?

— Я очень хорошо знаю, что ты не имел к этому никакого отношения. Но ты отлично воспользовался похищением.

Оно сделало тебя убийцей, предоставив тебе возможность прикончить Тэггерта.

— Я застрелил его из лучших побуждений, — возразил Грэйвс. — Не хочу лгать или утверждать, что мне было жаль его, но я прикончил его, чтобы спасти тебя.

— Я тебе не верю!

Меня охватило бешенство.

— Я не планировал этого, — продолжал оправдываться Грэйвс. — У меня ведь не было времени для размышлений Тэггерт собирался пристрелить тебя, но я сумел опередить его и спасти своего друга. Все очень просто и не надо разводить никаких теорий.

— Убивать никогда не просто, особенно человеку с твоим умом. Ты ведь прекрасный стрелок, Грэйвс. И не было никакой необходимости убивать Алана.

— Тэггерт должен был умереть, он получил по заслугам, — жестко процедил Грэйвс.

— Но не тогда. Не затем я у него выведывал все. Не знаю, много ли ты слышал из того, что он мне рассказал. Вероятно, достаточно, чтобы понять, что Алан был одним из похитителей. И ты был уверен, что, если он умрет, его партнеры прикончат мистера Сэмпсона.

— Я почти ничего не слышал. Я увидел, что он пытается пристрелить тебя, и убил его, — в голосе Грэйвса послышался металл: — Очевидно, я допустил ошибку.

— Ты допустил не одну ошибку. Первой ошибкой было убийство Тэггерта, с этого все началось, не правда ли? На самом деле тебе не так уж и нужна была смерть Алана. Тебе было нужно, чтобы умер Сэмпсон. Ты ни в коем случае не хотел допустить, чтоб он вернулся домой живым. Но у Тэггерта уцелел лишь один партнер — Бетти, и она скрывалась. Она даже не знала, что Тэггерт убит, пока я не сообщил ей об этом. У нее не было возможности убить Сэмпсона, поэтому ты убил его сам.

Что-то вроде стыда появилось на его лице, и он попытался его прогнать.

— Я реалист, Арчер, как и ты. Сэмпсон никому не был нужен.

Голос Берта изменился, стал тусклым и невыразительным.

Он весь сжался, стараясь отыскать какой-нибудь выход из тупика.

— Раньше ты не так просто смотрел на убийства, — произнес я. — Ты отправлял за это людей в газовые камеры. Теперь же дело обернулось так, что, может быть, она поджидает тебя.

Грэйвс изобразил на лице жалкую улыбку, которая еще резче обозначила морщины на его лице.

— У тебя нет против меня никаких улик. Ни малейших!

— У меня есть моральная уверенность и твое признание...

— Оно не запротоколировано. У тебя недостаточно улик, чтобы отправить меня в камеру.

— Это уже не моя забота. Ты можешь оценить свое положение лучше меня. Мне не совсем понятно, зачем тебе надо было прикончить Сэмпсона?

Грэйвс немного помолчал, а потом заговорил изменившимся голосом. Его голос стал искренним и словно помолодел, стал таким же, как несколько лет тому назад.

— Странно, что ты сказал «нужно было» Лью, но именно так дело и обстояло. Я обязан был сделать это. Я не думал об этом, пока не нашел Сэмпсона в раздевалке. Я даже не стал с ним разговаривать. Я сразу понял, что нужно сделать, и сделал это.

— Уверен, что проделал ты это с удовольствием.

— Да, я убил его с удовольствием. Но сейчас мне не хочется об этом вспоминать.

— Не слишком ли ты все упрощаешь? Я не психолог, но понимаю, что были и другие мотивы, более очевидные и менее интересные. Сегодня ты женился на девушке, в перспективе очень богатой. Не уверяй меня, что тебя не интересовало наследство твоей будущей жены, которое оценивается в пять миллионов.

— Это я очень хорошо понимал, — признался Берт, — но ты ошибаешься, не все пять миллионов. Половину получила бы миссис Сэмпсон.

— Я забыл о ней. Так почему ты не прикончил заодно и ее?

— Ты позволяешь себе слишком много.

— А ты позволил себе еще больше. Убил Сэмпсона, чтобы получить миллион с четвертью, половину ее денег. Не просчитался ли

ты, Грэйвс? Или ты позднее собирался прикончить и его жену вместе с Мирандой?

— Ты знаешь, что это неправда! — вскипел он. — Что ты обо мне думаешь?

— Мне нет нужды думать. Ты женился на девушке и в тот же день убил ее отца, чтобы ей досталось наследство. Что с тобой случилось, Грэйвс? Неужели она не была нужна тебе и без наследства? Я думал, что ты любил ее.

— Замолчи! — раздраженно воскликнул он. — Оставь Миранду в покое.

— Не могу. Если бы это не касалось Миранды, мы бы еще могли о чем-то разговаривать.

— Нет, нам больше не о чем разговаривать, — заявил Грэйвс.

Я оставил его в машине, все еще улыбающегося своей странной улыбкой, и шагал по песчаной дорожке. У него в кармане лежал пистолет, но я даже не оглянулся, так как верил ему.

На кухне горел свет, но никто не отозвался и не вышел на мой стук. Я прошел через весь дом к лифту. В верхнем холле мне повстречалась миссис Кромберг.

— Куда вы направляетесь? — обратилась она ко мне.

— Мне нужно повидать миссис Сэмпсон.

— У вас ничего не выйдет. Она сегодня ужасно перенервничала и час назад приняла три таблетки снотворного.

— У меня важное дело.

— Какое?

— Известие, которое она с нетерпением ждет.

В глазах у женщины промелькнуло любопытство, но она была слишком вышколенной прислугой, чтобы задавать вопросы.

— Сейчас я взгляну, спит ли она.

Она подошла к двери своей хозяйки и тихонько открыла ее. До меня донесся испуганный шепот.

— Кто это?

— Кромберг. Мистер Арчер говорит, что хочет увидеть вас по весьма важному делу.

— Хорошо, пусть войдет.

Свет зажегся, и я вошел. Миссис Сэмпсон, лежа на спине, приподнялась на локтях. Лицо ее было отрешенным и опухшим от сна.

Сквозь шелк пижамы просвечивали темные кружки сосков, похожие на глаза куклы. Я закрыл за собой дверь.

— Ваш муж умер, — осторожно произнес я.

— Умер... — повторила она.

— Вы, похоже, не удивлены?

— А чему я должна удивляться? Вы не знаете, какие мне снились сны? Как ужасно, когда не можешь отключить сознание, все время видишь вокруг лица, а сон не приходит. Вчера ночью я видела безобразные лица. Видела его лицо под толщей морской воды, и это страшно напугало меня.

— Вы поняли, что я сказал, миссис Сэмпсон? Ваш муж умер. Его убили два часа назад.

— Слышу, слышу. Я чувствовала это, и я знала, что переживу его.

— Это все, что вы можете сказать?

— Что вы еще хотите от меня?

У нее был холодный монотонный голос прорицательницы, находящейся на грани сна и бытия...

— Я уже теряла близкого человека и знаю, что это такое. Когда убили Боба, я не могла прийти в себя четыре дня. Но я не собираюсь оплакивать его отца, я желала его смерти.

— В таком случае, ваше желание исполнилось.

— Он умер слишком рано. Каждый умирает слишком рано. Если бы Миранда вышла замуж за другого, Ральф изменил бы завещание, и я одна получила бы все деньги, — она лукаво посмотрела на меня. — Я знаю, что вы должны думать, Арчер. Вы думаете, что я злая женщина, но на самом деле я не злая. Просто я не очень-то богатая, разве вы не знаете? Мне нужно заботиться о том немногом, что я теперь имею.

— Это половина от пяти миллионов, — посочувствовал я.

— Дело не в деньгах, во власти, которую они дают. Мне она была так нужна. Теперь Миранда уедет, а я останусь совсем одна. Подойдите ко мне и присядьте на минутку. Мне ужасно страшно. Как вы думаете, буду ли я видеть его лицо каждую ночь?

— Не знаю, миссис Сэмпсон.

Мне стало жалко ее, но другие чувства были сильнее. Я подошел к двери и открыл ее. Миссис Кромберг все еще находилась в холле.

— Я слышала, как вы сказали, что мистер Сэмпсон умер.

— Да... Где сейчас Миранда?

— Где-то внизу.

Я нашел ее в гостиной, сидящей перед камином. Когда я вошел, она взглянула на меня, но не поднялась для приветствия.

— Это вы, Арчер?

— Да. Мне надо вам кое-что сказать.

— Вы нашли отца?

Вспыхнувшее в камине дерево осветило ее голову и шею розовым светом. Глаза ее были широко открыты и бездонно глубоки.

— Да, нашел. Он мертв.

— Я знала, что это случится. Его убили сразу же, да?

— Хотелось, чтобы это было так.

— Что вы имеете в виду?

Я не стал объяснять ей.

— Мне удалось обнаружить деньги.

— Деньги?

— Вот они, — я поставил сумку к ее ногам. — Сто тысяч долларов.

— Они меня не интересуют. Где вы их нашли?

— Послушайте, Миранда, теперь вы остались одна.

— Не совсем, — возразила она. — Сегодня я вышла замуж за Берта.

— Знаю, он сообщил мне. Тем не менее, вам нужно уехать из этого дома и самой позаботиться о себе. Первым делом вам следует спрятать деньги. Я испытал немало приключений, прежде, чем они вернулись к вам, а они могут вам понадобиться.

— Извините. Куда мне их положить?

— В сейф. А потом положите их в банк.

— Ладно.

Она встала и решительно направилась в кабинет. Ее руки были напряжены, плечи приподняты так, будто она сопротивлялась какому-то давлению. Когда она открывала сейф, я услышал шум отъезжающей машины.

— Кто это был? — поинтересовалась она.

— Грэйвс. Он привез меня сюда.

— Почему же он не зашел?

Собрав остатки храбрости, я сказал:

— Сегодня вечером он убил вашего отца.

Ее губы шевельнулись, и она с трудом проговорила:

— Вы шутите, да? Он не мог этого сделать.

— Мог. Днем я выяснил, где держат вашего отца. Я позвонил Грэйвсу из Лос-Анджелеса и попросил его как можно скорее приехать туда вместе с шерифом и врачом. Когда я добрался туда, там никого не оказалось. Грэйвс где-то спрятал свою машину и укрылся в здании. Когда я вошел в помещение, он подкрался ко мне сзади и ударил чем-то по голове. После того как я пришел в себя, он сделал вид, что только что приехал. Ваш отец был мертв, еще теплый.

— Не могу поверить, что Берт мог сделать это.

— Вам придется поверить.

— У вас есть доказательства?

— Это дело полиции. У меня не было времени их искать. Это сделают полицейские.

Миранда присела в низенькое кресло.

— Как много людей умерло! Отец, Алан...

— Их обоих убил Грэйвс.

— Но Алана он застрелил, чтобы спасти вас. Вы говорили мне...

— Все не так просто, — перебил я ее. — Убийство юридически оправданное, но не было никакой необходимости совершать его. Грэйвс — великолепный стрелок и мог только ранить Тэггерта. Но он умышленно убил его, и у него были на это причины.

— Какие же?

Она подняла голову. Мне показалось, что вместо нерешительности на ее лице появилась отвага.

— Да, я была любовницей Алана.

— Но вы собирались выйти замуж за Грэйвса.

— До прошлой ночи я еще не сделала свой выбор. Я собиралась замуж, и Альберт был одним из претендентов. Лучше выйти замуж, чем оставаться в этом склепе.

— Грэйвс делал на вас ставку и выиграл. Но кроме этого, он поставил на кое-что еще. Сообщники Тэггерта не смогли убить вашего отца, поэтому Грэйвс задушил его сам.

Она прикрыла лицо руками. Жилки у нее на висках были нежно-голубые.

— Это ужасно, — прошептала она. — Не могу понять, зачем он это сделал.

— Ради денег.

— Но он никогда не интересовался деньгами. Меня восхищала эта черта Грэйвса.

Миранда опустила руки, и я увидел ее горькую улыбку. Она печально промолвила:

— Не очень-то удачно я выбрала предмет для восхищения.

— Было время, когда Грэйвса не интересовали деньги. Живи он в другом месте, он бы таким и остался. Тут деньги — жизненная сила. Ему осточертело работать на миллионеров, иметь дело с их деньгами, а самому оставаться бедняком. И вдруг он обнаружил, что есть шанс сделаться миллионером. Тогда он понял, что жаждет денег больше всего на свете.

— Знаете, чего мне сейчас хотелось бы? Мне бы хотелось не иметь ни денег, ни секса. От них одни неприятности: слишком мало радости и много горя.

— Нельзя винить деньги за то, что они делают с людьми. Зло сидит в людях, а деньги лишь способствуют его проявлению. Люди теряют из-за них рассудок и собственное достоинство, как и случилось с Бертом.

— Я поражена тому, что с ним произошло.

— Никто не мог этого предвидеть, даже он сам. Главное, что с ним будет теперь.

— Вы заявили в полицию?

— Собираюсь. Мне будет легче, если вы дадите свое согласие. И вам тоже станет легче.

— Вы просите моего согласия, не спрашивая моего мнения. Если хотите, пожалуйста, заявляйте. Только учтите, что у вас нет доказательств.

Она беспокойно зашевелилась в кресле.

— Он не станет отпираться, Миранда, если его обвинят. Вы знаете его лучше меня.

— Я полагала, что хорошо знала, но теперь я ни в чем не могу быть уверена.

— Вот поэтому-то вы и должны дать согласие. Вы не решаетесь, но ведь надо же обрести уверенность.

— Я вообще не уверена, что смогу жить.

— Не надо преувеличивать, — резко сказал я. — Самоубийство — не выход из положения. Конечно, все это ужасно, но я думаю, вы достаточно сильная девушка и сможете пережить. Я рассказал вам все в надежде, что вы одолеете все трудности и займетесь устройством своей жизни.

Миранда наклонилась в мою сторону. Ее груди, нежные и влекущие, приблизились ко мне, и она прошептала своими мягкими губами:

— Я не знаю с чего начать. Что мне делать?

— Ехать со мной.

— С вами? Вы хотите, чтобы я поехала вместе с вами?

— Не пытайтесь переложить свой груз на меня. Миранда. Вы красивая девушка, и очень мне нравитесь, но вы же не ребенок. Поедем со мной к окружному прокурору. Пусть он решает.

— Ладно, поедем к Хэмфри. Они с Альбертом были дружны.

Мы направились в город. Когда она затормозила перед одноэтажным домиком окружного прокурора, там уже стояла чья-то машина.

— Это автомобиль Альберта, — произнесла она. — Я не могу его видеть, пойдите сами, пожалуйста.

Оставив ее в машине, я поднялся по ступенькам на веранду. Хэмфри отворил дверь прежде, чем я взялся за ручку. Его лицо более чем когда-либо напоминало череп.

— Грэйвс здесь, — сообщил Хэмфри. — Он приехал несколько минут назад и заявил, что убил Сэмсона.

— Что вы собираетесь делать?

— Я вызвал шерифа. Он уже едет.

Хэмфри взъерошил пальцами волосы. Его голос и жесты были сдержаны.

— Это удивительно и ужасно. Я считал Альберта достойным человеком и не мог даже предположить ничего подобного.

— Достойные люди тоже совершают преступления, — заметил я. — Это как эпидемия. Вам, наверное, приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Только не в кругу моих друзей, — после короткой паузы он продолжил: — Минуту назад он рассуждал о высшей справедливости.

Цитировал что-то насчет невинности, говорил, что она подобна пропасти: нельзя в нее заглянуть и не упасть. Заглянув в ее глубину, человек становится грешен. Берт сказал, что он заглянул в пропасть и стал грешен еще до убийства Сэмпсона.

— Он не разобрался в себе, — возразил я. — Он заглянул не вниз, а вверх. Вверх, на дома, стоявшие на холмах, в которых властвуют большие деньги. Он сам намеревался получить крупную сумму — четвертую часть сэмпсонских миллионов.

— Не знаю, — медленно проговорил Хэмфри. — Он никогда особенно не любил деньги. Что-то с ним произошло. Берт ненавидел Сэмпсона, но его многие ненавидели. Сэмпсон заставлял каждого, кто на него работал, чувствовать себя слугой. Но у Грэйвса было нечто большее, чем просто ненависть. Всю жизнь он работал как вол и ничего не имел. Все потеряло для него смысл. Для него больше не существовал закон, понимаете?

— В конце концов, он решил обмануть весь мир и безрассудно убил человека.

— Нет, не безрассудно, а очень расчетливо.

— Очень безрассудно, — не согласился со мной Хэмфри. — Я еще никогда не видел столь несчастного человека, какой сейчас Берт.

Я вернулся к Миранде.

— Грэйвс уже здесь. Вы не ошиблись в нем. Он принял правильное решение.

— Он признался?

— Берт был слишком честен, и он не мог продолжать игру. Если бы никто не подозревал его, все могло быть иначе. Для честности нужны определенные условия. Грэйвс знал, что мне все известно. Он приехал к Хэмфри и все рассказал ему.

— Я рада, что он это сделал.

Но она тут же опровергла свои слова, склонившись на руль и содрогаясь в рыданиях.

Я пересадил ее и повел машину сам. Когда мы въехали на холм, я увидел огни города. Они казались нереальными. Звезды и горящие окна представлялись искрами холодного огня, разбросанными в черной пустоте. Реальностью была сидящая рядом девушка — потрясенная и растерянная.

Она была такой беззащитной, такой несчастной, что мне хотелось обнять ее, прижать к себе. Сейчас я мог сделать с ней все, что угодно, но если бы я это сделал, она бы возненавидела меня потом. Я сдержался, предоставив ветру возможность обнимать ее. Она выплакалась на моем плече, но, вероятно, сделала бы то же самое и на плече кого-нибудь другого.

Постепенно ее плач затих, усыпив сам себя. Мимо нас, у подножия холма, промчалась машина шерифа, направляясь к дому, где дожидался правосудия Альберт Грэйвс...
